

СМОТРИ, СМОТРИ ВО ВСЕ ГЛАЗА	1.htm	<i>елена дьякова</i>
ВОТ ЗА ЭТО Я ТЕБЯ И ЛЮБЛЮ	2.htm	<i>александр ярин</i>
В ХОРОШЕЙ СТРАНЕ НЕ РУБЯТ ДЕРЕВЬЯ И НЕ УБИВАЮТ ПТИЦ	3.htm	<i>надежда зырянова</i>
ПСИХОЛОГИЯ ПОИСКА	4.htm	<i>вадим ротенберг</i>
<hr/>		
ЧЕГО ОНИ БОЯТСЯ...	5.htm	<i>григорий бакланов</i>
ЗАЧЕМ НУЖНЫ УМНЫЕ ЛЮДИ?	6.htm	<i>геннадий ягодин</i>
О КУЛЬТУРЕ ДРАЗНЕНИЯ	7.htm	<i>мария осорина</i>
Я БОЮСЬ, ЧТО ТЫ МЕНЯ НЕ УСЛЫШИШЬ	8.htm	<i>светлана кривцова</i>
ЗАКОН ПАЛАТЫ	9.htm	<i>людмила воронова</i>
ЧЕГО ОНИ БОЯТСЯ...	10.htm	<i>людмила максимакова</i>
ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛИЧНОСТИ	11.htm	<i>светлана кривцова</i>
МОЖНО ЛИ ЗАЩИТИТЬСЯ ОТ ЗАЩИТЫ?	12.htm	<i>маргарита жамкочьян</i>
<hr/>		
ЧЕГО ОНИ БОЯТСЯ...	13.htm	<i>виктор славкин</i>
ЖЕЛТАЯ СОБАКА	14.htm	<i>vladimir петрушов</i>
<hr/>		
ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА БЛАГОДАРНОСТЬ	15.htm	<i>альбина локтионова</i>
СДЕЛАТЬ ШКОЛЬНУЮ ЖИЗНЬ ОТКРЫТОЙ	16.htm	<i>марина аромишам</i>
СОВЕТЫ УЧИТЕЛЯМ	17.htm	<i>ирина хоменко</i>
СОВЕТЫ РОДИТЕЛЯМ	18.htm	<i>ирина хоменко</i>
<hr/>		
ЧЕГО ОНИ БОЯТСЯ...	19.htm	<i>игорь иртенъев</i>
<hr/>		
ВРЕМЯ В ЗЕРКАЛЕ ДЕТСКОЙ ИГРЫ	20.htm	<i>мария тендрякова</i>
НЕДОИГРАВШИЕ	21.htm	<i>елена смирнова</i>
ЗАЧЕМ ОНИ ИГРАЮТ	22.htm	<i>зоя зорина</i>
<hr/>		
КАК ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ...	23.htm	<i>маргарита жамкочьян</i>
В ПЛЕНУ СВОБОДЫ	24.htm	<i>ирина хоменко</i>
КНИГИ	25.htm	<i>борис минаев/гари ромен</i>
БОРИСЫ ЗАХОДЕРЫ	26.htm	<i>вадим левин</i>

СМОТРИ, СМОТРИ ВО ВСЕ ГЛАЗА | *елена дьякова*
- журналист, редактор отдела культуры “Новой газеты”, кандидат филологических наук.

У меня была экзема от резиновых сапог. Собственно, начать бы надо с того, что мы в те годы переезжали – покруче военнотружеников, кругами приближаясь к столице нашей Родины Москве. Начать с того, что дома не было – место дома в сознании занимала тоска по нему... начать с того, что дом был – двадцать три квадратных метра жилой площади, шесть томов Грина, гардероб трехстворчатый, портсигар подарочный с видом на Кремль: шелк! – начинает играть “Подмосковные вечера” и пашет, пока не захлопнешь; родители курили открыто, а бабушка – в рукав халата. Начать с того, что два переезда равны одному пожару.

Но нечего губы кривить, дом бывает такой, какой он бывает, а все остальное зависит от обитателей. Обитатели много-много лет пили чай на чемоданах, читали детям (дитю, больше одного у нас давно не случалось) Тютчева по календарю “Звездочка-68”, толковали вкривь и вкось о прежней жизни, походке-выправке – я ничего о ней не знаю, не надо меня спрашивать, я и пирожки-то с повидлом есть на улице отучилась ужасным волевым усилием в двадцать восемь лет.

Так вот, у меня была экзема.

А потому, что у нас в Балашихе в те поры все ломали деревню и строили город, дети росли на опалубке, опалубка дрожала и раскачивалась под ногами. На брошенных огородах с картошкой и черемухой, в новых малометражных дворах – в нашем бодром, ущербном, хрущобном, окуджавско-стругацком райончике, под заветной катушкой кабеля, где кипрей рос, – чавкала трехцветная, черно-рыжеизвестковая грязь преобразований, намертво засасывала сандалеты. Бегать приходилось в резиновых сапогах даже в июле, иначе не проберешься. Вот и результат налицо.

И меня повезли к доктору – автобусом-экспрессом, метро и трамваем “Аннушка”, мимо длинных, пыльных, ремонтных заборов с первыми рекламами “Спортлото”. После доктора и аптеки мы с мамой (мама в бежевом джерси) вышли через бульвар к незнакомому водоемчику.

Как старая брошь в круглой малиновой коробке от монпансье “Спартак”, как гладкий темно-дымчатый топаз в ветхой оправе решеток и скамеек, лежали Чистые пруды. И внезапно, сжав мое чернильное запястье, мама сказала: “Посмотри, вот сидят старухи на солнце, у воды. Посмотри, какая у них серебряная седина, посмотри, какие у них синие глаза, как у гимназисток! Посмотри, как гордо они держат головы, посмотри, какие у них ветхие фетровые боты! Смотри, смотри во все глаза – таких, как они, больше не будет...”

Ну почему не будет, подумала я, вот состарятся наши тетушки, дочери этих старух, и станут точно такими же.

Но права была мама. А я ошиблась.

А время идет дальше, время меняет декорации, так что не узнать, зеленый шартрез и зеленый “Тархун” замещают соком киви. Я веду сына от врача через выставку динозавров по бульварам...

Вот и Чистые пруды. Скамейки пусты, синеглазых, с точеными руками старух давно уже нет на свете, фетровые ботики истлели в серых контейнерах. Да ведь все продолжается и повторяется все равно! Да ведь и я повторила поступок своей матери! Только не на Чистых, конечно, прудах, а в ЦПКиО им. А.М.Горького! И не Успенским постом, а Девятого мая, и не в аллее, а в кабаке, но все было точно так же.

Я шла с Санькой и его лучшим другом Дениской по народному гулянью, но на патриотическое воспитание двоих у меня не хватало тембра и пафоса, так что мальчишки жевали “фрут энд нат” и рвались в комнату смеха...

А я повторяла: “Давайте смотреть по табличкам, по трафареткам, около которых встречаются старики, давайте разыщем Сорок шестую армию и кого-нибудь, кто был на фронте вместе с нашей прабабушкой”.

Но они упрыгали от меня на красно-желтом батуте, уплыли по Пионерскому пруду на водном велосипеде глядеть “тарзанку” – аттракцион с эластичными лианами, а Дениска дружелюбно посоветовал с борта: “Теперь, Елена Александровна, можете спокойно искать Сорок шестую армию”.

И я ее нашла. То есть, конечно, номера воинских частей я у них не спрашивала. Просто в Нескучном саду, в пыльно-стеклянном шалмане возле реки, в шалмане с водкой и итальянским лилово-розовым мороженым, сдвинув изрезанные пластиковые столы, сидели и пели хором старики в орденах обоюдо. Таранка, зеленый лук и крутые яйца в черепках скорлупы лежали навалом. Голубой люминесцентной этикеткой сияла водка “Jeltzin”.

И восьмидесятилетний морячок играл на гармошке, и нищий, общепитовский, парково-культурный пир после Победы ширился на весь шалман.

Мальчишки мои, хлюпя “Спрайт” из банок, подпевали про трех танкистов и двадцать восемь панфиловцев, а я повторяла им втихаря:

– Смотрите, смотрите на них во все глаза! Смотрите на их ордена, на красные лица, на эту таранку с луком, на это братание незнакомых – ничего этого больше не будет! Будут презентации и ассоциации, и тестирование по системе Гете-Института, но таких, как эти, вы не увидите никогда!

“...Господи, – подумала я, – на других берегах, на опустелых лавочках Чистых прудов – мы проводили две России. Мы проводили две России, и я не знаю, как это выразить словесно, но мы – дети обеих”.

Несгибаемые старухи в черных шелковых отрепьях стоят у нас за левым плечом, морячки с гармошкой и нашивками на гимнастерке (красная – кровь, желтая – кость) стоят за правым. И даже если при жизни они не были знакомы особо близко, наша нелепая поросль их породнила.

Мы проводили две России и встречаем третью.

Из-за пыльных чистопрудных тополей выплыли, медленно пошли по небу цветные аэростаты, целая стая, несомая ветром на некий такой Таинственный остров, где все придется делать заново, своими руками и головой – от первого костра до телеграфа.

Аэростаты пестрые, как из лоскутного одеяла. “Ростелеком” было написано на них, “Тверь-универсалбанк”. А на отшибе плыл бедолага без рекламы, аэростат свободных творческих профессий, но такой же чудной, как все остальные, точно цветная тень Покрова-на-Рву (он же Василий Блаженный) легла на город.

“Будем жить, – подумала я, – будем жить заново”.

Вот и живешь, подработав случайно переводом деловой переписки, с отчаянной русской божбой по факсу и хитрогубой люксембургской чопорностью (“У друзей по бизнесу, господин Сидоров, должны быть одни и те же мысли и чувства, как в доброй семье”), ты, войдя в азарт и поторговавшись от себя лично, позволяешь себе: пьешь кофе сицилийски с апельсиновыми корочками в чистеньком частном кафе.

За спиной хозяйки пестрят прохладительные наклейки, знаки грядущего – детское шампанское в вишневой фольге, с надписью “чилдренпати” и сладкой, липкой нимфеточкой с фужером на этикетке. А рядом совершенно другого рода дизайн – баллон с видом на монастырь в снегу и надписью: “вода святого источника значительно превосходит по вкусовым качествам напитки из США, Германии и Израиля. Бутилирована по благословению...”. Ох, не буду я возникать, не мое это право. А в открытую дверь задувает жгучая, с изморозью и изморозью темнота, пахнущая холодным осенним листом, сине-лиловая, леденящая, как вокзальная полночь, как пробка от парфюма “Пари суар”. Кроме этой жгучей темени, не осталось ничего неизменного.

Старушка новой формации, в потертом зеленом ратине, входит в кафе. Просит посчитать, сколько ей не хватает на полбатона. Ты считаешь, ты конфузливо суешь ей деньги, ты, крутанувшись на высоком сиденье, видишь: рядом, около двух студенточек, стоит такая же точно старушка с такой же просьбой.

Мы проводили две России и встречаем третью. Мы славно поработали с господином Сидоровым, мы ущучили фрицев, таки заключили контракт – и огромные оранжевые грузовые “мерседесы” с шампунем “Фа” уже идут к границе.

А назад их тоже чем-нибудь загрузят: в Европе есть региональный спрос на кедровые орешки.

И тем не менее будем жить.

Будем гладить белые рубашки и учить падежи.

Будем глядеть окрест во все глаза, будем вставать рано и работать (В.В.Розанов), и каждый день полы мести (В.Ф.Ходасевич), как завещала нам, перед смертью ненадолго придя в сознание, литература России позапрошлой.

Будем вспоминать и записывать по мелочи домашнее, обиходное. Роспись истории на моем заборе, репы истории на моей парадной форме, чернильный номер истории у меня на ладони...

Будем жить. |

ВОТ ЗА ЭТО Я ТЕБЯ И ЛЮБЛЮ | *александр ярин*

Уважаемая редакция, здравствуйте!

В одном из киосков среди множества ярких глянцевых изданий нам бросился в глаза прямоугольник меланхолической бледно-коричневой раскраски. Поскольку в таком стиле журналы теперь не делают, мы тут же попросили “Педологию” у киоскера и с любопытством стали рассматривать. Дело в том, что один из нас художник-полиграфист, преподаёт и рисует (в основном, для детей), другой филолог, переводит и пишет (в основном, не для детей). Наскоро пробежав пару статей и обнаружив в составе редсовета несколько симпатичных нам фамилий, мы, не сговариваясь, решили предложить вам своё сотрудничество. Почему бы и нет? Ведь основная проблема вашего журнала – дети, для нас же наши собственные дети с некоторых пор тоже стали чуть ли не главной проблемой...

Для начала посылаем картинку и текст, которые представляют двух старших действующих лиц нашей семьи.

*С уважением,
Марина Белькевич и Александр Ярин.*

ВОТ ЗА ЭТО Я ТЕБЯ И ЛЮБЛЮ

Папа у нас больше всего на свете любит другое. Другое – чем что? Чем то, что есть. У него и адрес в интернете alter. Это, кто забыл, по-латыни и означает – “иначе, по-другому”. А мама любит точно наоборот – то, что есть.

А что есть? Берёза кривая с ободранным боком, вот что есть. Это его мусорка ободрала, когда мусор забирала. Между прочим, под окном, в шесть часов утра. А грохоту-то, грохоту подняла. Ну, ничего страшного, никого не разбудила, один папа проснулся. Лежит и думает: хоть бы мусорок не было. Но кто бы тогда мусор убирал? Подумал, подумал и догадался: мусора бы тоже не было. Это он всегда так: любит, чтобы уж всё было одно к одному. За это его многие уважают. Ну, не многие, так некоторые.

Ещё есть соседки по лестничной клетке. Марья Ивановна да Лина Константиновна. И они всегда между собой собачатся и приходят к маме жаловаться друг на друга. А папа думает: пусть себе, конечно, собачатся, но всё-таки хотелось бы чего-то другого.

Да мало ли что на свете есть. Чего на свете не бывает.

Как же они только друг с другом сошлись?

– Это мама-то с папой?

– Ну да, как они между собой уживаются, эти два человека, если их любовь направлена в разные стороны: его – куда-то вверх и вбок, а её – вообще никуда не направлена, так, глядит куда попало.

– Ну, во-первых, они не сразу сошлись. Не детьми. Успели ещё до женитьбы дров наломать. Есть, как говорится, что вспомнить и друг другу порассказать. Накуролешено столько, что и на других бы хватило.

– Скажешь тоже. Нет на свете такого слова “накуролешено”.

– Нет, так будет. Без него не обойдёшься. И никто их друг к другу на аркане не тянул. Сами познакомились, лет восемь ещё повременили, да и поженились как миленькие. И потом – не всё же так просто. Папа вечером, как домой приходит, часто говорит: “Знаешь, я сегодня весь день думал, думал и понял, что на самом деле меня нет”. А мама отвечает: “Как интересно! Вот за это я тебя и люблю”. Значит, что же, всё наоборот получается? Разве тут разберёшься! Но вообще-то, им, конечно, трудно приходится друг с другом. То у них то, то другое... Хотя, если подумать, – сколько вообще человек живёт? Ну шестьдесят лет, ну семьдесят. От силы двести. Можно ведь и потерпеть, перебиться.

В ХОРОШЕЙ СТРАНЕ НЕ РУБЯТ ДЕРЕВЬЯ И НЕ УБИВАЮТ ПТИЦ надежда зырянова

Вы когда-нибудь спрашивали своего ребенка, что он любит больше всего на свете?

Если нет, то обязательно спросите.

Вы узнаете много нового и, может быть, неожиданного для вас.

Мы спросили об этом детей шести лет и получили интересные ответы. Оказалось, что, несмотря на все трудности нашей современной жизни, дети остаются жизнерадостными людьми, полными оптимизма. Они любят то, что, наверное, и должны любить дети, независимо от эпохи, в которой они живут: они любят все, что необходимо ребенку для того, чтобы он был счастлив и нормально развивался. Обобщив их ответы, можно сказать, что они любят саму жизнь. Некоторые дети так и отвечали: **| Жизнь люблю |** или **| Нравится, что я живу |**.

Больше всего на свете дети любят своих родителей. Иногда они просто говорили о своей любви к ним, иногда – старались объяснить, за что любят маму или папу. Ответов такого рода очень много, поэтому приведем в качестве примера только один: **| Люблю маму свою, папу своего, потому что мы с папой играем, поэтому я его очень люблю, но не только из-за этого. А мама дает мне хорошие советы, покупает мне киндеры |**.

Любовь и привязанность к своим родителям, как и потребность быть любимым, естественны для ребенка, ведь родители – самые близкие, самые родные люди. И даже если отношение родителей к малышу безупречно, ребенок все равно любит своих родителей и все им прощает – непонимание, грубость, раздражительность, незаслуженные упреки.

Ребенок обычно во всех грехах винит не родителей, а самого себя, так как считает, что взрослые, а тем более родители, не могут быть плохими, видимо, это он сам недостаточно хорош. Ребенок болезненно переживает, если чувствует, что родители его не понимают, не принимают, не любят, и тогда в ответ на наш вопрос о том, что он любит больше всего на свете, отвечает: **| Люблю, когда мама всегда добрая |**.

Конечно, дети любят и обычные детские занятия –

играть, гулять, смотреть телевизор, и, вообще, приятно проводить время: **| Мне нравится играть в игрушки какие-нибудь. У меня есть тетрис, я в него очень часто играю, у нас есть такой маленький компьютерик, там всякие кнопочки нажимаешь и всякие детальки падают |**.

Дети любят делать что-нибудь хорошее, полезное – помогать маме, бабушке, им нравится трудиться:

| Мне нравится больше всего то, чтобы я работала: и стирала, и готовила – я готовить умею, маме помогаю | Люблю очищать картошку в картофелечистке, люблю смотреть в пятницу “Капитал – шоу”, больше всего люблю кошек |

Немало детей любят совершать подвиги. Вот один из таких ответов: **| Нравится во что-нибудь играть, бегать, кататься – я ловкий. В жизни люблю что-то хорошее делать. Один раз я был в садике и мечтал, думал, вот на Марью Ивановну захочет кто-нибудь напасть, а я набросился бы на преступника сзади и прибил его |**.

Еще дети любят учиться, узнавать новое: **| Мне нравятся математика, рисование, все уроки, еще мне нравятся игрушки | Нравится учиться, больше всего музыке, рисованию |** Мне нравится учиться, и особенно мне нравится урок рисования и немецкого языка |.

Кроме того, они любят: играть, – **| У меня дома пианино такое малюсенькое, я на нем играю целый день, знаю ноты, в музыкальную школу хожу |**,

наблюдать, что происходит на небе, – **| ... я вот когда иду из гимназии, я на некоторую минуту поднимаю голову на небо и считаю звезды. Несколько насчитаю звезд. А когда я ложусь спать, когда засыпаю, мне эти звезды снятся. А потом мне снится, что они превратились в какую-то матрешку |**.

И, конечно, любят наши дети просто радоваться, отдыхать и баловаться: **| Люблю кричать, беситься | Люблю радость, Диснея. | Нравится баловаться, есть конфеты | Нравится рушить вместе с папой, только папе это надоело до смерти, а мне не надоело. Мы строим крепости, нам как раз дали банки, много банок из-под пива, и мы строим крепости такие, и туда – солдат, а потом их разрушаем | Прыгать да бегать, больше всего я мечтаю на коне кататься, но я еще не каталась |**.

Многие дети говорили о любви к природе и животным: **| Природу люблю, горы, не была в горах, их показывали по телевизору. Мне собака, которая в горах людей ищет, понравилась. Попугайчики нравятся. У меня рыбки были, но они все помирают, – еще хочу. Аквариум уже папа куда-то увез, уже дырявый, наверное. У меня мама тоже хочет, а папа не хочет. У меня есть на даче круглый аквариум. Он (папа) любит, но ухаживать не любит | Цветы люблю, тюльпаны и розы | Лес люблю | Походить люблю, посмотреть на природу |**.

Дети любят вообще любят природу, понимают, что хорошо для природы, что плохо. Они говорят так: **| Дождь для природы хорош, потому что он поливает все, чтоб росло, природа, там цветочки, травка. А если дождя не будет, то не будет природы, и корова молоко не будет давать |, а ломать деревья – для природы плохо – | Если природу, все деревья сломаешь, воздуха не будет |**.

Дети имеют представление о том, что сейчас происходит с природой, с окружающей нас средой, знают, почему родители стараются их при первой возможности увести из города, – это потому, что в Москве **| несвежий воздух, а здесь (на даче) свежий, потому что у нас нет моря, есть река, но она слишком грязная, в ней нельзя купаться |**.

Есть дети, которые считают, что **| лучше жить в деревне, там свежий воздух, коровы, можно купаться |**. Они переживают, что в городе грязно, мало зелени, грязная река – **| Москву затопили всем, всякими мячами там, банками порванными, я не люблю, когда так неприятно |**. Некоторые говорили с сожалением, что **| у нас природа плохая |**, а в других странах (например, на Канарах или в Италии) природа хорошая, и что забота о природе – это признак хорошей страны – **| В хорошей стране никогда не рубят деревья, не убивают птиц, заботятся о природе |**.

Практически все дети сказали, что природу надо охранять, **| чтоб человек подходил и любовался красотой. Потому что она дает воздух нам, а если вся природа умрет, то людей не будет, от листьев дается воздух |**. Природа приносит пользу человеку, **| потому что вот корову убили – и нету молока, пчелу задавили – и нету меда | Нужно охранять, чтобы она не засохла. Человек должен за природой смотреть, чтобы никто не пришел, не сорвал ее, растет ведь, с природой так надо обращаться |**.

/Детей спрашивали сотрудники Психологического института Российской академии Образования Надежда Зырянова, Марина Егорова, Светлана Пьянкова и Юлия Черткова.

ПСИХОЛОГИЯ ПОИСКА

Вадим Ротенберг

– психолог, доктор медицинских наук, профессор, один из самых ярких психотерапевтов России и Израиля. Его перу принадлежит впечатляющий цикл исследований, посвященных природе сна, эмоций, стресса, депрессии, анализу широкого спектра психосоматических феноменов, остающихся загадкой для современной науки. Через все исследования проходит созданная Вадимом Ротенбергом концепция поисковой активности, бросающая вызов традиционным подходам к пониманию поведения человека в биологии и психологии.

К психосоматическим относятся заболевания, в происхождении которых решающая роль принадлежит эмоциональному фактору. Это язвенная болезнь двенадцатиперстной кишки, зигеритония, ишемическая болезнь сердца, аллергические и некоторые эндокринные заболевания. В последнее время к этому списку все чаще добавляют опухоли, особенно злокачественные. Таким образом, психосоматические заболевания являются наиболее разрушительными и стоят на первом месте среди причин смерти и инвалидности.

Давно уже стало банальным утверждение, что отрицательные эмоции вредны для здоровья, а положительные полезны. Все мы знаем, что отрицательные эмоции вызывают стресс. А поскольку все мы также знаем на собственном опыте, что избегать отрицательных эмоций не удастся, то существование в условиях постоянного стресса следует принимать как данность. Если же стресс и впрямь постоянно ведет к психосоматическим заболеваниям, все мы потенциальные пациенты и следует с этим смириться.

Смиряться, однако, не хочется. Хочется поискать выход из этой логической мышловки. И когда начинаешь задумываться над утверждениями, которые так часто принимаются за аксиомы, появляются первые сомнения. Действительно, самый массовый и длительный из всех известных стрессов – война – отнюдь не увеличивает число психосоматических заболеваний. Более того, во время Второй мировой войны и в действующих армиях, и в тылу сократилось число психосоматических заболеваний. Это звучит парадоксально: переизбыток отрицательных эмоций, страх за себя и близких, тяжелый, не ограниченный во времени труд, хроническое недоедание – а психосоматические заболевания идут на убыль.

Еще более поразительным примером является здоровье узников фашистских концлагерей. Когда союзники освободили тех, кому посчастливилось дожить до освобождения, врачи буквально руками развели: несмотря на физическое истощение и гигантское нервное напряжение, у этих людей не только не выявлялись какие-либо новые болезни, приобретенные в концлагере, но и нередко отсутствовали признаки тех заболеваний, с которыми они в концлагере попадали. Не следует делать из этого вывод, что концлагерь – лучшее место для лечения психосоматических заболеваний. Очень многие погибли в лагерях как раз от обострения этих заболеваний и не дожили до освобождения. Но если один и тот же фактор – лагерный стресс – в одних случаях приводит к ухудшению здоровья и гибели, а в других – даже способствует улучшению соматического состояния, значит, сам по себе он ничего не может объяснить и необходимо искать другие, сопутствующие обстоятельства, которые и являются решающими для здоровья.

В этой связи заслуживает внимания другой факт: у многих бывших узников концлагерей, которые при освобождении были здоровы, заболевания начались через некоторое время после освобождения, на фоне гораздо более благополучных условий и лучшего настроения. В медицине такой феномен известен давно и получил название “болезни достижения”. До тех пор пока человек борется за что-либо важное для себя – не важно, карьера это, идея или внимание любимой женщины, – он здоров, хотя трудности при достижении цели нередко порят ему настроение. Но вот цель достигнута, победа одержана. Если это была конечная цель, из тех, о которых говорят: “Добиться и умереть”, возникает депрессия, иногда вплоть до самоубийства, или появляются психосоматические заболевания. Мы назвали этот синдром “синдромом Мартина Идена”. Помните этого героя Джека Лондона, который успешно боролся со всеми трудностями жизни и неудачами, но не сумел справиться с успехом? А мои друзья, работавшие в московской Академической поликлинике для научных работников, придумали собственный термин: “постдиссертационный синдром”. Человек делает диссертацию, преодолевая одно препятствие за другим, и при этом вполне здоров, а потом достигает воледеленной цели – защищает диссертацию – и вскоре попадает в больницу. Впрочем, этого никогда не случалось, если диссертация рассматривалась не как финал всех усилий и право на заслуженный отдых, а как трамплин для более творческой работы.

Какая же общая закономерность лежит за всеми этими фактами? Почему отрицательные эмоции могут порой способствовать здоровью, а положительные – ухудшать его? Почему стресс может быть не только вреден, но и полезен?

Концепция поисковой активности отвечает на эти вопросы. Я создал эту концепцию в творческом содружестве с прекрасным физиологом, доктором биологических наук В. Аршавским: мы обобщили исследования, проведенные на людях и животных. И в экспериментах на животных было показано, что положительные эмоции могут снижать сопротивляемость организма, а отрицательные, такие как страх или ярость, могут эту сопротивляемость повышать. Ибо водораздел проходит не по знаку эмоций, а по характеру поведения. До тех пор пока человек или животное, даже испытывающее страх или гнев, сохраняет поисковое поведение, его здоровью ничто не угрожает.

Что же такое поисковое поведение? Это активное поведение в условиях неопределенности, когда человек не имеет возможности со стопроцентной уверенностью прогнозировать результаты своей активности, не сможет сказать наверняка: будут ли они успешными или нет. Однако он способен адекватно оценивать каждый промежуточный результат на пути к конечной цели и соответственно корректировать свое поведение. Этим поисковое поведение отличается от панического, которое тоже осуществляется в условиях неопределенности, но человек не может извлечь уроков из своих ошибок или случайных удач. Неуверенность в окончательном результате как раз и приводит поведению черты поискового, тогда как полная уверенность в результате делает поведение автоматическим и стереотипным. Интересно, что паника тоже на определенном этапе приобретает черты стереотипности, а завершается, как правило, капитуляцией или депрессией, то есть поведением, прямо противоположным поисковому. Депрессия, подавленность, апатия, безынициативность или неупорядоченная тревога, вызванная вытеснением из сознания неприемлемого мотива, – все это проявления отказа от поиска. Отказ от поиска снижает сопротивляемость организма, даже если сам этот отказ не сопровождается отрицательными эмоциями.

В этом фундаментальном законе, связывающем поисковое поведение со здоровьем, заложен глубокий философский смысл. Поисковая активность сама по себе требует серьезных усилий и больших энергетических затрат. Она толкает человека или животное на поиск неизведанного, нового, необычного, даже потенциально опасного. Легче – не искать, легче жить по стереотипам, заранее безошибочно предугадывая последствия каждого шага. Но если каждый член сообщества откажется от поиска, то не только он остановится в своем внутреннем развитии – остановится прогресс всей популяции в целом, остановится, если говорить о человеческом обществе, развитие цивилизации. Даже развитие мозга каждого индивида в большой степени зависит от характера поведения человека, и в то же время выскоразвитый мозг в большой степени способен к организации именно поискового поведения.

Когда я говорю – поведение, я имею в виду поведение в самом широком смысле слова: сюда относится и “психическое поведение” – мысли, фантазии, творчество, – важно только, чтобы процесс мышления не носил стереотипный, рутинный характер.

По-видимому, именно для того чтобы как-то скомпенсировать и оправдать все сложное и неудобства, причиняемые человеку его поисковым поведением, оно и оказалось так тесно связанным со здоровьем. Здоровье – та золотая монета, которой природа расплачивается за готовность к риску (в том числе интеллектуальному). Недаром специальное исследование показало, что большинство выдающихся людей, удостоенных за свои достижения упоминания в энциклопедиях, жили дольше, чем в среднем их современники. Понятно и сохранение здоровья у узников в концлагерях – это результат их безостановочной повседневной борьбы за сохранение жизни и достоинства. Такая борьба в условиях лагеря требовала высокой поисковой активности. Понятно и происхождение болезней достижения: если человек по доброй воле прекращает поисковое поведение, особенно если оно раньше было очень выражено, такой перепад серьезно бьет по здоровью.

Для здоровья безразлично, в каком направлении развивается поисковое поведение. Поиск, осуществляемый авантюристом и негодяем, – поиск способов обеспечить себя за счет других – так же защищает здоровье, как и поиск ответа на вопросы, мучающие человечество. Природа аморальна. Однако разрушающий поиск злодеев и психопатов вызывает сопротивление других людей и приносит меньше удовлетворения, чем созидательный поиск творцов.

Важно понять, что сам процесс поиска имеет большее значение для здоровья, чем его прагматический результат. Можно не прийти к успешному решению проблемы, но пока продлится процесс поиска, сохраняется здоровье и сохраняется надежда. Отказ от поиска убивает то и другое.

Если поисковая активность так важна для индивида и более того – для развития популяции, то почему же поведение каждого не исчезло в процессе эволюции как вредное и лишнее? Скорее всего потому, что отказы не являлись в раннем этапе своего развития, в младенчестве получает неизбежный опыт пассивного, зависимого поведения; его собственные физиологические и психологические возможности для поискового поведения еще не сформировались, это происходит постепенно и при активной поддержке родителей. Если же эта стимулирующая поддержка, позволяющая преодолеть исходный страх перед поиском, выражена недостаточно, то пассивная позиция закрепляется и в будущем при каждой очередной сложности способствует поведению отказа, капитуляции. Таким образом, от воспитания зависит не только поведение детей, но и их здоровье.

С отсутствием эмоционального контакта и поддержки связаны все последствия раннего отрыва ребенка от матери. На детенышах обезьян было показано, что сначала этот отрыв вызывает реакцию протеста и страха, однако сменяющегося паникой. Затем наступает апатия, снижаются все первичные влечения (например, аппетит), резко уменьшается поисковая активность, и, что самое катастрофическое, это часто имеет необратимый характер. Даже возвращение матери не восстанавливает ни эмоциональных контактов с ней, ни активного поведения. Есть критический период в развитии выскоразвитого животного, когда может свершиться переход к активному поиску, и если в этот период наносится травма, связанная с отсутствием родительской поддержки, это оставляет след на всю жизнь.

Постоянные наказания, особенно подавление инициативы, так же блокируют поисковое поведение, как и безоговорочное и безудержное поощрение, стремление защитить ребенка (да и взрослого) от любых усилий. Судьба СССР – грандиозный эксперимент, показывающий, к чему приводит подавление поискового поведения. Отказ от поиска характеризовал и верхи, и низы великой державы. Сложилась ситуация, когда низы не хотели и не умели жить ни по-старому, ни по-новому, а верхи не умели управлять ни по-старому, ни по-новому. Ибо слишком долго для прорыва наверх требовалась не инициатива, а соблюдение стереотипных правил игры.

Подавленная поисковая активность всегда и страшно мстит за себя как в судьбе одного человека, так и в судьбе общества.

Каковы же психологические механизмы, поддерживающие поисковое поведение? И, напротив, благодаря каким особенностям личности может сформироваться стойкий отказ от поиска, даже если в раннем детстве не было прямых для этого предпосылок и ребенок получал необходимую поддержку? Это очень интересный и серьезный вопрос, имеющий самое непосредственное отношение к педагогике, а также к механизмам психологической защиты.

Однако целесообразнее начать с рассмотрения психологических предпосылок противоположного состояния – отказа от поиска, потому что это состояние гораздо легче воспроизвести в эксперименте.

Определенный тип отказа от поиска получил название обученной беспомощности. Это важный и интересный феномен. Первые исследования были проведены на животных. Их помещали в клетку, через пол которой пропущена небольшая, но чувствительная тария электрического тока, систематически, но с неравными промежутками времени. Таким образом, ударов никогда не могло чувствоваться в поисках спасения. Вначале после каждого удара ток оно металось по камере в поисках спасения. Потом, как бы убедившись, что спасения нет и все усилия бесполезны, животное замирало, забивалось в угол камеры и с покорной безнадельностью ожидало следующего наказания. Это был типичный отказ от поиска, и животное беспомощно ждало за своим здоровьем: у него выпадала шерсть (а остатки ее становились дыбом), появлялось желудочно-кишечные расстройства и беспомощность этот феномен был назван потому, что в этом состоянии животное не могло воспользоваться возможностями для спасения, даже если они неожиданно появлялись: если в клетку помещался рычаг, нажатие на который выключало ток, животное этого не делало. В то же время наивное животное, еще не прошедшее длительного участия в эксперименте, следовало нажать на рычаг и тем самым начинало контролировать ситуацию. Следовательно, при выработке обученной беспомощности животное учили, что от его поведения ничего не зависит.

В исследованиях на людях применяли другую методику. Током их не били, это запрещено законом. С ними обходились более жестоко. Им предлагали решать различные интеллектуальные задачи, якобы проверяя их интеллектуальный уровень. Все задачи не имели решения, но люди об этом не знали. Они пытались их решать, но всякий раз безуспешно. Их дружки и удивленно говорили: “Что же вы не справляетесь с такими простыми заданиями?” Мы ожидали от вас больше! У других это получалось лучше” – и так далее, в том же духе. После нескольких комментариев, подрывающих уверенность в себе, большинство людей впадало в состояние тревоги, отчаяния, словом, тяжелого стресса, ибо наносился удар по их самооценке. И тут-то им предлагали простую, легко решаемую задачу, а они с ней тоже не справлялись. Процесс обучения (беспомощности) прошел успешно...

Сначала исследователи предполагали, что дело именно в опыте длительных неудач, в представлении, что от поведения человека ничего не зависит. Тогда возникла идея, что можно повысить иммунитет человека к состоянию выученной беспомощности. Для этого достаточно предварительно вооружить его опытом, что он легко справляется с задачами и полностью контролирует ситуацию. По замыслу исследователей, получив такой опыт, человек уже не поддается на провокацию, у него не возникает чувства беспомощности при столкновении с нерешаемыми задачами, и он сохраняет способность к решению тех задач, которые решить можно. Был поставлен эксперимент. Одной группе испытуемых давали очень легкие задачи, решаемые по стереотипному алгоритму. Все испытуемые справлялись с этими задачами, приобретая опыт успешности. Другой группе давали достаточно сложные, но решаемые задачи. Эти испытуемые справлялись с задачами примерно в половине случаев. После этого обеим группам давали нерешаемых задач, а затем смотрели, удалось ли выработать обученную беспомощность. Для этого им вновь предлагали средней сложности задачу, имеющую решение.

Вопреки исходной гипотезе, в более устойчивыми оказались испытуемые второй группы, которые с трудом и лишь в половине случаев справлялись с тренировочными задачами. А значит, не опыт успеха сам по себе, а опыт преодоления трудностей, опыт активного поискового поведения “иммунизирует” человека к неудачам, повышает его сопротивляемость. Легко достигнутый успех, напротив, детренирует поисковую активность и в сущности не способствует повышению уверенности в своих силах.

Этот эксперимент имеет аналог в реальной жизни. Лет тридцать пять назад, когда золотая медаль при окончании школы обеспечивала в СССР поступление в институт без экзаменов, внезапно возникла проблема золотых медалистов. Способные ребята, попадая в институты, нередко не справлялись с нагрузкой и отчислялись за неуспеваемость. А происходило следующее. В школах для тех, кто, по мнению педагогов, мог претендовать на медаль, нередко создавался статус максимальной многоприятности. Их промахи не замечались, неудачные ответы считались случайными и не учитывались, им нередко давали возможность исправить ошибку повторной переделкой; там, где они отделили на четверку, их вытязгивали на пятерку и так далее. В результате у них сплундуно формировалось справедливое ощущение, что не они работают на ситуацию, а ситуация работает на них. Неадекватность в поисковом поведении, в приложении усилий уменьшалась или отпадала. Комфортные условия приводили к детренированности. И после этого, попадая на льготных условиях в институты, где уже никаких льгот не было, они были не в состоянии мобилизоваться для преодоления трудностей.

Итак, опыт поискового поведения в прошлом – важный фактор, обеспечивающий сохранность поискового поведения даже в самых неблагоприятных условиях. Но кроме этого, большое значение имеют психологические установки. Человек, полагающий, что его удача случайна и обусловлена определенным стечением обстоятельств (удачей, чьей-то помощью), а неудачи закономерны и стабильны, капитулирует перед трудностями быстрее, чем человек с противоположными установками. Тот, кто полагает, что потерпел неудачу только в этом конкретном виде деятельности, тогда как с другими задачами может справиться успешно, менее склонен к выученной беспомощности, чем тот, кто в своих представлениях распространяет опыт неудачи на все остальные виды деятельности. Тот, кто считает, что его неудачи обусловлены его личными дефектами, но поддающимися исправлению, более подвержен обучению беспомощности, чем тот, кто связывает неудачи с внешними обстоятельствами.

При всех обстоятельствах сохраняющий уважение к себе, более устойчив к неудачам, чем человек с чувством внутренней ущербности. Высокая самооценка и уважение к себе – это неисчерпаемый резервуар поисковой активности. Особенно наглядно это проявляется в творчестве. В процессе поискового творчества, художественного или научного, отдельные неудачи неизбежны. Человек с высокой самооценкой извлекает из этих неудач уроки и ищет другие пути. Он ориентирован на задачу, а не на подтверждение своих возможностей. Для человека с низкой самооценкой любая неудача оборачивается личностным крахом, он прежде всего оценивает самого себя и, выставив себе отрицательную оценку, приходит в отчаяние.

Обсуждая соотношение поисковой активности и здоровья, я писал об узниках концлагерей, которые сумели уцелеть и даже сохранить физическое здоровье в этих нечеловеческих условиях. Выдающиеся психологи Виктор Франкл и Бруно Беттельгейм, пережившие концлагерь, также поделились своими наблюдениями на этот счет. Устойчивее всех оказались те, кто совершал необязательные поступки: регулярно умывался, делал гимнастику, следил за своей одеждой, старался помочь другим. Соблюдение этих простых на первый взгляд человеческого поведения требовало в условиях концлагеря высокой самодисциплины и серьезных усилий, ибо гораздо легче и естественнее было махнуть на все рукой и плыть по течению. Этих, однако, влекло прямоком в воды Мхикса, к преждевременной гибели, а в этих необязательных, нерегламентированных поступках проявлялось поисковое поведение.

Но для нашего разговора интереснее всего то, что самым устойчивым социальным слоем в этих условиях оказались бывшие аристократы. Это кажется парадоксальным: ведь аристократы менее всего были подготовлены к такой жизни своим прошлым опытом. Однако гораздо существеннее оказалось, что аристократы с раннего детства воспитывались в традициях самоуважения, уважения себя как личности и представителя рода, независимо от внешних условий. И это уважение к себе, сохранение собственного достоинства давало силы для необязательного на первый взгляд поведения. А отказ от этого поведения означал бы неуважение к себе.

Лично в то самое время, когда узники отчаянно боролись за выживание и сохранение себя как выживших в концлагерях Европы, другая драма разыгрывалась в Палестине. Спасшиеся от катастрофы немецкие евреи, принадлежавшие к интеллектуальной элите общества (врачи, инженеры, адвокаты, журналисты, профессоры университетов), обнаружили, что их знания и опыт не могут быть востребованы. В стране был всего один университет, не было ни адвокатских контор, ни крупных предприятий, ни достаточного числа больниц. Люди с высшим образованием занялись строительством домов и дорог, уборкой улиц. К сожалению, это был отнюдь не последний случай массовой перекалфикации в строители и чернорабочие. Но немецкие евреи оставили в истории страны мир, основанный на реальных фактах, и миф этот очень важен для понимания психологии устойчивости к стрессу. Передавая друг другу кирпичи на строительстве, они не называли друг друга по имени или фамилии, а обращались друг к другу так, как в прошлой жизни на улицах Берлина и Мюнхена: господин доктор... господин адвокат... господин профессор...

Что это было? Отождествление себя с утраченной профессией? Нежелание смотреть фактам в лицо? Демонстративное игнорирование неприятной реальности?

Думаю, что нет. Это не было отождествление себя с профессией, потому что такое отождествление в новых условиях могло вести только к депрессии и ностальгии, а они оказались на редкость стойкими. Это было отождествление себя с прошлыми достижениями, со способностью добиваться поставленной цели вопреки всему, с собственной одаренностью и умением работать. А этого у человека не может отнять никто, только он сам может вдруг в этом усомниться. Можно не дать человеку работать по профессии, но нельзя лишить человека уважения к себе за то, что он в свое время стал хорошим специалистом. Прошлый успех может стать поводом для бесконечной ностальгии, парализующей любую активность, но он же может стать источником уважения к себе и веры в него, стимулирующей поисковую активность в новой, сложной ситуации. Эти люди показали образец именно такого поведения, и поэтому при первой же возможности они открыли юридические конторы и инженерные бюро, заняли кафедры в университетах и места в новых больницах. Пример, достойный изучения и подражания.

Только высочайшее уважение к себе позволяет отнестись к сложной ситуации как к игре: этот ход не удался, попробуем другой; этот шаг оказался ошибочным, найдем с другой стороны. Уинстон Черчилль писал: “Если дверь не открывается, разбейте и толкните. Если она все равно не открылась, разбейте подале и толкните сильнее!”. Если все еще не удалось, значит, разбег должен быть больше, а толчок более сильным. Но ведь каждый удар о закрытую дверь сопровождается ушибом, порой весьма болезненным. Чтобы не отказать от попыток, надо относиться к болезненным ударам как к естественному условию игровой ситуации. В азарте игры боль переносится легче. Но это возможно только тогда, когда удар не приходится по самолюбию и человек сохраняет способность пошутить над своей неудачей. Английский премьер доказал сохраненной судьбой справедливости своих слов. Когда после победного завершения войны англичане оказались в отставке того, кто вдохнул в них энергию сопротивления Гитлеру, Черчилль не смирился с поражением и вскоре вновь стал премьером. Ему помогла неистощимая поисковая активность, опиравшаяся на несокрушимую веру в самого себя. И она же помогла ему сохранить работоспособность и здоровье до демьста с лишним лет, несмотря на нарушение всех медицинских рекомендаций, избыточный вес, малоподвижность, гаванские сигары и коньяк.

И помнеет, что необходимо помнить: вырасти уважение к себе, наше самовосприятие формируется наших детей. Очень трудно вырасти человеком с психологией духовной аристократии, а не с психологией чиновника (я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак), если взрослея не видишь образца такой психологии и такого поведения. |

ЧЕГО ОНИ БОЯТСЯ... | *григорий бакланов*

Я много думал об этом, потому что перед моими глазами прошло взросление трех человек. Я ведь не только отец со стажем, но даже и дед – моему внуку двадцать один год, внучке – двенадцать.

Вы знаете довольно новое выражение, слово, произносимое с уничижительной интонацией: “ботаник”? “Ботаник” – это тот, кто не принял, не признал, что миром правит сила. Сила физическая и сила материальная. “Ботаник” – не признающий всевластие материального. То, что, казалось бы, приняли уже все. По-моему, “генеральный”, всеобъемлющий детский страх – страх оказаться “ботаником”. Человеком вне социума, вне торжествующих в нем ценностей. Страх, что тебя не примут и не поймут. Что ты не такой, как другие. И потому человек сам обстругивает себя до приведения в соответствие со стандартом, со средним арифметическим. Потому что первый сорт раздражает и вызывает зависть, а вот второй нравится практически всем. Это добротное, это “носко”. Страх быть “не таким” неведом, конечно, заурядным детям. Он свойственен исключительным, исключительным хоть в чем-то.

С другой же стороны, ведь страх быть не таким, как другие, – это даже не собственно страх. Это травма. И эту травму в той или иной мере пережили все. Мне кажется, все без исключения – вне зависимости от свойств характера и способностей.

Социум давит на человека всегда. И на каждого человека. И человек вынужден – да и действительно должен – самоутвердиться. Мальчишки, как правило, прибегают к физической силе. Но дело, конечно, не в ней. Характер – вот что важно. Только характер утверждает человека.

Я думаю, нет ничего хорошего в том, что незаурядный человек вынужден напряжением всех сил одолевать социальное давление. Но это так и никак иначе, следовательно, надо обратить преодоление себе на пользу. Как там у Хэмингуэя – пережить слом и становиться крепче на сломе? |

ЗАЧЕМ НУЖНЫ УМНЫЕ ЛЮДИ?

Геннадий Ягодин

— ректор Международного Университета, академик Российской академии образования, член-корреспондент РАН. Если возможно словосочетание – талантливый министр, то оно приложимо исключительно к Ягодину. Он самый талантливый министр образования нашей страны. С 1988 по 1992 годы благодаря его дерзости у нашей школы появились новые горизонты развития, надежды на достойную либеральную жизнь.

Учебный год на стыке тысячелетий – неплохой повод ненадолго забыть о сегодняшних образовательных дырах и посмотреть на вопрос глобально. Куда идет современное образование во всем мире? Каковы его стратегические направления? Как вписывается Россия в мировые тенденции?

Для начала надо посмотреть, куда идет современное человечество. И тогда станет очевидно, что мы создали такой мир, который не может дальше развиваться по той парадигме, по которой живет сейчас. Путь технологической цивилизации, по которому человечество шло последние века, зашел в тупик. С нынешними стереотипами массового сознания нам попросту не выжить. Надо что-то менять. В противном случае – можно погубить человеческую цивилизацию как таковую, утратить единственное, исходя из наших сегодняшних знаний, разумное место обитания во вселенной. Это вытекает из многих факторов.

Во-первых, численность населения. Шесть миллиардов двести миллионов человек это гораздо больше, чем мог бы позволить себе мир, не регулируемый человеческим разумом. Если бы человек был по уровню сознания, как кит или слон, людей на земле было бы в десять тысяч раз меньше. Есть такая биологическая закономерность.

Во-вторых, человек в продвинутых странах живет на крайне высоком уровне изытия из природы. Если бы мир захотел жить так, например, как живут США, он бы не мог существовать и очень короткое время.

В-третьих, человек создал крайне социально напряженный мир. У 20 процентов самых богатых людей на земле в распоряжении находится почти 83 процента всего земного богатства. А если у пятой части богатых – 83 процента, то ясно, что у пятой части бедных – меньше чем полтора. И эти полтора процента таят очень большую социальную напряженность.

В-четвертых, мир накопил такое количество оружия, что каждый человек, несмотря на все меры по сокращению вооружения, может быть убит более чем сто раз подряд.

Кредо современного богатого мира “Потребляй как можно больше. Развивай свои потребности – и нужные, и ненужные – престижные”. Это мир, действующий по принципу “Лети сегодня – плати завтра”. “Вот тебе кредитная карточка, и работай, работай...”

И США, и Япония и Европа – это общество потребления – не разумного, а разного. В США сегодня часто у каждого члена семьи свой автомобиль и один общий – на семью. А еще появляются спортивные, представительские, специальные для лыж... Это только в современной Америке? Нет. Если вы посмотрите в Кремле гардероб Елизаветы Петровны, то узнаете, что она даже примерять не успевала все свои наряды...

И вот в этом мире зародилась идея самоподдерживающего развития. Она возникла в рамках ООН, где была создана комиссия “Наше общее будущее”. Она выработала программу перехода, которую пять лет назад поддержали все главы государств. Во всем мире возрастает активность общества, создаются негосударственные общественные движения.

Как образование может участвовать в этом процессе?

В образовании сейчас наметилась глобальная тенденция – сохранить цивилизацию. И для этого – изменить поведение человека, сделать его разумным. Можно сказать, что современный человек держит экзамен на разумность.

И для выработки нового общественного сознания, нового мировоззрения, более мощного института, чем образование, не существует. Фактически, если хотите, речь идет о создании массовой религии, но основанной не на религиозной догме, а на целостном восприятии Земли. ...Ведь она очень маленькая, наша планета.

Это глобальные задачи. А применительно к отдельному человеку образование старается научить его быть счастливым. И это очень непростая задача. Счастье – это такая неясная категория. Очень личностная. Никакого социального, общественного счастья не существует. На мой взгляд, оно зависит от того, насколько человек успел и сумел реализовать свои возможности в жизни. Если да – он может быть большим и счастливым, если нет – может быть богатым и несчастным.

Поэтому задача – подготовить не винтик для государственной машины, а помочь человеку ощутить себя, развить свои способности, осознать свои отношения с другими людьми, с живой природой.

И во всем мире передовое развивающееся образование идет по этим двум линиям – сохранение цивилизации и развитие личности, способной чувствовать себя счастливой.

Разве образование имеет отношение к тому, ощущает себя человек счастливым или нет? Может, это скорее связано с воспитанием?

Для счастья человека квадратный корень не существует. Не важно, помнит он первый закон Ньютона или нет, важно – каким он стал, важно его развитие. А оно невозможно, например, без понимания того, что земля вращается, что происходит смена времен года, что продукция, которую употребляет вся живая природа, есть продукция солнышка....

А что касается воспитания, я никогда не выделял его из образования. Я считаю, что это частичка образования, оно ему подчинено. Нельзя же сказать ребенку: “Садись, я теперь тебя буду воспитывать”. Воспитание главным образом идет через пример, через выстраивание отношений: личность – коллектив, коллектив – личность, личность – другие личности. Это очень деликатный предмет, который выделить в отдельные акции, отдельные направления невозможно.

Мои дети, например, хорошо говорят по-английски, я учил язык вместе с ними во время летних каникул. Просто мы общались на английском, и я передавал им свою любовь к языку, понимание языкового строя, отсутствие страха перед языком... Это – образование. Но и воспитание...

Как глобальные тенденции в развитии образования выглядят на практике?

Наряду с отдельными предметами – математикой, физикой, химией, биологией – появляются дисциплины, синтезирующие, представляющие мир в целом. По сути, мир возращается к древней системе обучения. В академии Платона у ученика был один учитель и один предмет.

Предметам учить легче. Мы уже сейчас имеем такое глубокое развитие некоторых частных наук, что они начинают друг друга только десять-двенадцать человек на всей земле. И это необходимо. Но наряду с этим нельзя терять представление о природе в целом, о времени в целом, о мироздании в целом. Возврат к целостности идет сейчас во всем мире.

На уровне школы мы уйдем от отдельных предметов и уменьшим объем обязательных знаний для всех. В некоторых российских школах сейчас есть новый предмет экология. Это курс о Земле как доме всего живого вещества. В идеале этому курсу можно учить через остальные предметы – физику, химию, историю. Это должно быть очень практичное образование, где не просто даются формулы, а сказано, каким образом это знание может пригодиться мне на практике.

Вот придумал человек хлорфторуглерод. С точки зрения химика, это мечта, а не вещество. Не горит, без запаха, без цвета, легко испаряется. Во всех холодильниках на него заменили аммиак, на его основе стали изготавливать лак для волос, для ногтей... А оказалось, что когда это вещество попадает в стратосферу, в процессе разложения остается атом хлора. А он каталитический, и пока 10 000 молекул озона не развалит – не умрет. И начал истончаться озоновый слой – наш щит от опасной радиации, фактически рентгеновского излучения. Если он исчезнет, жизнь на земле будет стерилизована жестким излучением. Это химия? Да, но и экология одновременно.

В поисках источников энергии человек начал использовать продукты прошлой жизни. Когда-то живые организмы накопили каменный уголь, газ, нефть. Сейчас при использовании эти продукты превращаются в углекислый газ, в диоксид углерода, который, окутывая землю своеобразным одеялом, ведет к ее нагреву. В результате каждый человек так или иначе сталкивается с изменением климата в виде наводнений, ураганов, тайфунов, потепления климата.

А дальше – только два варианта. Либо фашизм, диктатура, которая говорит: “Ведите себя так, иначе погибнете”, либо такой уровень сознания, когда человек без диктатуры будет вести себя так, чтобы не погибнуть.

Но для такого преподавания нужны специальные программы, учителя с особым – расширенным восприятием мира.

Для этого, конечно, нужна специальная подготовка учителей, специальный совет в школе, и мы к этому идем. Предмет москвоведение – целостный. Он изучает и географию, и историю, и физику, и энергетику, и воду, и воздух, но с точки зрения целостного восприятия такого мегаполиса, как Москва.

Если смотреть внимательно, выразительные примеры, которые, говоря о частном, показывают картину в целом, можно найти в любом предмете.

У Лермонтова есть стихотворение о трех пальмах, которые росли в Аравийской пустыне, потом они возгордились, и бог послал к ним караван, каравану стало холодно, пальмы были спилены, люди одну (!) ночь обогрелись и ушли. Но иссяк родник, и не стало оазиса. Это очень экологичная притча, ни с каким уроком не сравнится, если с ней, как следует, поработать.

И все же кажется, что сегодня в нашей стране преподавателей с таким мышлением немного. Не случайно многие родители ищут хорошие школы или университеты за рубежом?

Мы ломаем детям судьбы, если отправляем их учиться в другие страны сразу на первый курс университета или в выпускные классы школы. Нормальная дорога для качественного образования – два курса университета у нас в России – они дают знания языка, других предметов, а потом – два курса в другой стране. Возможны любые другие комбинации, но обязательно после получения базового образования в России.

Мои внуки, например, так и учились. Старшая – Лена, тогда студентка Менделеевского университета, семестр

провела в одном из университетов Бостона. Сейчас она работает в области экологии. Дарья, студентка юридического факультета нашего университета, один семестр училась в Вашингтон Джеферсон.

Но самая важная часть образования – первые четыре класса. Они закладывают основу, но самую важную часть с другими людьми и с другими живыми существами. Чтобы они, на червяка не наступал и не радовался, что ножка подпрыгивает, чтобы, когда рыбка умерла в аквариуме, он задумался – не я ли что-нибудь не так сделал. Это все начальная школа.

В начальной школе исключительно важно, чтобы учитель был один все четыре класса. Маленькому ребенку трудно воспринимать разных людей, у него в семье есть папа и мама, а в школе – учительница.

Надо взять курс на подготовку учителя-универсала для начальной школы. Сейчас в педузах увеличился конкурс именно на отделение педагогики начальной школы.

А высшее образование? Какие специальности будут затребованы в новом тысячелетии?

Бум на экономистов почти проходит. На юристов продлится еще лет десять: общество должно быть более подготовлено с правовой точки зрения.

Перспективная специальность – менеджеры. Они всегда будут пользоваться спросом. Резко возрастет спрос на психологов. Интерес к человеку, его возможностям, его отношениям с другими людьми будет стабильно расти.

Такая специальность, как оценка риска, неизбежно станет более массовой, потому что нет общества, где нет риска, идет ли речь об авиации, ядерной энергетике, других областях. Это становится наукой со своей математической школой, очень перспективной...

Очень сильно будет развиваться биология. Потому что способы, которыми человек сейчас делает для себя нужные вещи, крайне противостественны. Мы работаем в лаборатории высоких температур, лучше получать чугун в микроволнах, делаем железную руду, никаких высоких температур не использовал. Законы природы позволяют ей обходиться без экстремальных температур. И мы тоже научимся...

Международным языком будущего на ближайшие 50 лет будет английский. Это язык интернета, международного общения, дистанционного обучения. |

/елена рублева

О КУЛЬТУРЕ ДРАЗНЕНИЯ

мария осорина
– кандидат психологических наук, доцент факультета психологии Санкт-Петербургского университета, вице-президент Петербургского психологического общества.

– Вас в детстве дразнили?

Кто-то самодовольно усмехнется: не смели! Кто-то, призадумавшись, вспомнит: “Ленка-пенка-колбаса, на веревочке оса!” У кого-то в ушах сразу зазвучит: “Очкарик – в ж... шарик!” – от которого когда-то было никуда не деться. И с грустью спросит: “А что, сейчас тоже дразнятся?”.

– Да, конечно. И, думаю, будут до тех пор, пока существует на свете детское сообщество и его традиции.

– Что за традиции бесчеловечные, зачем такие традиции нужны? Одно расстройство от них. А не кажется ли вам, что это просто бескультурие и проявление агрессивности.

– Конечно, “дразнение” – это проявление агрессивности. По-латински “ag” – приставка, “gress” – корень, все вместе по-русски будет “при-ступ” или лучше “на-ступление”, по-теперешнему сказали бы “наезд”. И так – нападение на личность или на ее поведение.

– В чем же разница? Ведь все едино – напали же!

– Разница есть, и существенная. Если напали за неправильное поведение, то его можно прекратить – и делу конец!

– Это как? Проясните!

– Например, вам кричат:

“Ябеда-корябеда

соленый огурец,

на полу валяется

никто его не ест!”

Таким образом вас откровенно предупреждают, что если будете ябедничать, то не будут с вами общаться.

– Ну, это правильно. А еще?

“Воображюля номер пять

Разреши по морде дать!”

Или :

“Жадина-говядина

Пустая шоколадина,

Сосисками обвита,

Чтоб не была сердита!”

– Да, это очень образно.

– Вот еще для комплекта – если кто-то лезет невпопад, не понимает, о чем говорят, а вмешивается, то можете такому субъекту сказать:

“И не склад, и не лад

Поцелуй корове зад,

А корова без хвоста

Твоя родная сестра!”

– Это, похоже, деревенская дразнилка?

– Наверное, но городские дети ее тоже знают, хотя она реже встречается, чем такая:

“Рева-корова

Дай молока!

Сколько стоит?

Три пятака!”

– Рева-то бедная при чем? Я понимаю дразнилки против ябед, жадин, воображюль – это, видимо, у детей такой способ утверждения норм поведения в их сообществе. А рева чем помешала? Пусть себе плачет – зачем ее преследовать?! Ведь своим плачем она скорее себя же унижает.

– Не скажите! В “дразнениях” против плакса есть своя сермяжная правда. Недаром их много. Вспомните еще:

“Плакса-вакса-гуталин

На носу горячий блин”.

С точки зрения детского общинного сознания, плакса – существо опасное для игрового сотрудничества. Во-первых, громкий детский плач – это всегда мощный сигнал, привлекающий внимание взрослых. Поэтому плачущий ребенок легко может сыграть роль ябеды, призывающей сильного помощника со стороны. Взрослый может прибежать и, как слон, растоптать всю детскую ситуацию. Это одна из причин, почему детское сообщество пытается обезопаситься от плакса. Во-вторых, на плач не могут не реагировать и сами дети: надо выяснить, почему ребенок плачет, успокоить его – все это останавливает игру, нарушает течение событий. Иногда ребенок заплачет из-за того, что плохо управляет собой, иногда – с целью манипуляции. Во всяком случае, плакса, в детском представлении, – не меньший тормоз, чем другие грешники – ябеды, жадины и воображюли. Все они, каждый по-своему, антиобщественные люди – один не берет на себя ответственности за решение внутригрупповых проблем, а ищет сильного помощника вовне, другой не делает вклада в общий котел, третий – тянет одеяло на себя и препятствует тем событиям, где сам не может находиться в центре внимания.

– Хорошо, с оговорками, но можно признать такие дразнилки инструментом социальной регуляции детского поведения. Согласусь, что это способ утверждения норм детского сообщества. Но как же с очкариками или с теми, кому кричат:

“Жиромясокомбинат –

Промсосискалимонад!”

Или бывают еще разные дразнилки на имена:

“Андрей-воробей

Не гоняй голубей,

Голуби боятся,

На крышу садятся!”

Да и всяких обзываний полно и бранных слов, которыми человека задевают. Тут-то как? Здесь же мы имеем прямое нападение на личность, которая ничего плохого не сделала!

– Верно, дети очень активно и часто пристают друг к другу и словесно, и физически. Вы, наверное, замечали, что это особенно характерно для младших школьников и детей дошкольного возраста. Когда они едут всем классом на какую-нибудь экскурсию в общественном транспорте, обычно доводят до белого каления окружающих взрослых своей непрерывной возней: то дергают друг-друга, то щиплются, то садятся к кому-то на колени в три этажа и потом кучей-малой подуют в проход, хохочут, что-то выкрикивают.

– Да, знакомая ситуация. И, действительно, непонятно, почему они друг к другу все время лезут, постоять рядом спокойно не могут?

– Думаю, что это у них в полудетской форме проявляется желание в активных действиях исследовать психологические границы друг друга: где начинается самость другого человека, докуда я могу дойти в своем воздействии на него, прежде чем он крикнет – ты что делаешь, сейчас я тебе как дам!!! Можно сказать, что эта возня помогает детям опытным путем получить много полезной информации о психологической дистанции, которую нужно учитывать в разных ситуациях общения. Ведь младший школьный и дошкольный возраст – это сенситивный период для обучения коммуникативным навыкам. Для развития социального “я” ребенка эти навыки так же важны, как наличие парусов на мачтах парусника. Без них он свободно не поплывет по волнам моря житейского.

– Ну, хорошо. Давайте вернемся к “дразнениям”, к этим нападениям на личность. Вы хотели в предыдущих примерах показать, что дразнилки в каком-то смысле являются частным проявлением детской склонности приставать друг к другу и что за ними стоят исследовательские цели.

– Да, в общем виде можно сказать, что дразнилки – это всегда и форма вступления в контакт, и демонстрация себя, и психодиагностика потенциальной жертвы: посмотрим – как ты будешь реагировать! Если мы спросим ребенка, зачем его дразнят, то часто услышим типичный ответ: они меня хотят довести! Как психологу мне, естественно, сразу хочется задать принципиально важный вопрос: довести до чего? Ведь именно здесь кроется весь смысл ситуации “дразнения”. В том, как поведет себя потенциальная жертва в этой острой стрессовой ситуации, она очень ярко раскроет себя. Собственно все и разворачивается ради этого. Недаром для ситуации “дразнения” в детской традиции характерен следующий ролевой расклад: агрессор – потенциальная жертва – наблюдатели (играющие роль хора в древнегреческой трагедии). Обычно эти наблюдатели всегда присутствуют. Они составляют общественное мнение, выносят оценку поведения участников, распространяют ее по миру. То есть “дразнение” – это всегда публичное действие психодиагностического характера: испытание на социально-психологическую прочность, по результатам которого определяется место ребенка в групповой иерархии. Ведь неслучайно особенно сильно дразнят новичков и особенно часто дразнятся в период выяснения отношений, когда детская группа или класс постепенно складывается как структурированная общность разных людей.

– Допустим это так. Теперь ответьте на главный вопрос – что же делать дразнимому? Как достойно выйти из этой ситуации?

– Если воспользоваться ответами, которые дает традиция детской субкультуры, то надо поступать так. Перво-наперво – иметь правильную установку, то есть воспринимать “дразнение” как ситуацию испытания. Как ни удивительно, осознание этого простого факта само по себе уже может помочь некоторым детям справиться с чувствами удивления и обиды, которые захлестывают их поначалу и мешают им соображать.

Второй момент – вести себя внешне как можно более спокойно. Желательно не позволять себе поддаваться чувствам страха, обиды или злости и уж тем более не показывать их. Традиция предписывает делать вид, что тебе все нипочем, сделать презрительную мину или бесстрастное лицо Чингачуга – Большоего Змея. Есть даже такая известная отговорка (более характерная для десяти-одиннадцатилетних, которые владеют собой лучше младших) – лениво ответить на обзывание: “Ну, что ты все про себя, да про себя, а про меня ни слова?!” Или резко ответить ребром ладони вертикальную черту между собой и противником, громко и твердо сказав: “Чики-траки – стеночка”, и отвернуться, как-будто действительно уже находишься за непроницаемой стеной.

В-третьих, если тебя дразнят или обзывают и никогда не деться, то надо немедленно отвлечься. На детском языке это называется “отговаривать”, а традиционные тексты, используемые для самозащиты, в детском фольклоре зовутся отговорками.

У детей, в отличие от взрослых, на протяжении всего детства сохраняется очень уважительное отношение к магической силе слова. Это взрослые говорят, что “брань на вороту не виснет”. С точки зрения детского восприятия – все наоборот. Категорически нельзя допускать, чтобы обзывания и дразнения “впитались” в личность. Такое впитывание и проникновение в тебя злой силы проявляется в том, что ты внутренне расстраиваешься, а внешне – не защищаешь себя.

– И как же этому противостоять?

– А вот надо немедленно начать действовать, тогда в тебя ничто плохое не войдет. Считается хорошим тоном защищаться тем же оружием, которое использовано при нападении. На слова отвечать словами.

Ответное слово должно выкрикнуть выкрикивание самой простой отговорки уже считается достаточным у детей лет семи-восьми.

– Что же это за отговорки?

– Их можно определить как магические защитные словесные формулы. Главное – что ничего не надо придумывать на ходу, тем более, что в такой ситуации голова обычно не очень хорошо соображает. Отговорки передаются от поколения к поколению детей так же, как и тексты дразнилок и обзываний. Так что детская традиция вооружает не только агрессора, но и потенциальную жертву. Поэтому я все время и подчеркиваю слово “потенциальную”. Если дразнимый будет правильно себя вести, то жертвой он не станет. Тексты отговорок для него – как социальные костыли, дающие поддержку в стрессовой ситуации, с которой ребенок еще не умеет самостоятельно справиться. Пока ребенок еще “сама не варит”, полезно воспользоваться опытом множества предыдущих поколений детей, сталкивавшихся с подобными случаями. Единственное, что требуется, – достать вовремя нужный текст из закромов памяти и громко, напористо его прокричать так, чтобы он попал в агрессора.

– Ну, например?

– Самое простое:

“Кто обзывается –

Тот сам так называется!”

Или:

“Говоришь на меня –

Переводишь на себя!”

Видите, здесь в тексте отговорки говорится, что злое слово как магический бумеранг вернется к пославшему его.

– А еще чему-нибудь такому научите!

– Вот вам еще:

“Шел Крокодил,

Трубку курил,

Твое слово проглотил,

А мое оставил!”

Крокодил, как известно, страшный, зубастый (однажды даже Солнце проглотил), он взрослый – курит трубку. Твое слово проглотил – все, оно уже не действует, а мое оставил. Почему? Потому что он мне друг и защитник, то есть за мной – сила!

Другая отговорка в том же духе:

“Черная касса –

Ключ у меня!

Кто обзывается –

Сам на себя!”

Что такое касса для ребенка, какие кассы он знает? Прежде всего это касса в магазине – в ней в мелких ящичках лежит много денег, а изрыгает она чеки, на которые можно получить разные товары. То есть касса – это вместилница ценных ресурсов. (Этому определению не противоречит и вторая известная первоклассникам касса букв и слогов, из которых составляются все слова.) Черная касса – это таинственное и устрашающее вместилнице потаенных сил, а так как ключ от нее у меня – то я и буду ими распоряжаться. У меня есть магический ресурс – бойтесь меня! Он поможет исполнить моему заклинанию и повернет обзывание против самого агрессора.

– Да, это впечатляет!

– Вот еще отговорка другого сорта – напоследок:

“А я лесенку поставлю

И все буквы переставлю!”

Видите, тут магия слова в чистом виде. Обзывание мыслится как лозунг, находящийся где-то высоко. Но я могу до него добраться по лесенке – переставляю в нем буквы, и он теряет свою магическую разрушительную силу. Как тут не вспомнить народное отношение к слову: изменение одной буквы меняет смысл слова на противоположный – “ангел” – светлый дух, “аггел” – уже нечистая сила.

Заметьте, кстати, как любят дети постарше и подростки забавляться тем, что стирают несколько букв в надписях на дверях, вагонах, в рекламе и превращают их в совершенно другие ипотетические высказывания, образные, к миру. Например, “не вписаньясь” превращается в “не слоняться”.

– И до какого же возраста отговорка используется для самозащиты?

– В основном между семью-девятью годами, хотя у десяти-одиннадцатилетних в ходу остроумные словесные клише типа отговорок. Про невидимую защитную стеночку мы уже упоминали. Вот можно еще такое употребить: “А ну, тюльпань отсюда, а то как засирено – ромашками обсыпешься!” Ничего особенного, но на детей производит впечатление сам факт того, что ребенок знает всякие особые высказывания на разные случаи жизни. А это признак коммуникативной компетентности. Такой человек вызывает интуитивное уважение.

– Ну, а дальше что? Ведь все эти отговорки когда-то уходят из детского репертуара. Что же остается?

– Остается самое важное – коммуникативный опыт. Ребенок, имеющий его, – уже третий калач. Он знает, что на свете всякое бывает, знает, что нельзя расстраиваться, что надо держать себя в руках. По мере того как совершенствуется саморегуляция (а это одно из важнейших направлений тренинга, который получает ребенок в рамках детской субкультуры), ребенок чувствует все больше возможностей действовать “от себя” и самостоятельно находить нужные слова в соответствии с особенностями той конкретной ситуации, в которой он находится здесь и сейчас.

Поэтому тот, кто гордится тем, что живет в детстве и никогда и никогда не смел дразнить, должен осознать, что недобрал в жизни ценный опыт. Мудрый постарается его себе добыть, чтобы не попасть впросак. Ведь известно, что если человек чего-то важного для понимания жизни не прожил, то ему судьба посылает это для вразумления самым неожиданным образом. |

Я БОЮСЬ, ЧТО ТЫ МЕНЯ НЕ УСЛЫШИШЬ | *светлана кривцова*

знаешь, чего Я БОЮСЬ? я боюсь, что ты меня не услышишь

Почему ты не водишь машину?

– Не могу, сажусь за руль и цепенею. Недавно проехала свой поворот, так простояла на пустом шоссе двадцать минут: не могла развернуться. Остановилась машина, я обращаюсь к водителю: “Пожалуйста, разверните мне машину”, а он решил, что я над ним издеваюсь, не поверил.

Поговорить с начальником, выступить перед ответственной аудиторией, встретиться с учительницей сына, преподнести подарок, не зная, как отзовется наш порыв... Здесь нет вопроса, умеем ли мы это делать. Но в других ситуациях: знаем, что и как нужно делать, но настолько сильно чувствуем неуверенность, что нередко отходим в сторону. Сколько важных слов не сказано, дел не сделано из-за нее – неуверенности: вдруг не получится?

А наши дети? Такие ситуации для них – правило, а не исключение. Мы замечаем, что недостаточно разобрать, какие слова и как сказать, как при этом встать и что ответить во всех возможных случаях. Нужно еще что-то. Очень важное. Что-то такое, что подросток без нашей помощи пока не может сделать.

Итак, работа с неуверенностью. Разговор в семь шагов.

Реалистичный взгляд на ситуацию неуспеха

Когда подросток не уверен, он прячется за свои чувства. Спросите его, что именно в этой конкретной ситуации делает его неуверенным. Это может быть и отсутствие знаний, и воспоминание о прошлой неудаче, и ожидание насмешки со стороны значимых для него людей... Потребуется мужество, чтобы признать правду, увидеть то, что пугает на самом деле. Говорите с подростком спокойно, не давайте увести вас в сферу чувств.

Лучшее средство поддержать такой разговор – рассказать о собственном опыте: “Знаешь, я ведь тоже время от времени бываю неуверен. Иногда мне приходится работать с собственной неуверенностью перед тем, как начать трудный разговор... с тобой. Знаешь, чего я боюсь? Если опустить слова о том, почему я злюсь, то правда будет именно в этом: я боюсь, что ты меня не услышишь”.

На что он мог бы опереться

Начиная делать что-то, мы опираемся на знания, на опыт, особенности своего характера, на свою память. И знания, и опыт, и свойства характера – это наши внутренние опоры. Но также мы опираемся на что-то внешнее. Так, в разговоре с дочерью внутренней опорой может быть наш прежний опыт: “Я могу разговаривать с больными и сумасшедшими, смогу и с ней”. А внешними опорами могут стать её настроение, её слова, все, что исходит от дочери.

Отличной опорой для взрослого в разговоре с подростком является собственная проблема подростка, то, в чем он сейчас испытывает потребность. Ему важно понять, на что можно опираться, когда чувствуешь себя неуверенно. Помогите ему разобраться в этом. Спросите: как он ведет себя в других ситуациях, когда тревожится, но все же решается рискнуть? На что он опирается, как рассуждает тогда. Помогите увидеть в этом рассказе опоры, которые он неосознанно нашел в ситуации.

Если самое страшное все же случилось...

Неуверенные люди, как правило, стараются не думать о том, что они будут делать, если произойдет худшее. Поэтому, самый важный этап вашего разговора – тщательное, по шагам обсуждение поведения подростка в ситуации, когда-то, чего он боится, все-таки произойдет. Есть такая поговорка: неудачник мечтает о выгодах благоприятного исхода, а победитель готовит “запасной аэродром” на случай неудачи.

– Ты не понимаешь, я стану посмешищем!

– Над тобой посмеются Гоша с Гариком. Не в первый раз, как я понимаю. Что за этим последует?

– Мне поставят пару!

– Что за этим? Что еще случится?

Подобные вопросы, если их задавать методично, приводят к очевидному выводу – все останется на месте.

Также и в родительском разговоре с подростком. В самом деле, ну не услышит он тебя. Что случится? Тебе станет обидно? Но, если честно, ты с этим справишься и потом, скорее всего, простишь. Так чем ты рискуешь? И что тебя злит?

Уточнение позиций, связанных с ожиданиями и притязаниями

Не только у неуверенного подростка завышены ожидания от себя. У неуверенного родителя тоже: “Сколько же это может продолжаться? Ты сейчас же все сделаешь и будь благодарен, что я тебя еще не наказал (не запретил)!”, так нередко неуверенный родитель требует полной сатисфакции. Всего сразу и немедленно. Такова же логика чувств и у вашего юного собеседника.

Спросите его: как он представляет результат? Насколько хорошо с первого раза собирается сделать то, что делать опасается? Возможно, вы услышите сетования на то, что другие делают это лучше него, и он давно уже мог бы делать это же безупречно... Все сразу и немедленно. Объясните, что искусство управления собой состоит в том, чтобы выбрать первый – посильный, реально выполнимый шаг. Размер этого шага должен быть на порядок меньше первоначальных ожиданий. Важно, чтобы подросток сказал: ну это-то я, пожалуй, смогу.

Так у него появится шанс пережить, может быть, свой первый успех.

Предостережение от самокритики

Напомните, что самая большая ошибка, обращать внимание на свое самочувствие, свои эмоции, когда, собрав волну в кулак, что-то делаешь. Все внимание должно быть сконцентрировано на предмете, на деле. Предложите ему “поменять” мысленный приговор: “Идиот, я так и знал!” “Неудачник!” на другой взгляд “Я решал задачи и потруднее, решу и эту”, “Я достаточно умен, чтобы сделать это!”. Если необходимо, напишите эту фразу на листе бумаги. Пусть он положит его в тетрадь, если речь идет о неуверенности в академических предметах, – важно, чтобы записка попала на глаза в нужный момент. Обсудите это место.

Обратная связь

Важнейший момент: подросток должен почувствовать, что вы верите в него. Скажите ему честно и очень конкретно, с чем, вы твердо уверены, он сможет справиться. Ни в коем случае не преувеличивайте – можете потерять его доверие, но и не приуменьшайте. Скажите: “Я уверен, что спросить его о причине такой резкой перемены отношений ты можешь. И я также уверен: ты сможешь молча выдержать то, что он скажет”. Ваши слова и ваша вера будут с ним. Он вспомнит их в нужный момент, а вы станете тем внутренним сопровождающим, которого так не хватало нам, когда мы не уверены.

Помогите найти дополнительный смысл

Задайте вопрос: что значит для тебя сделать это? В поисках смысла вы как бы предлагаете осознать более крупную структуру. Например, я могу водить машину, и это не только полезно для моих близких, это важно для меня самой, потому что открывает новые возможности. Мне трудно учиться водить, но я помню, как, шаг за шагом преодолевая неуверенность, делала это моя мама, которая была тогда гораздо старше, чем я сейчас... Что значит для меня научиться находить подход к собственному ребенку? Это значит быть нормальным родителем, а ведь по большому счету это главная жизненная задача в моем возрасте. Это также значит заслужить его уважительное отношение к себе в будущем. Такое же, как я испытываю сегодня к моему отцу. Наконец, что стоит весь мой жизненный опыт, если его не хватает на понимание своего собственного ребенка.

А теперь попробуйте вместе найти не прагматический, а “высокий” смысл для его, подростковой ситуации. О чем может идти речь? О защите достоинства, о сохранении уважения к себе и доверия, о попытке услышать, что говорит совесть, испытать мужество, принять вызов...

Попросите рассказать, когда он посчитает нужным сделать это. Не забудьте выразить свое одобрение, когда он поделится успехом. И пробуйте, тренируйтесь, тренируйтесь, тренируйтесь! |

ЗАКОН ПАЛАТЫ

людимила воронова

– школьный библиотекарь. Пятнадцать лет в школе – это срок. Считает свою работу самой, самой, самой. Званий и наград не имеет... и не жалеет. Ее награда – работа.

К вопросу о том, как учить нынешних детей – обычных и с особенностями развития...

Рассказала я своей дочке Женьке, ученице 11-го класса обычной нашей московской школы, историю о девочке, у которой не было рук и ног. И вот ее замечательный брат носил ее учиться в “нормальную” школу. Без рук и ног – поймите, те еще проблемы... “Нормальные” дети ее даже любили. И вот безо всяких особых эмоций моя “нормальная” дочка и говорит: “Если бы у нас была такая девочка... и ее бы случайно забыли на перемене, то наши мальчики ее бы раздели...”

Мне показалось, что люди нередко ошибаются, требуя уважения к своим правам. Я озабочен правами Господа в человеке... и любого нищего. Но я не признаю прав самого нищего, прав его гноиников и калечества, чтимых как божество...

И продолжает вполне равнодушно: “У нас мальчишка есть, новенький... Он еще к тебе в библиотеку часто ходит... Ну он еще горбатенький немножко... Все смеются... Я про себя зову его “черепашонок”... А сегодня один, ну ты его тоже знаешь... Так вот, он сегодня на уроке встал на парту и ногами в лицо бил черепашонка... Я через открытую дверь видела... А черепашонок и вылезти не мог... Правда, гад? Мам, а ты мне денег-то на лак для волос дашь?”

Толстый малыш, третьеклассник Гоша, не любит ходить на продленку. Сейчас он сидит на последней парте в 11“Б” и ждет, когда его мама, учительница математики, закончит урок. Еще он глядит на большое яблоко, лежащее на парте. Светит солнце.

Учиться семнадцатилетним недорослям неохота. Охота обсудить дивную нетленку из нового номера “Плейбоя”. Ну встал Игорь с шедевром да и отправился к со товарищу. Удивленная учительница (почему? что же здесь удивительного?) реагирует: “Имярек... сядьте на место!”

Ну как же можно... Там же такое, что требует немедленного словесного громогласного комментирования и наглядного сравнения с присутствующими “дамами”...

– Ой, Надьк... Ну прям как... Ну...

Взаимный восторг. И одобрение.

Учительница в волнении вскакивает:

– Сейчас же сядьте на место! Прекратите...

(Ну каким же термином это дивное действо назвать-то можно?.. У меня лишь одна ассоциация... А у вас?)

Ну Игорек тоже не промах и потому обижено отмахивается:

– Да ты... лучше ори на своего... выблядка!

Учительница, задохнувшись, почти шепотом:

– Выйди... из класса...

Я взгляделся в хохочущих до слез, вытиравших глаза грязными лохмотьями прокаженных, они были низки и ничего больше. Они были довольны собственной низостью... А сброд вопил, защищая свое право гнить. Созданный гниением, он за него боролся.

– Расплоди тараканов, – сказал отец, – и у тараканов появятся права... Права, очевидные для всех. Набегут пещвы, которые будут выселять их. Они придут к тебе и будут петь о великой скорби тараканов, обреченных на гибель.

Игорек не тушует: “Не имеете вы права меня из класса выгонять. Я на вас жалобу напишу”.

Веселье продолжается.

Учительница выходит... Выбегает... Выпадает из класса, успев выхватить из-за парты своего Гошу.

Действие второе в кабинете завуча. Она буквально озвучивает то, что только что сказал веселый Игорек: “Вы не имеете права выгонять ученика с урока... Грубил? Значит, не был занят делом. Организовать надо учебный процесс. Да вы методически безграмотны, а у меня на уроке...”

Быть справедливым... – продолжал отец, – но сначала ты должен решить, какая справедливость тебе ближе: божественная или человеческая? Язы и здоровой кожи? И почему я должен прислушиваться к голосам, защищающим гниль?

Ради Господа я возьмусь лечить прогнившего. Ибо и в нем живет Господь. Но слушать его я не буду, он говорит голосом своей болезни.

Добро начинается со справедливости. А справедливость – это четкость позиции. Это четкое “хорошо” и четкое “плохо”.

Таковыми определениями не работают психологи...

Есть распространенное и не распространенное... Что чаще всего – то и нормально...

Не знаю, хорошо ли вытирать ноги о спину другого... Если это твои ноги, а спина не твоя – то очень даже может быть и хо-ро-шо!

Возможно, что очень даже сладко плонуть в лицо учителю. (А чего он (она) такие “умные”... Небось, детей, как и все делали... – это просто детские “разговорчики”, и не я их выдумываю... И ничего я не “гоню чернуху”. От нее гоняюсь...)

Я не знаю, как победить и можно ли...

Но хотя бы на уровне эмоции, плача, молчания, поворота спиной к говорящему я буду свидетельствовать: это ужасно! И я это в тебе не приму... Ты можешь меня убить (может!), но это ужасно...

Мы в школе, “стоя на самом краю”, попускаем и попускаем злу...

Не наименовываем его... И не называем злом...

И поэтому мы, взрослые, не защита!

Но где она в школе у ребенка?

“Колода” – над крупной девочкой Настей из третьего класса.

“Жиртрест” – традиционный над каждым неудачливым толстяком.

“Ты – костяная нога!” – насмешка над хромым мальчиком, еще малышом.

“Да он у нас идиот” – над тем, кто основательно, но медленно думает...

И мат... мат... мат...

И наше смешное: “Да как же тебе не стыдно...”

Но не судья... О нет!.. Но есть в каждом и божий свидетель – совесть...

Прощать! Прощать! Прощать!

Но – не нам.

А надеяться на прощение от того, что Выше...

Прощать... Вечно... Всегда. Человека...

Но – не грязь и зло в ребенке и в себе...

Прощать человека, но не грех.

А грязь – моют... Воспитанием это называется...

Вера в то, что в каждом – весь человек сполна.

Но зло называть злом всегда...

Но все время орать испуганно, видя, что же в духовном плане (и в физическом тоже) “ест” и “делает” ваш ребенок.

– Плюнь! Поганка! Отравись!..

И не надо бледную поганку называть любовно “таким рыжиком” с агрессивным поведением.

Напротив, вот тут-то и следует Васе сказать, что вот это в тебе – поганка, а сам ты, возможно, даже и боровик...

Но вот это – дрянь! И всегда было дрянью... Даже если ты и живешь в дрянных и агрессивных условиях.

А сейчас взять детей “с особенностями” в “нормальную” школу – это значит бросить “очень зависимых и уязвимых в агрессивную стаю... Может быть, в стае и проснется сочувствие... когда она увидит кровавые клочки...”

Владимир Лакшин написал замечательную автобиографическую повесть “Закон палаты”. Она как раз про “детей с особенностями”. Эти ребята и девочки вынуждены годами жить в гипсовых жестких корсетах. У них проблемы с позвоночником. Степень свободы у них резко ограничена. Нельзя играть в футбол. А танцы... для девочки в корсете... Любовь... И, конечно, жестокость. Для многих целый мир ограничен кроватью с системой противовесов... И целым миром становится небо... Или дерево за окном...

Они как будто однополчане с одной войны.

Здесь можно выжить и не впасть в скотство, только выработав общий “нравственный кодекс чести”, который здесь именуется “закон палаты”. И этот “закон палаты” очень человеческий...

Как же осуществить тот “нравственный закон внутри нас”, которому удивлялся философ Кант наравне с безбрежным звездным небом над нами.

Поговорим о нравственных законах. Закон – он не от слов начинается, а от общего устройства вещей в данной вселенной (скажем, в конкретной школе). Уж такое действие сил, вернее, взаимодействие.

И поэтому яблоко неизбежно падает на голову Ньютона, даже несмотря на то, что вышеозначенный Ньютон еще и не сформулировал свой (свой ли?) закон всемирного тяготения...

А вот с нравственным законом оказывается сложнее.

Мы на самом деле не на Земле (в школе), а в новелности... Где тут верх? Где тут низ? Никто не скажет.

Законы-то провозглашаются, красиво и четко формулируются. А вот не действуют...

И яблоко вовсе не падает на голову... Возможно, даже и не вырастает, потому что яблоня-то и не росла и корней у нее нету...

Корни ведут из тьмы к свету, но из “грязи” созидаются и цветы, и плоды...

Потому что есть закон роста вверх, ввысь...

Этакий вектор развития, развертывания, наполнения пустоты полнотой...

А если “восходящего потока” нет, то и не полетишь, даже имея крылья...

И не летим...

Сидим в болоте...

Обсуждаем... теории, методики, идеи...

Идейцы... какие-то... Сколько же у нас идей...

Только нет у нас “индейской” темпераментности и простодушности (если по Фенимору-то Кулепру). Правда, лучшие из нас (я не шучу – лучшие!) способны спеть что-то вместе с детьми, сыграть с ребятами и даже девочками в футбол, в конце концов, в лесу построить совместный шалаш, поднять над ним флаг и выставить на ветвях большого дерева дозор.

Привет любимому, но сейчас почти совсем нечитаемому Владиславу Крапивину... Эта тоска по идеальному детству (или по идеальному учителю?).

Не бывает сплошного света без примеси тьмы. (Как будто тьма у Крапивина не темная!?) Темная, настоящая, сильная, но не крошечная (как и должно!).

Побеждаемая светом... Пусть даже ценой гибели трубача или барабанщика...

Прошли времена трубачей и барабанщиков... (А как же без них-то... “Выходя из мягких юношеских лет”.)

Пришли времена ам-би-ва-лент-ных героев...

Где тьма не совсем злобая.

А добро не совсем уж доброе.

Сложное время. И целостность утрачивается...

И на млекуням Крапивина пришли дети Сергея Лукьяненко...

И сам Лукьяненко, следший с фрегата Крапивина (как из гоголевской “Шинели”) вся русская литература, если верить “авторитетам”... Далась им сия “шинель”...), так вот, сам Сергей Лукьяненко, врач-психиатр, между прочим, по профессии, – полная, кажется, противоположность Крапивину... Он все время с ним полемизирует... Даже подсмеивается. Даже издевается порой... А у Лукьяненко, между прочим, очень четкая вещь прослеживается. Очень точная. И диагноз этот таков – ребенок, да и взрослый оказываются со злом один на один. И зло это предательское. Очень часто признающееся всеобщим добром.

Герои Лукьяненко почти буквально по Пушкину оказываются “у бездны на краю”. И никакие “капитаны” тебя не бросятся спасать...

И нет там блаженных “островов”, где... справедливость.

И все “добрые” “старшие” – лишь “Императоры иллюзий”.

Все очень жестоко, жестко... убийственно...

Прямо как в знаменитом стихотворении про войну Великую Отечественную. (Вот теперь уже время и оговаривать, какая именно война.)

“Ты – не ранен, ты – просто убит.

Дай, я сниму с тебя валенки –

Мне еще воевать предстоит”...

Строки обращены, между прочим, к убитому другу...

Вот и диагноз. Нет четкого понятия верха и низа. И где север? Где юг? Сетка координат не сверена с компасом.

Но есть экзистенция... выбор...

И когда человек ходит до края, и этот выбор делает. И что удивительно, именно в сторону “нравственного закона”. И вот этот выбор... Или спасает. Не только ребенка, которого у Лукьяненко, как правило, хотят просто убить по разным причинам. Но этим “нравственным” выбором спасаются целые миры. (Ведь Сергей Лукьяненко – фантаст, как вы знаете.) Читайте его книги “Осенние визиты”, “Лорд с планеты Земля”, “Мальчик и тьма” и книжку, которую любят мои школьные дети, “Рыцари сорока островов”.

Вернемся: обучаться ли вместе “обычным” детям и детям “с особенностями”...

Здравый смысл, наше “гуманистическое “я” вопиют:

– Ну, конечно! Все равны!

Ну что такое “обычная” школа сейчас?..

Это именно и есть произведение алма-атинского писателя по профессии психиатр Сергея Лукьяненко... Писатель – хорший... Все – правда...

Я говорю о школе нынешней в среднестатистическом смысле.

Может быть, кто-то, где-то, как-то создал свой “остров” справедливости со своими капитанами.

Но тогда очень хочется этот “чудный остров навеситить” и узнать “подробности”: Где? Кто? Как?

А вдруг только кажется, что это “острова” и “капитаны”, а на самом деле – это целые материки, “терра инкогнита”.

И мы поплывем туда.

Только вот не хотелось бы, чтобы аборигенов постигла участь североамериканских индейцев или гармоничных в своей целостности (до прихода цивилизаторов) эскимосов.

Пока же не научимся называть злом зло и рас-тож-деств-ляться с ним и растождествлять с ним детей... нечего и думать учиться вместе.

Все это будет “царская охота”, ревность опричников, травля заморских гостей медведями.

А мы сами рискуем наткнуться в школьном коридоре на голенькую девочку без рук и ног.

И чем мы тогда будем жить?

Ведь у нее есть глаза... И в эти глаза нам придется поглядеть...

Когда я очиню, отмою и обучу его, он захочет совсем другого и сам отвернется от того, каким был.

Зачем, послушавшись низости и болезни, мешать здорово и благородству?

Зачем защищать то, что есть, и бороться против того, что будет? Защищать гниение, а не цветение?

Чтобы учиться вместе, надо уметь создать этот “закон палаты”, это “цветение”, а не гниение нравственное, которое протекает от окаянной нашей бездушной равнодушности... Прямо как в сказке мы (что воля, что неволя – все равно)...

Мы, “учителя”, “пропускаем зло”, как пропускает его сейчас почти все наше общество. Не стыдно. Ни перед кем не стыдно.

А, наверное, было стыдно быть “плохим” перед Янушем Корчаком...

– Я так люблю своего учителя... и он... такой! И он меня любит... И он говорит, что я тоже... такой (что двойка или там разбитое мячиком стекло – ерунда)...

И я, конечно, буду таким. Есть даже...

Вот этакий “восходящий, возносящий поток...” Тогда, да.

Это – школа. И туда можно всем: и “нормальным”, и с “особенностями”.

“Закон роста” и четкая ориентация на “верх” и “низ” с четким опознаванием и наименованием и “верха”, и “низа” – вот, как мне думается, основа любой школы.

Пока сердце помнит запреты, человек жив. Но мало-помалу они забываются. И тот, кого хотели спасти, погибает.

Пока сердце помнит запреты, человек жив. Но мало-помалу они забываются. И тот, кого хотели спасти, погибает.

Тьма побеждается светом.

Но маленьких и слабых не несут во тьму, надеясь, что распогодится...

А пока в “нормальной” школе – “больно”, но не светло... и масса ходячих истин... Так какого “интеграция...” С чем это? И все-таки не хочется заканчивать на такой ноте этот разговор.

Все отрывки Антуана Экзюпери взяты из его дивной книги “Цитадель”. Это не крепость, а то, чем живет и наполняется смыслом человек. На самом деле у Сент-Экзюпери это – Бог. Он знает силу восходящих потоков и умеет летать...!

У Экзюпери есть слова, которые можно было бы сделать заповедью Учителя (ведь есть же “клятва Гиппократа”)... Мне это нравится, и я этому верю:

Наше дело растить, мирить, сглаживать. Я латаю глубокие трещины и прячу от людских глаз кипящую лаву вулканов. Я лажайка над пропастью. Хранилище, где созревает плод. Паром, что принял из рук Господа поколение и переправляет его на другой берег. Каждый для меня – хранитель сокровища, я чту сокровища в каждом, и в этом моя справедливость... Справедливо видеть в каждом путь и повозку. Мое милосердие в том, чтобы каждый сбился...

Но ползущая к морю грязь? Я жду, что они однажды поступят по-человечески, но жду напрасно... Главное – знать, кому творить благо. Но милосердие – высокое чувство. Конечно, можно потворствовать и болезни. Но если я озабочен здоровьем, мне приходится отсекаать болезнь, и она меня ненавидит... |

ЧЕГО ОНИ БОЯТСЯ... | *людмила максакова*

Я бы вообще не хотела отвечать на этот вопрос. У меня двое детей, и потому я считаю, что о таких вещах нельзя говорить вскользь. Это слишком серьезно. Это заслуживает отдельного детального исследования. Я даже не хотела бы об этом говорить как просто мама, потому что, боюсь, взрослый человек, если он не специалист-психолог, не может понять ребенка. Ему трудно отрешиться от своего опыта, он навязывает ребенку (хотя бы в своем восприятии) “результаты исследований”, которые сам провел когда-то. Мы уже выросли и примерно знаем, из чего состоит этот мир. Они не знают. Они только открывают наш мир. Не исключено, что они откроют нечто иное. Поэтому рассуждать о том, чего они боятся – суетное занятие. Мы их страхов не знаем наверняка.

И потом – когда боятся, в каком возрасте? В два? В три года? Между двумя и тремя годами для ребенка проходит целая вечность. Чего боится вечность?

Со взрослыми все более или менее понятно. По большому счету, каждый из нас боится своего неверия. Он боится жить без веры, остаться без Высшего. Он не верит, что все совершается по законам Высшего, если хотите, Высшего разума, что делает его слабым и трусливым, открытым соблазну слабости. А вот с ребенком куда сложнее. Он еще не знает про это Высшее. Но он чувствует его. Ему от рождения дается ощущать Высшее. Пока только ощущать. И, возможно, Высший разум для него пока воплощен в тех, кто ведет его по неизвестному, опасному миру. Кто знакомит его с этим миром... В родителях.

Мне кажется, страх у детей один – страх узнавания мира. Сначала ведь ребенок ничего не боится. Он тотально бесстрашен. Страх дается опытом. Бесстрашный человек протягивает руку к огню и обжигается. Он узнает – и узнает страх. Им все более и более владеет этот страх – страх узнавать мир и узнать об этом мире: что в нем или над ним нет разума, что этот мир хаотичен и соткан из случайностей. Страх потерять по пути рационального познания мира чувство Высшего. Именно чувство. |

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ Личности

светлана крицьева

Защитные механизмы личности – тема очень непростая. Даже когда о них идет речь в рамках какой-нибудь одной теории личности, например психоанализа, где они и были “открыты”, популярный разговор весьма непрост. А уж рассказать в целом о защитных механизмах, выведя за скобки особенности теории, в которой они “живут” под разными именами, – это все равно что коротенько пересказать сущность всей психотерапии, личностного роста и процесса поиска смысла жизни. Задача невыполнимая, но... и соблазнительная для автора, раз уж перед вами этот текст.

В науке хорошо известно – один и тот же факт может иметь не одно объяснение, а сколько угодно. Объяснения могут меняться, что и происходит в истории любой науки, а вот факты остаются. Изменчивость растений горошка – факт, а доминантный и рецессивный гены – объяснения. Генов не существует. Естественного отбора не существует. Исторического материализма тоже. Их нет в реальности. Системы Ньютона и Эйнштейна по-разному объясняют один и те же факты... При нагревании объем предметов увеличивается – это факт. Идея же теплорода или молекулярного строения тел – это все теории. Просто одна может объяснить больше фактов, чем другая. И это в физике, биологии, в которых принято следить за точностью и объективностью измерений. А что взять с человека, который сам себя наблюдает?

Бессознательное и защитные механизмы – это объясняющие конструкции. А что же здесь факт? Фрейд любовно коллекционировал такие факты, как оговорки, забывания, описки и ошибки. Весь его клинический опыт позволял видеть множество людей, находящихся в расладе с собой и миром. Эти люди, совершали иррациональные поступки, формулировали неадекватные мысли, демонстрировали иллюзии восприятия, и все это требовало объяснения.

На фоне большого разнообразия феноменов можно было заметить их известную стереотипность, что, собственно, и оформлялось в диагноз. Но Фрейд увидел, что похожие реакции, но в менее выраженной форме встречаются и у людей, которых принято называть здоровыми. Для объяснения этого Фрейд в 1884 году и ввел понятие психологическая защита.

Психологическая защита сегодня признается и описывается во всех теориях личности, в разных подходах к человеку. И хотя типологии защитных механизмов различаются, а ответы на вопрос: “почему” совсем не совпадают с ответом Фрейда, в целом сохраняется определение защиты, предложенное Фрейдом. Защитные механизмы или психологические защиты – это совершенно неосознаваемые и достаточно характерные для человека систематические попытки, которые он предпринимает, чтобы защитить себя от неприятных переживаний, душевной боли и тревоги.

Речь идет не о лукавстве, когда человек кокетничает сам с собою. Речь об усилиях, требующих огромного напряжения, сил, энергии, которые бессознательно затрачиваются на то, чтобы защититься от невыносимых переживаний, от мыслей о том, что несправедливо, нехорошо, стыдно, чего не должно, не может быть со мной, в моей жизни. Фрейд особо подчеркивал, что вытесняются именно “психические содержания”, наставив на связи вытеснения с внутрилличностным конфликтом.

Таким образом, защитные механизмы – это всего лишь объяснение, которое придумано, чтобы как-то понять “все наши глупости и мелкие злодеяния”. Почему человек вновь и вновь сам себе придумывает дополнительные проблемы? Что заставляет его сопротивляться тому, чтобы просто стать счастливым? Чего ищет он, все дальше уходя от простых и мудрых решений?

Защитные механизмы – это одна из форм сопротивления, бессознательной, автоматической реакции организма на попытки проникнуть за фасад личности, в ту ее часть, которую сам человек предпочитает афишировать. Эти же механизмы не пускают туда не только чужих, но и самого хозяина.

Вне психотерапевтической реальности, то есть просто в жизни, моменты осознания, просветления связаны, как правило, с экстраординарными событиями, причем событиями трагическими. Чья-то смерть или разрыв отношений, или болезнь могут стать поводом для просветления. Оно наступает... но только после того, как человек наберется мужества, чтобы пережить холодный и трезвый взгляд на себя, скудно названный Фрейдом – осознание. Чтобы осознать что-то, нужно это сначала опознать. Фрейд предложил типологию защитных механизмов.

Мне нравится метафора, предложенная современным писателем Патриком Зюскиндом. Его “Парфюмер” – не только блестящий текст, но и еще одна великолепная метафора, подаренная миру немецкоязычной литературой. Ее действительно можно сравнить с метафорой игры в бисер Германа Гессе и болезни Адриана Леверкюна Томаса Манна. Герой Зюскинда – Жан-Батист Гренуй, парфюмер, человек, который имел феноменальную обаятельную чувствительность, мог различить любой запах и понять пристрастия и слабости любого человека по его запахам, но... сам не имел запаха. Вернее, он думал, что не имел. И очень страдал из-за этого. Но было глубоко убежден, что он ничем не пахнет.

Следуя метафоре запаха, можно сказать: подобно Жану-Батисту Греную многие люди искренне полагают, что они в отличие от остальных ничем не пахнут. Иногда мы вообще готовы отказаться от способности чувствовать запах: “Я ничего не чувствую, у меня же хронический насморк”. Этот конкретный механизм психологической защиты Фрейд называл **соматизация**. “Не понимаю, почему все советуют мне помыться. Я достаточно чист” – это **отрицание**. Другой механизм – **вытеснение** в рамках этой метафоры звучит так: “Какой такой запах? Я не понимаю о чем вы?” Что означает это слово?”. **Перенос** будет звучать так: “Не люблю собак – они так дурно пахнут!”. Если вы склонны жалеть себя и жаловаться, обедаться шоколадом или мороженым, наконец, просто забиться в угол, сидеть в ожидании спасения извне и говорить при этом: “Знаешь, почему такой запах? Меня мама не научила мыться...”, значит, вы предпочитаете **регрессию**. Наконец, **интеллектуализация** может звучать так: “С точки зрения теории запахов не имеет значения, как человек пахнет. Индивидуальный запах, как показывают исследования, это сложная смесь...”. **Сублимация** – в этом случае, это покупка новой туалетной воды или работа над статьей про туалетную воду, или над критической статьей про роман Зюскинда “Парфюмер”... (Кстати, сублимацию Фрейд считал единственной социально приемлемой защитой.) Пора остановиться. Идея применить метафору запаха, чтобы описать типы защитных механизмов, и оказалась очень симпатичной. Так и хочется продолжить в том же духе, однако, по-моему, теперь уже читатель сам сможет поупражняться.

После Фрейда количество вновь открываемых защитных механизмов увеличилось, большой вклад внесла Анна Фрейд, ученица и дочь Фрейда. Она подробно рассмотрела многие аспекты того, как защитные механизмы мешают исцелению пациента-невротика, встают на пути осознания конфликта, который является источником множества других. Анна Фрейд известна прежде всего как основатель детской психотерапии, и защитные механизмы она наблюдала у подростков. Она описала аскетизм – отрицание, отказ себе в любом физиологическом удовольствии: еде, сне, физических упражнениях, сексуальном удовлетворении. Аскетические тенденции, проявляясь после достижения половой зрелости, позволяют контролировать интенсивность сексуальных влечений. С видом полного превосходства подростки отрицают все “грязное”, физиологическое, словно в результате достигают чего-то весьма полезного. Известен защитный механизм – идентификация с агрессором, когда человек бессознательно “присваивает” и в подробностях копирует агрессивное поведение “вышестоящей” личности, которая давила и мучила его в детстве или делает это сейчас. При этом агрессивное поведение реализуется в отношении подчиненных или собственных детей. Одна из моих клиенток вспомнила, как жестоко она страдала от воспитательных мер своей матери, которая запирала ее в темной ванной. До сих пор она не могла ей это простить. Через какое-то время выяснилось, что и у нее также нет взаимопонимания с дочерью, которую она, когда падает в отчаяние и чувствует беспомощность, запирает... в темной ванной комнате.

Откуда же берутся разные типы защиты? Ответ парадоксален и прост: из детства. Ребенок приходит в мир без психологических защитных механизмов, все они приобретаются им в том нежном возрасте, когда он плохо осознает, что делает, просто пытается выжить, сохранив свою душу.

Психоаналитическая теория подобно психологии марксистской питалась от естественно-научной методологии. Просто в отечественной психологии развития не было понятия бессознательного, а социализация однозначно понималась как созидательный процесс, шаг за шагом “подтягивающий” малыша к социально заданной “планке”. Поэтому в советской детской психологии вопрос о защитных механизмах не мог быть даже поставлен. В психоанализе взгляд был глубже и картина взросления – не такой однозначной. Несоциализованный ребенок, правда, тоже не заслуживал доверия, поскольку обладал большим количеством бессознательных стремлений, носивших асоциальный характер. Но и взрослый понимался в нем как человек, который вытесняет то, что стыдно, социально неприемлемо, плохо для других, эгоистично, но... очень хочется. Иными словами, ведет себя как ребенок. В структуре психики, предложенной Фрейдом, однако, бессознательную природу имеют и родительские, и социальные внушения. И они так же неприемлемы, ибо невыносимы. Так вот где рождаются защитные механизмы! Это попытка хоть как-то уравновесить давление родителей, с одной стороны, и свои собственные стремления – с другой. Социальное, воспитательное – вовсе не значит конструктивное. Позднее Фриц Перлз развил идею родительских воздействий в метафоре голода и глотания пищи. Родительские нормы и требования он сравнил с едой, которую ребенок заглатывает, зачастую не успевая прожевать и распробовать. Проглоченное далеко не всегда усваивается детским организмом, несваренное “желудка души” страдает, если задуматься, каждый из нас, давно вышедших из детства.

Но так ли уж плохи подавляемые социумом стремления? В американской гуманистической психологии, выросшей в 50–60-е годы, на волне критики фрейдизма было сделано революционное открытие. Карл Роджерс заявил, что самым глубинным человеческим стремлением является потребность в любви. В своей практике врача психотерапевта он много раз видел: человек защищается от того факта, что в нем есть много хорошего. Признать, что ты заслуживаешь любви, – для этого порой требуется гораздо больше мужества, чем согласиться с тем, что ты никчемно. В самом деле, это опасно. Если я хороший, то за что же я наказываю себя и что я делаю со своей жизнью!

Так в гуманистической психологии и философии открылись невероятные просторы для свободы и саморегуляции, когда человек может осознавать свои защитные механизмы – в этом, собственно, и состоит духовная переработка проблем, которые преподносит нам жизнь. Это единственный путь к зрелости и мудрости. Карл Роджерс много писал о том, как трудно человеку позволить себе смотреть на самого себя позитивно. Абрахам Маслоу, Ролло Мэй, Джеймс Бьюдженталь, Ирвинг Ялом рассматривают защитные механизмы как бегство от своей свободы и ответственности, от возможности прожить свою собственную, а не чужую жизнь, от подлинного себя.

“Я буквально утверждаю, – писал Бьюдженталь, – каждый из нас – искалеченный человек, поврежденный в своей жизнечности и интуиции (либо в острой, либо в хронической форме), и наша природа несет в себе нерализуемый потенциал... Происходит это потому, что меня никогда не учили прислушиваться к своему внутреннему чувству. Наоборот, меня учили слушаться внешнего – родителей, учителей, профессоров, начальников, психологов, науку. Из этих источников я брал инструкции, как мне правильно жить. Те требования, что шли от меня, я рано научился инстинктивно как подозрительные, эгоистичные и безответственные. Как сексуальные. Или как неуважительные по отношению к матери. Так что теперь, когда я стал пытаться прислушаться к себе, так много стаций подают сигналы одновременно, что трудно различить среди них свой собственный голос. Я даже не знал, что у меня есть этот голос, если бы тысячи часов, которые я потратил на выслушивание своих пациентов, не показали мне, что он существует в каждом из нас, и наша задача вернуть себе это врожденное право внутреннего голоса, которое было частично или полностью подавлено”.

Внутреннее сознание Джеймс Бьюдженталь называл “слушающим глазом” (listening eye), что звучит так же, как “listening I” (“слушающее Я”).

“Каждый человек вырабатывает способ бытия в мире, который является разумным компромиссом между тем, как он понимает себя и свои потребности, и тем, как он другого складывается в детстве... и в нашей культуре человеку предоставляется очень мало помощи для пересмотра своего детского мировоззрения в зрелом возрасте. Таким образом, мы разрабатываем способы бытия, суживающие и ограничивающие нашу жизнь”. Психотерапия – это “ускоренный образовательный процесс, направленный на то, чтобы достичь зрелости, задержавшейся на 20 или 30 лет из-за попыток жить с детским отношением к жизни”. Гуманистическая парадигма, как видно из этой прекрасной цитаты, предлагает человеку исследовать свои защитные механизмы, которые мешают ему различить и принять свой неповторимый человеческий запах.

Одним из генетических открытий психоаналитической теории было открытие важнейшей роли ранних детских травм. Чем в более раннем возрасте ребенок получает психическую травму, тем более глубокие слои личности оказываются “деформированными” у взрослого человека. Социальная ситуация и система отношений может породить в душе маленького ребенка переживания, которые остаются неизгладимым следом на всю жизнь, а иногда и обесценият ее.

К возрасту от трех до шести лет относится формирование большинства уже описанных в рамках психоанализа защитных механизмов. “Жизненные задачи”, которые необходимо решить растущему человеку, в разные возрастные периоды качественно различаются. Ребенок трех–шести лет сталкивается с тем, что не все его желания могут быть удовлетворены, а значит, он должен принимать уже ограничения. Дочка, например, любит отца, но выйти замуж за него не может, он уже женат на ее маме. Другая важнейшая задача – научиться решать конфликты между “хочу” и “нельзя”. Инициативность ребенка борется с чувством вины – отрицательным отношением к тому, что уже сделано. Когда побеждает инициативность – ребенок развивается нормально, если вина – то, скорее всего, он так и не научится доверять себе и ценить свои усилия при решении задачи.

Постоянное обесценивание результатов труда ребенка по типу “Ты мог бы лучше” как стиль родительского воспитания также приводит к формированию готовности дискредитировать собственные усилия и результаты своего труда. Формируется страх неудачи, который звучит так: “Не буду даже пробовать, все равно не получится”. На этом фоне формируется сильная личностная зависимость от критикованного.

Основной вопрос этого возраста: как много я могу сделать? Если удовлетворительный ответ на него не найден в пять лет, всю оставшуюся жизнь человек будет бессознательно отвечать на него, попадая на удочку “не слабо ли тебе?”.

Но еще раньше, в возрасте от полутора до трех лет ребенок решает не менее ответственные жизненные задачи. Например, приходит время и родители начинают приучать его к туалету, к контролю над собой, своим организмом, наведению и чувствами. Не описаться, не опрокинуть горшок – трудная задача для ребенка. Когда родители противоречивы, ребенок теряет: то его хвалят, когда он испражняется в горшок, то громко стыдят, когда он гордый приносит этот полный горшок в комнату, показывая сидящим за столом гостям. Растерянность и главное – стыд, чувство, описывающее не результаты его деятельности, но его самого, – вот что появляется в этом возрасте. Родители, слишком фиксированные на формальных требованиях чистоты, предъявляющие к ребенку не выполнимую для этого возраста планку “производительности”, просто педагогичные личности, добиваются того, что ребенок начинает бояться собственной спонтанности и непосредственности. Что победит: стыд и сверхконтроль, который поможет избежать стыда? Или все-таки, спонтанность и доверие к себе? Взрослые, у которых вся жизнь расписана, все под контролем, люди, не представляющие себе жизни без списка и систематизации и вместе с тем не справляющиеся с ситуацией арвала и любимыми неожиданности, – это те, кем как бы руководят их собственные маленькие “я”, двух лет от роду, посрамленные и пристыженные.

Задача еще более “древней” и более глубокой, самой ранней стадии взросления, описанной Фрейдом, – установить нормальные отношения с первым в жизни ребенка “объектом” – материнской грудью, а через нее – со всем миром. Если ребенок не брошен, если матерью движет не идея, а тонкое чувство и интуиция, ребенок будет понять. Если такого понимания не происходит – закладывается одна из самых тяжелых личностных патологий – не формируется базовое доверие к миру. Возникает и укрепляется чувство, что мир непочтен, не сможет удержать меня, если я упаду. Такое отношение к миру сопровождается взрослым человеком, всегда, это восхищается человеком, то обесценивает его, проецируя на личность партнера, как на экран, вытесняемое части себя самого. **Девальвация** – умаление ценности чего-то важного, своих возможностей, например, и достижений. **Примитивная идеализация** – преувеличение могущества и престижа другого человека. **Всегоищущие** – преувеличение общественной силы. Наконец, **деструктивное реагирование** – саморазрушение вплоть до полного.

Эти защитные механизмы присутствуют в поведении любого здорового ребенка – разные механизмы на разной возрастной стадии, и исчезают они, когда ребенок становится старше. Если же ребенок травмирован, то инфантильная форма его поведения не исчезает, а застывает, остается в виде защитного механизма в поведении взрослого человека. И, хотя эти механизмы блокируют личностное развитие, свою функцию – защиты от непереносимых переживаний, связанных с травмой, они выполняют.

Карл Роджерс говорил, что защитные механизмы нужны человеку, когда его непосредственный опыт расхолаживается с его представлениями о себе. В этот момент бессознательно включаются механизмы, искажающие этот опыт в сознании. Так, люди, избегающие близости с другими, часто предпочитают объяснять проявленную в какой-то ситуации человечность мнимыми выгодами или тем, что сделали это назло тому, кто заперсал им проявлять подобное отношение. Но почему они так поступают... Еще Себен Кьеркегор, большой задира от философии, говорил: “Чтобы посмотреть в себя, требуется побольше мужества, чем для всего другого, что делает человек в жизни”.

Напоследок поток сознания Жана-Батиста Гренюя в момент триумфа, к которому через жестокость и убийства герой шел всю свою жизнь:

“В эту минуту, когда он видел, что люди не в силах ему противостоять, в эту минуту в нем поднялось все его отвращение к людям и отравило его триумф настолько, что он не испытывал не только никакой радости, но даже ни малейшего удовольствия. То, чего он всегда так страстно желал, а именно чтобы его любили другие люди, в момент успеха стало ему невыносимо, ибо сам он не любил их, но их ненавидел. И внезапно он понял, что никогда не найдет удовлетворения в любви, но лишь в ненависти своей к людям и людей – к себе.

Теперь он был бы так рад всех их стереть с лица земли, этих тупых, вонючих, эротизированных людинашек, и он желал, чтобы они заметили, как он их ненавидит. И чтобы они ответили взаимной ненавистью на это единственное, когда-либо испытанное им подлинное чувство и со своей стороны были бы рады стереть его с лица земли, что они первоначально и собирались сделать. Он хотел один раз в жизни разозлится. Раз в жизни ему хотелось стать таким, как другие люди, и вывернуть наружу свое нутро: как они обнажали свою любовь, свое глупое почитание, так он хотел обнажить свою ненависть.

Но ничего из этого не вышло. Из этого и не могло ничего выйти. Ведь он был замаскирован лучшими духами в мире, а под этой маской у него не было лица, не было ничего, кроме тотального отсутствия запаха. И тут ему внезапно стало дурно...

Как тогда в пещере, в сневидении, во сне, в сердце, в его фантазии внезапно обонялись жуткие туманы его собственного запаха, который нельзя было воспринять обонянием, ибо он имел другую природу. И как тогда, он испытывал бесконечный ужас и страх и подумал, что вот-вот задохнется...” И тогда он почувствовал, что хочет быть убитым. “Ему казалось, что вот-вот ощущает удар меча или кинжала, этот благодный удар в грудь, чувствует как лезвие рассекает его ароматические кольчуги и зловонные туманности, наконец проникает в середину его холодного сердца, наконец в его сердце нечто иное, чем он сам. Он почувствовал избавление”. |

Я писала этот текст, опираясь в основном на опыт самопознания. Обнаружив у себя достаточно описанных защитных механизмов, успокоилась, но вопрос о том, почему все-таки предпочтительно решить почти невыполнимую задачу – написать о защитных механизмах личности было так соблазнительно для меня, по-прежнему озадачивает. Поговорю об этом со своим психотерапевтом... /с.к.

Чтобы освободиться от болезненных чувств и воспоминаний, держать их вне нашего сознания, чтобы защитить свои стремления, влечения, неуместные при данных обстоятельствах, мы бессознательно прибегаем к разным защитным механизмам.

Вытеснение (подавление) – “исключение” из сознания мыслей, желаний, воспоминаний, которые вызывают тревогу и угрожают внутренней целостности человека.

Отрицание. Игнорируя реальность, причиняющую боль, человек ведет себя так, будто ее не существует.

Перенос – смена объекта чувств на более безопасный. Человек говорит о любви, ненависти, соперничестве, хотя на самом деле эти чувства вызваны совершенно другим человеком.

Регрессия – возвращение к поведению, свойственному более раннему возрасту. В какой-то ситуации взрослый человек, например, может начать говорить с “детскими интонациями”

Сублимация – переключение энергии, связанной с сексуальными влечениями, на более возвышенную цель, например, творчество.

Проекция – защитный механизм, при котором человек приписывает другим людям свои собственные, неприемлемые для сознания инстинкты и желания. Именно их он осуждает в других людях.

МОЖНО ЛИ ЗАЩИТИТЬСЯ ОТ ЗАЩИТЫ? | *маргарита жамкочьян*

“Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям. Есть такие, которые он и друзьям не откроет, а разве только себе самому, да и то под секретом. Но есть, наконец, и такие, которые даже и себе человек открыть боится, и таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится”.

Федор Достоевский

Защитные механизмы есть у всех людей. А если они действительно нас от чего-то защищают, то почему мы говорим о них, если не как о патологии, то уж, по крайней мере, как о нашей неадекватности? Может быть, потому, что все они так или иначе ведут к самообману.

Вот замечательный пример, открытый нашими психологами: “аффект неадекватности” у пяти-шестиклассников. В каждом исследованном классе находилось два-три ученика, которые на классных собраниях с жаром набрасывались на тех, кто получал двойки, заявляя, что они “тянут класс назад”. Они очень искренне возмущались. Но юмор ситуации заключался в том, что эти ребята и были двоечниками. Когда им об этом напоминали, они удивленно отмахивались: “Ну, у меня-то это случайная двойка”. Попытки объяснить, что они такие же, как те, кого критикуют, приводили к вспышкам негодования и агрессии. Этот пример – образец защитного механизма – проекции. То, что мы боимся (или нам неприятно) признать в себе, мы проецируем на другого, и там уж можно высказать все, что наболело. Не правда ли, никаких ухищрений и тонкостей, всем все очевидно, но действует!

Но этот механизм контрпродуктивен, он не позволяет разрешить проблему (в данном случае повысить успеваемость). А если сломать защиту, то разрушишь личность – получается заколдованный круг.

Но ведь проекция – это и фундаментальное свойство психики. Возьмем элементарный зрительный образ: изображение предмета, перевернутое и уменьшенное, формируется на сетчатке глаза по законам физической оптики. А “видим” мы предмет где? Там, где он в реальности и находится. Все, что происходит внутри нас – в физиологии зрительного аппарата, – скрыто от человека, и воспринимаем мы характеристики предмета, а не самих себя. И то, что видим, считаем объективной реальностью. Но разве не бывает зрительных иллюзий, миражей? Значит, мы можем исказить реальную действительность на вполне законных основаниях. А ведь это всего лишь зрительный образ. Дальше становится только сложнее. Мы искренне верим, что видим, например, человека таким, какой он есть. Но вот результаты классического эксперимента на социальное познание: портрет одного и того же человека показывают в двух группах. В первой его объявляют крупным ученым, а в другой известным преступником-рецидивистом. И просят описать этого человека. В результате легко можно догадаться. В первой группе с портрета смотрят пронзительные острые глаза, высокий лоб, одухотворенное лицо, во второй – маленькие злые глазки, залысины, жесткие складки рта.

Чтобы защитный механизм работал, он должен срабатывать автоматически, без контроля сознания. А это невозможно без использования фундаментальных законов психики. Возможно ли было бы вытеснение, если бы не было процесса забывания? Среди огромного количества всего забытого прячется вытесненное, и его нелегко отыскать. Не будь проекции как свойства познания мира, не было бы и способности “видеть” в другом то, что не хочешь видеть в себе.

А эмоции, если следовать теории, созданный Сартром, специально призваны “магически преобразовывать действительность”, то есть менять её до неузнаваемости, например, как при обмороке. Вот уж действительно, физическое отрицание действительности. Ты падаешь в обморок, “отрицаешь” одну действительность, а приходишь в себя – в другой, где о тебе беспокоятся, заботятся, все прощают. |

ЧЕГО ОНИ БОЯТСЯ... | *виктор славкин*

Мне нравится теперешнее время. Когда я сравниваю свое детство и жизнь сегодняшних детей – сравнение не в пользу пережитого мной. Я говорю именно о том, чего боялись мы, и о том, чего боятся они. У них определенно нет того страха, который преследовал в детстве людей моего поколения. Страх выпасть из системы, страх оказаться не таким, как другие, страх не найти свою нишу в общественном устройстве, в пятидесятые, когда прошли мои отрочество и юность, был очень примитивном. Советский человек был существом насквозь социальным, мы будто платили системе некую дань – страхом. Страх был платой за относительное спокойствие. У моего отца все братья оказались в лагере, и мне постоянно внушали, что нужно быть осторожным, не говорить лишнего, а лучше вообще молчать. Сами понимаете, с теперешними детьми все не так. Вся окружающая жизнь, телевидение, пресса, даже политика (посмотрите на политчудо-юдо Шандыбина) утверждает, что быть не таким, как другие, можно и более того, нужно. Чтобы чего-то добиться, чтобы самовыразиться.

Страхи сегодняшних детей или подростков – прямо противоположного свойства. В первую очередь, как мне кажется, это страх быть недостаточно ярким, страх не выделяться из толпы, страх стать частью серой массы.

Но как бы то ни было, мне кажется, что страхи детей – это страхи родителей. Дети во все времена наследуют страхи. Родительские страхи внутри детей. Разве недостаточно примеров, когда дети боятся безденежья, бедности? Я знаю таких десятилетних детей, причем из нормальных семей. И это “семейный” страх, финансовый испуг, владеющий семьей, где растет человек. Я помню, как моя мама волновалась, когда в шестидесятые, уже студентом, я начал высказываться о Хрущеве. Она меня молила об одном – никому больше, никому кроме нее, этого не говорить. А взросление как раз в том, что такие “родительские” страхи начинают рационально осмысливаться и потому преодолеваются.

А есть еще страхи, вызываемые родительской личностной силой, состоятельностью. Недавно я где-то прочел, что подросток из очень благополучной семьи, сын одного депутата, кажется Госдумы, угнал автомобиль. Я думаю, это поступок человека, движимого страхом. Страхом не утвердиться, не доказать миру, что он не “тварь дрожащая”. Миру или отцу...

Но при всем этом я убежден, что страх – это мотор для развития личности. Когда я в детстве, напуганный родительскими социально-политическими страхами,

замыкался в себе, уходил в свою скорлупу, я в этой самой скорлупе, подспудно, но интенсивно развивался. Уход в себя – это углубление личности. Именно тогда я, хиленький и щупленький, вовсе не герой стометровок, нашел способ выразить свою, если хотите, человеческую уникальность. Я начал писать. Чувство юмора обострилось тогда же.

Из той скорлупы, созданной страхом, я увидел мир через призму комического, нелепого. Внутри себя я переплавлял свой испуг, возникала потаенная мечта – мечта вырваться из круга страхов: отсюда и стихи, и кажущееся теперь почти смешным участие в художественной самодеятельности. Страх заставляет человека противостоять причине страха и доказывать: “я чего-то стою”. Что вообще чего-то стоит “я”. |

ЖЕЛТАЯ СОБАКА

Владимир Петрушов

– любимым делом считает историю и искусство. Рисует, пишет сказки, по нашей просьбе делится с читателями журнала своими наблюдениями о том, как растет дочь.

Желтая собака на весеннем ветру.

Влажный нос...

Девочка была волшебной красоты, она шла навстречу быстрой походкой по темному коридору, и глаза её были кари, как вишни в августе. Позже выяснилось, что глаза зеленые, и не просто зеленые, а, в луче весеннего солнца, фисташковые. Первое впечатление оказалось обманом зрения: темный коридор, взгляд против света...

Весной её выгнали из школы. Телефона не было. Я приблизительно знал, где она живет, и пошел побродить по улицам в надежде случайно на неё натолкнуться. Прослонялся часа два, промерз до костей и тут увидел дворнягу около магазина. Собака была желтая.

– Здравствуй, – услышал я знакомый голос. (Она всегда говорила “здравствуй”.) Душа сладко провалилась в живот.

– Привет, – успел ответить я, уже в спину. Момент был упущен. Я засмотрелся на собаку...

Сейчас моей дочери столько же, сколько мне было тогда. И за тринадцать лет случилось множество тревог и хлопот. И всякие незначительные глупости.

Детям до трех лет нельзя давать мелкие предметы... Доводилось ли вам неделю подряд искать в содержимом горшка фабрики “Призыв” здоровенный подшипник, успевший проржаветь в желудке?

Знаете как страшно, когда в жесточайшую ангину ребенок теряет сознание от температуры? Идет в туалет и падает. Чудом успел поймать уже в полете: зрачки закатились, не дышит, и пульса нет. За секунду вспоминаешь про массаж сердца и искусственное дыхание. Какое счастье, когда это позади и её пижама с неправдоподобной быстротой становится мокрой под твоими руками от ледяного пота... И эти шутки:

– Конечно, не буду держать, ты уже большая, только каску надень!

А в районной врачиха дура, надо вызывать из “Семашко”.

И как плохо, когда учителя плохие, и как хорошо, когда наоборот, и хорошая школа, и ребенка не унижают и не давят почем зря. Но почему-то от одежды пахнет табаком.

– Это Галя курила, а я стояла рядом.

И по алгебре с геометрией семерки (по десятибалльной системе). На физкультуру можешь вовсе не ходить, хватит бассейна и тенниса, но... Но... Этот идиот Даня из параллельного класса приносил анашу.

Опять же Говард, Кинг и комиксы про эльфов. “Раммштайн”, спасибо, что не “Руки вверх”. Хорошо, что грохнулся “сидирум” в компьютере, не очень тороплюсь его чинить.

Кажется, что единственное спасение в отсутствии свободного времени. Чтобы не оставалось сил на глупости, дурь и бестолковщину. Обязательная школа (опять желтуха), плюс необязательный французский. Два тенниса (получила мячом в глаз, тренер прикладывал бутылку кетчупа из холодильника), два бассейна, гитара и занятия рисованием. Сам люблю рисовать, очень хорошо. Замечательно.

А не слишком ли много? А не устанет ли она? Не превратится ли в механическую куклу? А когда свободное время всё-таки есть, не слишком ли много смотрит телевизор и болтает по телефону?

И смотрю пристально, и спрашиваю внимательно:

– Что в школе? – ибо я знаю, ЧТО может быть в школе.

– Тебе не холодно? – и для меня ЭТО не праздный вопрос.

– Куда и с кем ты пойдешь после уроков? – что ВАЖНО.

И уже на выдохе, легко:

– Что ты рисовала в воскресенье с Юлей?

Не уверен, но близок к надежде, что если уделять ребенку внимание, заботиться о нем, контролировать и помогать, можно, наконец-таки, вырастить его элементарно грамотным, уберечь от разнообразнейших неприятностей. И дальнейшая судьба...

И всё правильно, необходимо, так и должно быть. Но хочется спросить о том, ради чего и школа и всё остальное... а как тут спросишь? Спросить, ведь я не знаю точно, откуда она приходит:

Дочь, ты не встречала желтую собаку? |

ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА БЛАГОДАРНОСТЬ

альбина локтионова

Богатая женщина не раз помогала детскому дому. Однажды к ней подошел мальчик и сказал: “У меня ничего нет, но я хочу сделать вам подарок”. И он протянул ей чистый платочек. Женщина испытала неловкость, более того, она вспомнила, что такой подарок – плохая примета. Она хотела отказаться и просто дать мальчику денег. Но, посмотрев на него, неожиданно приняла подарок и поблагодарила. Позже, рассказывая в телевизионной передаче про этот случай в детском доме, она пыталась еще что-то объяснить, но не находила слов. Правильно ли она поступила? Что произошло между ней и мальчиком? Почему это так растрогало ее?

“Он чувствовал себя обязанным Богу за спасение жизни в опасной ситуации и спросил друга: “Как мне выразить мою благодарность, чтобы она была достойна Его?”

В ответ друг рассказал историю.

Мужчина полюбил женщину. Он полюбил ее всем сердцем и попросил выйти за него замуж. Она же хотела чего-то другого. Как-то они переходили улицу, и ее сбила бы машина, если бы не спутник: в последний момент он выхватил ее из-под колес. Немного отойдя от случившегося, она сказала ему: “Теперь я выйду за тебя замуж”. Как ты думаешь, что почувствовал этот мужчина? – спросил друг.

Тот не ответил.

– Видишь? – сказал друг, – может быть, так и Богу с тобой.

Благодарность – это еще одна, редкая возможность установить баланс между “давать” и “брать”. Когда я благодарю, я действую не по принуждению со стороны дающего, а потому, что это единственный соизмеримый с ситуацией ответ. Для инвалида или для больного, для умирающего, а иногда и для любящего. Помимо потребности вернуть баланс, действует еще и любовь. Та элементарная любовь, которую люди испытывают по отношению друг к другу, которая притягивает и удерживает вместе, подобно силе притяжения, действующей в физических телах. Эта любовь сопровождает любое “давать” и “брать”, и им предшествует. В момент принятия она проявляется как благодарность. Благодарность означает, что я признаю то, что ты даешь мне, независимо от того, смогу ли я это когда-нибудь вернуть. Я принимаю это от тебя как подарок. Тот, кто благодарит в ответ, говорит: твое внимание и признание для меня более ценно, чем все то, что ты мне даешь”.

Услышав от Берта Хеллингера эту новеллу о благодарности, я смогла понять смысл того, что произошло в детском доме. Для мальчика было важно поблагодарить женщину, а она в этот момент растерялась.

Какой ответ требовала от нее ситуация – совершить непривычное, принять благодарность.

Какая потребность ребенка была скрыта за его жестом – потребность в любви, в признании и уравнивании. Ощущая себя – слабым, беспомощным и берущим (и являясь им), он совершил жест, который позволил ему почувствовать, что он – дает. Но взвешивание производится на других весах, на другом уровне. По другому счету. Поймет ли взрослая женщина, что мальчик, предлагая ей подарок, устанавливает новые отношения. Сможет ли она в них вступить и придать ролевым отношениям новое, более глубокое измерение.

За его жестом я вижу послание: “Я есть, независимо от того, что смогу тебе дать. Я есть для тебя. Но сможешь ли ты принять мой дар, признать мой подарок, дать мне немножко любви. Есть ли ты для меня?”

Жест обретает окончательное значение в момент ответа, ведь он осмысливается в диалоге, в толковании. В силах женщины было превратить (истолковать) выраженный жестом порыв души в жест манипулятора-попрошайки: “Ну вот тебе еще, – в ответ, – еще и в десять раз больше”. И в этом случае мальчик навсегда запомнил бы урок: ценность этой жизни – иметь и измерять отношения материальным.

Но его жест был обращен к человеку в этой сильной женщине, к интимной стороне ее души, к ее персоне. Она могла бы сказать: твоя любовь и твоя признательность для меня важнее того, что ты можешь для меня сделать, оставь платочек себе. Но тогда она сохранила бы за собой роль дающего и не дала бы ребенку пережить новый опыт. Отбросив тревогу, связанную с приметам, приняв его подарок и поблагодарив, она сделала нечто большее, чем делала для детского дома до сих пор и смогла бы сделать для мальчика. Она “ввела” в общение смирение и благодарность, любовь, про которую говорил Берт Хеллингер. Она признала, что и он может быть дающим, она приняла его подарок, обозначив понимание его настоящей ценности – ценности отношений.

Их взаимодействие стало встречей двух людей. Мальчика поняли и приняли. Простая благодарность позволила ребенку почувствовать: твой дар принят сильным и богатым человеком, который владеет многими ценными вещами, и твой дар принят как особый – с благодарностью. Он смог прочувствовать, что любовь и признание тебя в качестве равного – это нечто совершенно особенное и более ценное, чем все, что ты можешь получить. Ибо благодарностью мы подтверждаем не только то, что даем друг другу, но и то, чем друг другу являемся, – опорами социального, человеческого бытия. |

БЕРТ ХЕЛЛИНГЕР проводит свой первый семинар в России

■ 22-23 сентября в Москве

Берт Хеллингер изучал философию, теологию и педагогику и шестнадцать лет был миссионером католической церкви в Южной Африке. Он руководил католическим колледжем, где познакомился с теорией и практикой групповой динамики. Вернувшись в Германию, он стал психоаналитиком. Через терапию первичным криком, транзактный анализ, гипнотерапевтические и трансовые техники пришел к созданию собственного подхода – системной терапии семьи. Сейчас Берт Хеллингер – один из самых известных психотерапевтов Европы.

Его взгляд на психосоматические заболевания, в частности на психосоматику онкологических больных, открыл новое понимание болезни: семейные драмы, передающиеся из поколения в поколение, влияют на возникновение тяжелых заболеваний и формируют бессознательные жизненные сценарии, в том числе и базовое решение жить или умереть. Помогая пациентам, Хеллингер раскрывает широкие взаимосвязи и запутанные места судьбы, работает над душевными движениями.

Несмотря на дискуссии, споры и возражения все сторонники и оппоненты Берта Хеллингера сходятся в том, что он сделал открытие, оно занимает важное место в целостной концепции душевного здоровья человека.

■ Как стать участником семинара?

Стоимость участия:

- \$30 при оплате до 1 августа 2001, для студентов – \$20.
- \$40 при оплате до 1 сентября 2001, для студентов – \$30.
- От \$50 при оплате позже 1 сентября при наличии мест.

Заявки принимаются по адресу:

121069 Москва, **Трубниковский пер., 22, стр. 2.** ЦСПА “Генезис”.

Телефоны: (095) 203-0407, 203-0209 Факс (095) 202-6677, e-mail: genesis@dol.ru

**СДЕЛАТЬ
ШКОЛЬНУЮ
ЖИЗНЬ ОТКРЫТОЙ**

марина аромитам

– учитель, журналист, мама двух взрослых сыновей.

Уважаемые родители! Перед вами – листочки в клеточку и карандаши. Прежде чем перейти к содержательной части нашего собрания, я попрошу вас выполнить следующее упражнение...

Преамбула неожиданная. Присутствующие удивлены. А удивление всегда снижает агрессию. Чтобы не допустить саботажа, сразу перехожу к инструкции:

Сейчас вы будете ставить точки под диктовку. Постарайтесь не терять темп работы. Взяли карандаши – начали: левый верхний угол, две точки по горизонтали; от последней точки отступить три клеточки вниз – три точки по вертикали; от нижней точки отступаем вправо две клеточки – поставить точку...

Диктую железным учительским голосом, не терпящим возражений. В какой-то момент я открыла для себя его возможности в общении с собаками. Потом – с сумасшедшими.

...нижний правый угол, отступить две клеточки вверх, три клеточки влево – точка.

Безжалостно наращиваю темп. Взрослые приняли игру, вошли в азарт, но – не выдерживают. Смеются, бросают карандаши. Победа! Теперь они – мои.

Я не случайно предложила вам испытать свои силы. Потому что это как раз те самые “ужасы”, с которыми сталкивается ребенок в первом классе, в данном случае – так называемая пространственная ориентация на плоскости. Теперь поговорим, как будущим первоклассникам избежать вашей участи – поражения на листочке в клеточку...

Мне было двадцать шесть лет. Я проводила первое собрание в экспериментальном классе-группе для родителей четырехлеток. В тот момент решалась моя судьба: обрету ли я в лице мам и пап союзников (бабушки – это особая, трудно пропеваемая песня).

И придумала я все это не сама. У меня была наставница – психолог и педагог Маргарита Михайловна Лыкова. Она заставила меня затвердить заповедь: “Родительское собрание – как военный парад. Каждый раз заново требуется продемонстрировать свои возможности. И лучше, чтобы это было наглядно. А главный родительский вопрос всегда один: что происходит с моим ребенком в школе (или в детском саду)?”.

Ребенок в силу обстоятельств живет в двух “государствах” одновременно. Одно из них – семья, другое – школа. И взрослые этих двух различных “государств”, даже при богатом воображении, с трудом догадываются о том, как существует ребенок в неподвластном им мире: что чувствует, с кем играет, с какой силой кричит, к чему проявляет интерес, что он делает, наконец, в каждую минуту тех пяти – семи часов, которые проводит не дома? Ребенок – он ведь как “партизан”: рассказывает очень мало или очень избирательно, или совсем не тогда, когда от него этого ждут. Картина никогда не бывает полной. Есть, правда, “свободные зоны” – праздники и домашние задания. Но это лишь опознавательные знаки другого, неведомого мира.

Право родителей – посвящать или не посвящать педагогов в принципы своей семейной жизни, в домашние занятия своего ребенка. Это вопрос взаимопонимания. Но в интересах педагога, если он хочет от родителей сотрудничества, сделать скрытую школьную жизнь явной. Для этого нужно много и часто встречаться, предупреждать вопросы, гасить тревоги, переводить их в русло позитивной помощи ребенку, рассказывать и ПОКАЗЫВАТЬ. Обязательно показывать. Отдельные упражнения, элементы занятий, игры. И уроки с детьми. Это особенно утомительно. Но – необходимо.

Сейчас, после семнадцати лет работы в школе, у меня есть некоторый педагогический имидж, под который родители отпускают мне определенный аванс доверия. И тем не менее в тот момент, когда я пускаю видеозапись наших с детьми занятий, они испытывают что-то вроде шока: “Так вот, оказывается, как это бывает!”

Видеокамеры открыли новую эпоху. Мы теперь можем фиксировать “текучесть” нашей жизни, а не только мгновение, как на фотографии. Осталось перестроиться с “парадной” съемки на черновую, интересующуюся не только “балом”, но и “кухней”.

Родителям можно много показать – и не только приятного, но и проблемного. При этом надо иметь в виду, что проблемный материал требует комментариев, психолого-педагогического анализа и обобщения. Еще можно слушать голоса, записанные при помощи диктофона. Что там птицы и ручьи в сравнении с голосом твоего собственного ребенка! Особенно, если он участвует в диспуте или в обсуждении философской проблемы “Как становятся настоящими мужчинами?” А если молчит? А если говорит что-то не-ожиданное, даже пугающее?

Это лишний повод задуматься, это основа нашего разговора. И, кстати, еще один важнейший принцип проведения родительских собраний. Обсуждать проблемы конкретного ребенка в присутствии всех родителей возможно только в том случае, если они связаны с благополучием других детей и вы как педагог нуждаетесь в выражении общественного мнения. В остальных случаях надо стараться избегать сравнительных характеристик детей – это тема конфиденциальной беседы. Нам и так не избежать сравнения – это постоянная пища для родительского ума и родительского честолюбия. Поэтому лучше не заострять эту тему, щадить родительское самолюбие. Если, конечно, мы хотим, чтобы родители воспитываемых нами детей приходили на родительские собрания. |

СОВЕТЫ УЧИТЕЛЯМ | *Ирина Хоменко*

>Что думают о родительских собраниях родители>

Благодарите родителей за все подряд. Много раз за одно и то же; всех за что-нибудь. Обязательно при всех. Благодарите учеников за их замечательных родителей. Благодарите бабушек и дедушек за то, что встречают детей из школы, помогают организовать праздники. Отдельно благодарите пап – за удивительное внимание к нуждам школы, за любой шаг навстречу ребенку и учителю.

Конечно, форма выражения благодарности может быть любой. Но особенно запоминаются благодарственные письма.

Записи в дневнике любимого чада – самая болезненная тема для многих родителей. Как правило, записи безлико информируют о том, чего ребенок не сделал в школе. А если тактику поменять и начать писать позитивные вещи: хвалить ребенка, официально (письменно) и регулярно закрепляя похвалу?! Да, потребуются ваше время, но ведь оно того стоит!

Основная задача школы, если она действительно хочет изменить порочный круг противостояния с родителями по поводу прав и ответственности за воспитание и обучение детей, – убедить родителей в своем искреннем желании разделить эту самую ответственность поровну.

Родители не должны бояться школы (вспомните отсутствие оптимизма на лице родителей, когда вы сообщали им о приглашении на очередное собрание). Родители не должны чувствовать себя в школе гостями, которых приглашают только по большим праздникам, или подсобными рабочими, чьи руки нужны для покраски парт или мытья окон, или безразмерными кошельками, чтобы вытряхивать из них нужные суммы по мере необходимости.

Никогда не употребляйте термин вызвать родителей в школу! Всегда приглашайте их поговорить. И обязательно – заранее. Не практикуйте ситуацию: “Чтобы завтра же родители были здесь!” – ведь разговор сторяча всегда приносит только обратный эффект. До тех пор пока встреча учителя и родителей будет для ребенка наказанием, рассчитывать на полноценное сотрудничество преждевременно...

Изучайте родителей (и других членов семьи) – их интересы, сферу профессиональной деятельности, их методы воспитания – не как маму Миши или папу Светы, а просто как взрослых и опытных людей, с которыми столкнула вас судьба. Возможно, среди них есть удивительные люди, и они станут известны другим благодаря вашему искреннему интересу.

Учитесь у родителей, ведь учитель – это не всегда тот, кто знает больше, а тот, кто знает другое.

К сожалению, сегодня родительское собрание – самая распространенная форма взаимодействия учителя и семьи. А где же лекции, семинары, педагогические практикумы, дискуссии, тренинги, конференции, психолого-педагогические консультации? Что это – лень, нехватка времени или профессиональная несостоятельность многих учителей? Выходит, количество родителей, присутствующих на собрании, – единственный показатель их активности, доверия к школе, готовности принять участие в жизни класса. Но и тут соблюдение простейших правил может существенно стимулировать процесс привлечения родителей в школу.

•Никогда не упрекайте родителей, не посещающих собрание, это не способствует их желанию встречаться с вами чаще. Всегда искренне (без сарказма!) радуйтесь их появлению в классе.

•Обязательно называйте родителей по имени и отчеству, не говорите “мама Миши Петрова”. Иначе может создаться впечатление, что родители значимы для вас только в этой роли.

•На собрании старайтесь говорить о проблеме, а не о конкретном ребенке. А вот хвалите – персонально и обязательно всех. Найдите несколько теплых слов для каждого ребенка. Дети меняются, взрослеют, осваивают новые области. И часто успешнее, чем кажется на первый взгляд.

•Особенно эффективно, если вам удастся проанализировать, чего достигли школьники с момента вашей последней встречи с родителями, а в чем им так и не удалось поднять планку. Выявление проблем должно быть конструктивным: вот есть проблема; для ее решения неплохо было бы сделать то-то и то-то; со своей стороны я постараюсь, а вы со своей попробуйте...

•Когда родителям предлагается сильная и конкретная модель приложения своих родительских ресурсов, то отдача повышается. Потому что пошаговые целенаправленные действия всегда приносят позитивные результаты. Повышают заинтересованность родителей. Они чаще обращаются к вам за советом, а вы, в свою очередь, получаете прекрасную возможность проследить за развитием ребенка в семье.

•Старайтесь не критиковать действия коллег, соблюдайте профессиональную этику, даже если у вас иная точка зрения.

•При необходимости попросите родителей об оказании какой-либо помощи, подробно объясняйте, почему вы не можете обойтись без них, просите предложить другие варианты решения проблемы, охотно обсуждайте их.

•Как вести себя учителю, если возникла проблемная ситуация и вы вынуждены просить родителей о встрече?

•Приглашая родителей в школу, спросите себя: что я хочу получить в результате? Если просто выговориться, осудить действия ребенка или методы воспитания родителей, то этот путь неэффективен. Попробуйте найти конструктивное решение, ведь это облегчит прежде всего вашу работу.

•Во время обсуждения в присутствии ребенка помните: как бы он ни был виноват, родители всегда (по крайней мере на людях) должны быть адвокатами своих детей. Двое на одного – это нечестно!

•Не полагайтесь на слухи. Говорите только о достоверно известных фактах, не поощряйте ябедничество.

•Говорите о конкретных вещах, старайтесь не употреблять неопределенных выражений типа “плохо себя ведет”, “не хочет учиться”. Выражайтесь ясно: “Не сделал два домашних задания по математике”, “Отказался отвечать на уроке химии” и так далее. Тогда родителям будет легче проконтролировать дальнейшую учебную деятельность ребенка.

•Предлагая возможные способы решения проблемы, не провоцируйте взрослых на насилие, когда закончится “разбор полетов”, этим вы лишь настроите детей против себя. Как результат: дети будут стараться скрыть от родителей дату очередного собрания.

•Заканчивая встречу, спросите себя: оправдались ли мои ожидания от этой встречи? С каким чувством родители уходят домой? Как посмотрит на меня ученик завтра?

Развитие ребенка – сложный, неоднозначный процесс. И от того, насколько тернистым и болезненным будет ваш совместный путь по, конечно же, всегда индивидуальному образовательному маршруту, зависит, о чем будет вспоминать человек через десять или двадцать лет после школы. Куда приведет его та дорога, которую он, пытаясь и отдуваясь, неуклонно преодолевал, опираясь на ваши и родительские руки? Ведь когда тебя поддерживают с двух сторон, как-то надежнее...

Что думают о родительских собраниях РОДИТЕЛИ

Светлана Семеновна, мама второклассника:

– Я отношусь к родительским собраниям как к чистой формальности, которая нужна только администрации школы. Я не вижу в них смысла. В нашем классе родители ругаются между собой из-за конфликтов, которые возникают между детьми, а учитель не может их остановить.

Светлана Леонидовна, мама выпускника:

– Мой сын заканчивает инновационную школу. Естественно, у родителей возникает много вопросов – ведь у нас предствление о школе традиционное. Собрания проводятся команда психологов: они подробно рассказывают о том, что происходит в школе, разъясняют смысл нововведений, устраивают даже экскурсии по выставкам детских работ. Это помогает узнать и понять своих детей.

Елена Максимовна, мама девятиклассника и третьеклассницы:

– Я люблю ходить на родительские собрания – это хорошая возможность пообщаться с другими родителями.

Некоторые учителя на собраниях постоянно жалуются на то, как им тяжело работать, от чего возникает чувство недоумения и ощущение их профессиональной несостоятельности. А есть и те, кто всегда говорит про детей только хорошее, но это, на самом деле, тоже не приносит удовлетворения, скорее вызывает чувство недоверия и настороженности. Мне бы очень хотелось, чтобы на собраниях интересовались моим мнением и впечатлением от школы. И чтобы это было не спонтанно, а продуманно и значимо для школы.

Ольга Степановна, мама восьмиклассницы:

– Собрания проходят так: учителя ругают неуспевающих учеников, и все это заканчивается перепалкой между родителями или между учителями и родителями. Затем вкратце сообщают, сколько надо брать денег и когда помыть парты... При этом учителя нередко делают нам замечание - не так себя ведет, громко разговаривает... Честное слово, такой диалог возможен не только в индивидуальной беседе, но и на общем собрании, если, конечно, его заранее продумать и выстроить. Очень бы хотелось, чтобы на собрании хоть немного обсуждалась внеучебная жизнь детей.

>Что думают учителя>

У родителей со школой отношения нередко бывают сложные... За десять лет многие так и не могут переступить через страх посещения родительского собрания, “индивидуальной консультации”, на которую периодически приглашают учителя... Но любой родитель понимает – разобщенность со школой чревата непривлекательными последствиями для обеих сторон, не говоря о ребенке, который, как и в давние времена, является яблоком раздора этих двух социальных институтов – школы и семьи.

Школа не всегда может удовлетворить все запросы родителей. Понятно также, что условия, которыми она располагает, оставляют желать лучшего, а уровень оплаты труда, существующий сейчас в системе образования, не позволяет родителям настаивать на многих своих требованиях. И все же... Если посмотреть на ситуацию по-другому: что зависит от нас, родителей? Как мы строим свои отношения со школой? Не секрет, что школа – это огромный “полигон” для конфликтов, иногда провоцируемых нами, родителями. Изменить устройство школьной системы нам не под силу, но может быть что-то можно изменить в себе?

• Не требуйте от школы больше, чем она может вам дать. Школа – это часть жизни ребенка. У первоклассников – большая, у выпускников – меньшая... Позаботьтесь о том, чтобы ваш ребенок жил интересной жизнью и вне школы, тогда возможные школьные неудачи не будут столь разрушительны для его личности.

• Учителя – как и все люди – разные. Не обобщайте и не переносите свое недовольство на весь коллектив школы. Наверняка среди педагогов есть те, с кем вы вполне найдете общий язык.

• При возникновении неприятной ситуации, связанной с вашим ребенком, помните, пожалуйста, что вы единственный человек, способный оказать ему моральную поддержку при общем “разборе полетов”. Ваша задача – в школе прояснить ситуацию. А вот все “меры” лучше принимать дома, после тщательного совместного обсуждения с сыном или дочерью.

• Приходя в школу, обязательно просите вести диалог на основании конкретных фактов, а не личных впечатлений учителей. Впечатления могут быть очень субъективными, не стоит полагаться только на них. Постарайтесь собрать разнообразную информацию о жизни ребенка и анализируйте ее сами.

• Попробуйте также понять не только особенности поведения вашего ребенка в классе (школе), но и общую атмосферу учебного заведения. Любые поступки детей обязательно связаны с социальным контекстом, в котором он развивается. Не торопитесь делать поспешные выводы, не поняв причины его поведения.

• Не принимайте учительскую правоту априори. Естественно, не нужно обсуждать с ребенком только негативные качества (поступки) учителей, попробуйте в каждом явлении находить ту крупицу полезного, которая обязательно присутствует в нем. Учитесь этому ребенку.

• Старайтесь регулярно приходить на родительские собрания. По возможности просите классного руководителя сообщить повестку собрания и его продолжительность.

• На самом собрании поднимайте вопросы общего характера, важные для всех. Все проблемы, связанные с вашим ребенком, целесообразнее обсудить в индивидуальной беседе с учителем. Однако лучше для такой беседы выбрать специальное время, так как после собрания полноценного разговора может не получиться, какие-то нюансы останутся невыясненными.

• Подумайте, чем вы могли бы помочь школе или конкретному учителю? Не всегда эта помощь должна выражаться в материальной поддержке. Возможно, вы располагаете важной информацией, может быть, у вас есть возможность трудоустроить школьников на лето. Вероятно, вы могли бы дать консультации по вопросам, связанным с вашей профессиональной деятельностью, а может быть, вы в состоянии помочь школе в тиражировании учебных материалов, обеспечении компьютерными программами?

• Ваше участие в жизни школы обязательно окажет благоприятное влияние не только на ребенка, но и на ту образовательную среду, в которой он находится.

• И последнее. Для того, чтобы научить ребенка необходимым социальным навыкам, родители должны не только рассказывать о них взрослому человеку, но и демонстрировать их на практике. Подумайте, пожалуйста, какими видятся ребенку ваши деловые и личностные отношения с учителями? Согласились бы вы, чтобы он строил взаимодействие с другими людьми, воспользовавшись именно вашей моделью? Если да – то вас можно только поздравить. Если нет – у вас еще есть время, чтобы что-то изменить.

Что думают УЧИТЕЛЯ

Мы попросили учителей нескольких подмосковных школ ответить на два вопроса:

1. С какой целью, на ваш взгляд, стоит проводить родительские собрания?

2. Какие трудности возникают у вас во время их проведения?

Варвара Васильевна, классный руководитель 6-го класса, учитель литературы:

1. Я работаю в школе десять лет, но лишь недавно поняла, что основная цель собрания – это поддержка родителей и защита интересов семьи и ребенка. Если родители чувствуют поддержку, они доверяют школе, стремятся к общению с учителем, становятся опорой для детей. А значит, совместно мы можем решить любые проблемы.

2. Я очень волнуюсь, когда приходится говорить о денежных сборах и конфликтах между детьми. После собрания долго мысленно прокручиваю его, вспоминаю все реплики, пытаюсь найти свои ошибки, постоянно ругаю себя за что-то.

Лариса Григорьевна, классный руководитель 11-го класса, учитель математики:

1. Родительские собрания нужны, чтобы давать родителям полное представление о том, что происходит с их детьми в школе. Но, думаю, родителям также полезно напомнить, как непросто дается многим детям математика. Поэтому большую часть времени на собраниях мы... учимся. Не буквально, конечно, но я подробно рассказываю родителям, что и как мы изучаем, с какими трудностями сталкиваются ребята. А иногда провожу для них еще и открытые уроки. Это помогает родителям почувствовать себя на месте своих детей, лучше понять их.

Еще я заметила, что, когда родители получают информацию о своих детях на собраниях, то есть официально, у них возрастает ответственность за детей. Хотя, конечно, и тревожность прибавляется. Поэтому неприятные новости я все-таки приберегаю для индивидуальных встреч.

2. Раньше перед каждым родительским собранием у меня была бессонная ночь – листала педагогические статьи и книги, тщательно продумывала, с чего начну разговор. Сейчас, пожалуй, никаких трудностей нет: очень уж большой опыт и много собственных находок.

Татьяна Дмитриевна, классный руководитель 7-го класса, учитель истории:

1. Я считаю, что родительские собрания оправданы только тогда, когда у учителя есть информация общая для всех родителей. Вопросы, касающиеся каждого ребенка, я решаю индивидуально – я вообще не люблю выступать перед аудиторией и, когда есть возможность избежать собрания, избегаю его, а нужную информацию сообщая родителям по телефону.

2. Я, честно говоря, всегда жду какого-нибудь подвоха со стороны родителей, а когда они собираются вместе... Из-за этого я очень волнуюсь, начинаю собрание неуверенно.

Ольга Юрьевна, классный руководитель 10-го класса, учитель истории:

1. По-моему, цель родительских собраний очевидна – донести до родителей важную информацию об их ребенке.

2. Мне всегда трудно сообщать родителям неприятную информацию о детях. А еще труднее – просить собрать деньги на ремонт класса или на какое-нибудь школьное или классное мероприятие.

Елена Анатольевна, классный руководитель 8-го класса, учитель английского языка:

1. У родительских собраний несколько целей. Главная – помочь родителям контролировать учебу своих детей. Но не менее важно суметь создать коллектив родителей. Если это получится, то и детей сплотить будет намного легче. Поэтому я не жалею

времени на совместное обсуждение с родителями тех проблем, которые выходят за рамки урока: мы всегда тщательно продумываем, как организовать экскурсию или провести творческий вечер. Самое главное – начать эту работу вовремя, с пятого класса, когда ребята еще маленькие и отношения между родителями очень влияют на отношения между детьми.

2. Трудностей много. Если хотя бы один из родителей не расположен общаться с другими, поддержать творческий настрой на собрании, скорее всего, не удастся. |

ЧЕГО ОНИ БОЯТСЯ... | *игорь иртеньев*

Есть мнение, что дети боятся темноты. Но темнота – это больше, чем только отсутствие света. Темнота – это неизвестность. Неизвестность того, что, “за поворотом”. По-моему, дети боятся неизвестности, потому что это самые большие консерваторы в мире. И этих консерваторов можно понять. Это скорее физиологический, чем психологический рефлекс – дрожать над стабильностью и с предубеждением относиться к тому, что чревато нарушением стабильности. У этих консерваторов есть серьезное дело – им надо расти. Это у нас у всех дела, а у них – дело, главное дело. Как вырасти, как им, еще слабым, уцелеть. Поэтому мне их страх перед темнотой-неизвестностью даже не милителен. В умилении есть снисходительность, а я детский страх темноты уважаю.

Другой детский страх, мне кажется – это страх под киноназванием “Один дома”. Остаться одному, вне взрослых, без взрослых. Страх не быть руководимым. Если шире – это гнетущее малютку ощущение невозможности его личной ответственности. Ребенок еще не может отвечать за себя, это понятно. Но самое интересное, что уже совсем крошкой он как-то подкожно чувствует, что надо. Надо найти силы отвечать самому. Это удивительно!

Третий страх – страх оказаться на отшибе, вне своей среды, “своих”, оказаться в меньшинстве. Тот, кто этого страха лишен, наверняка незаурядная личность. Такие люди встречаются, но редко. Я большую часть всех людей этой яркой и экзотической породы, которых вообще видел в жизни, встретил как раз в детстве, среди своих сверстников и тех, кто был чуть младше или чуть старше. Именно “детский человек” еще боится оказаться в меньшинстве. Взрослый, увы, уже этого и не боится. Взрослые привыкли быть в большинстве.

И этот страх, по-моему, самый страшный и самый ценный. Ценный – потому что его надо преодолеть, страшный – потому что это мало кому удалось. Иногда он чреват таким интересным осложнением – человек принимает роль шута. Ролевой шут боится, что его засмеют, и потому наносит предупредительный удар – вызывает огонь – смех – на себя. Иногда из таких людей получаются комики-профессионалы. Иногда они исчезают. Растворяются. Им становится не до шуток, знаете. |

ВРЕМЯ В ЗЕРКАЛЕ ДЕТСКОЙ ИГРЫ

Мария тендрякова

– кандидат психологических наук, сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Область ее интересов – психология первобытности, возрастные инициации и обряды перехода в разных культурах, этнопсихологический и культурологический анализ игры.

“Вечное всегда носит одежды времени” – заметил, говоря о культуре, Юрий Лотман.

Детская игра не исключение. Во всем обозримом историко-культурном пространстве дети стремятся создавать в своей игре подобие взрослого мира. Им недостаточно прямо копировать наше поведение и пытаться наравне со старшими участвовать в делах, им очень важно именно играть во взрослых. Игра “во взрослых” и есть одна из “игровых универсалий”, которая всегда облачена в “одежды времени”.

И мир детей, и искусственные игровые миры, и мир взрослых существуют как неразрывное единство и как переотражения друг друга. Первая часть этой триады уже долгие годы находится в фокусе внимания детских психологов и педагогов, о значении игры в жизни ребенка написаны замечательные работы. Вторая же часть триады – взаимодействие детских игровых миров и мира взрослых – исследована значительно меньше. Мир взрослых подсказывает правила, нормы, ценности и сюжеты, которыми манипулируют детские игры, но не менее важно, что детская игра не замыкается в субкультуре детства, но вносит свою лепту, свою краску в жизнь общества и может быть резонатором происходящих в нем социальных процессов.

В современных европейских культурах игра во взрослых предстает перед нами в форме развернутой ролевой игры: современные дети играют во врачей, в магазин и парикмахерскую, в дочки-матери и в казаки-разбойники... Д.Эльконин выдвинул предположение, что источником ролевой игры являются все сферы жизни взрослых, в которых дети не могут принять непосредственное участие.

В архаичных культурах дети с первых шагов включаются в трудовую деятельность, рано становятся самостоятельными и рано взрослеют. В силу этого у народов, ведущих первобытный образ жизни, ролевых игр или вовсе нет или они скудны и принципиально отличаются от современных. Вглядымся пристальнее в архаичные аналоги сегодняшних ролевых игр.

В обществе аборигенов Австралии самая недоступная для детей и таинственная сфера жизни – это религиозно-обрядовая практика. И, по свидетельству полевых исследователей, игра в обряды является одним из любимейших детских развлечений: как и взрослые перед ответственной церемонией, дети разрисовывают тела и всячески украшают друг друга, они старательно воспроизводят общеизвестные песни и танцы, разводят огонь и рассаживаются вокруг него. Подобные игры, так же, как и разыгрывание маленьких, иногда гротесковых сценок из взрослой жизни (на тему похорон или свадебных обрядов) – поощряются старшими.

У тех же австралийских аборигенов группы мальчишек от шести до десяти лет, вооружившись миниатюрными копьями, по несколько дней путешествуют в окрестностях лагеря, добывая себе “пропитание”. Исследователи считают это свидетельством раннего вовлечения детей в трудовую деятельность и началом самостоятельной жизни. Но так ли уж утилитарны действия маленьких охотников? Они не только по-настоящему выслеживают дичь, у них все “взаправду”, включая раскраску тел, бурные проводы и не менее бурную встречу участников похода, которые им устраивают девочки. Скитания детей вдали от лагеря – это не просто охота и не сухое “практическое занятие” по отработке охотничьего мастерства – это еще и игра, обучающая и ролевая одновременно. Обыгрывается не только церемониальная жизнь, не только практика жизнеобеспечения, но и сфера семейно-брачных отношений. Несмотря на ранний возраст вступления в брак (особенно у девочек), дети аборигенов успевают освоить игру в мужа и жену. В одном из вариантов разыгрывается частая в жизни аборигенов ситуация: один из мальчиков убегает с “чужой женой”, а все остальные участники заняты их поисками.

Складывается впечатление, что различия в ролевых играх современных детей и детей, живущих в архаичных обществах, заключаются не столько в самом игровом действии, сколько в той взрослой внеигровой реальности, которая питает ролевую игру. Каковы взрослые социальные роли, такова и детская ролевая игра.

Детские игры не только обусловлены общим историко-культурным контекстом, но и чутко отзываются на самые разные события реальной жизни. Игра в войну – ей не одна сотня лет, и она вполне может быть причислена к “игровым универсалиям”. Конкретное же содержание этой игры – кто с кем воюет, каким оружием и как организуются игровые действия – всецело определяется историческим моментом. После Гражданской войны дети играли в “красных” и “белых”, скакали на лошадях и рубились саблями. После Великой Отечественной и до недавнего времени игра в войну раскалывала играющих на “наших” и “немцев”, играли в танкистов, летчиков и всемогущих разведчиков, батальные сцены “озвучивались” “пулеметными очередями” и “артиллерийским” огнем. Сегодня наши дети уже

играют в “чеченцев” и “русских”... Игра – старая, образ войны – новый.

Другая игровая метаморфоза. Старая добрая игра в дочки-матери в наши дни трансформировалась в игру с куклой Барби. Кукольная индустрия слишком хорошо предусмотрела, как надо играть: Барби-дома, Барби-мебель, буклеты, раскраски и компьютерные игры о Барби... Барби – уже не просто милая кукла, но олицетворение целого образа жизни. В игре с Барби с обезоруживающей непосредственностью представлена вся шкала ценностей, присутствующих во взрослом мире во много более закамуфлированном виде.

Но детская игра, предоставленная сама себе, не экипированная взрослыми разнообразными аксессуарами (как в случае Барби), вовсе не стремится как можно точнее копировать взрослых, игровое действие обобщенно и условно, и чем оно обобщеннее, тем глубже отражен в игре смысл воссоздаваемой деятельности. Игровое действие способно сосредотачиваться именно на сути человеческих отношений, абстрагируясь от конкретики (самолет легко замещается перевернутыми стульями, а скакун деревянной палочкой...).

Более того, игра избирательна в отношении того, что именно будет обыгрываться, какая сфера жизни взрослых. Самостоятельно дети выбирают для игры те повседневные сюжеты или те занятия взрослых, которые воспринимаются ими как неотъемлемая часть окружающего мира, которые наиболее интересны и насыщены, с точки зрения человеческих взаимоотношений. То есть отражение взрослой внеигровой реальности в детской игре – это процесс активного осмысления окружающей действительности. Игре в принципе присущ несколько отстраненный взгляд на происходящее. В данном случае это взгляд из мира детей в мир взрослых. В силу этого детские игры многое могут сказать взрослому сообществу о нем самом.

История знает страшные детские игры, которые также создавались по образу и подобию мира взрослых. Речь идет о детях-обвинителях, затевавших кровавые судебные процессы. Дети-обвинители особенно громко заявили о себе во времена охоты на ведьм в XVI-XVII веках когда представления о дьявольском заговоре против человечества властвовали над умами людей, а колдовство стало универсальным объяснением всех бед. Выявление и преследование ведьм в ту эпоху было не только миссией духовенства и судебных чиновников, но и нормой поведения любого законопослушного гражданина.

В хоре обвинителей зазвучали и детские голоса. Дети самозабвенно фантазировали о ведьмах, демонах и подробностях шабаша. Они обвиняли в связи с дьяволом своих родных, соседей и посылали на костры и виселицы тех, кого случайно невзлюбили. Порою дело доходило до самоговора. Дети утверждали, что сами состоят в связи с дьяволом и посещают развратные шабаша. Тем самым они обрекали себя на мученическую смерть.

С одной стороны, они искренне заражались взрослыми страхами, с другой же, – не столько искали защиты от этих страхов, сколько культивировали их и строили на них свою игру. Для детей обвинения и признания в связи с дьяволом было одной из увлекательнейших игр. Дети играли в охотников на ведьм и одержимых, но их игры оборачивались самыми настоящими расправами. Так четверо дочерей почтенного сквайра из Уорбоя, Англия, в конце XVI века обвинили бедную пожилую соседку в “насылании” на них порчи. Детские розыгрыши, обвинения и припадки продолжались более трех лет. В итоге соседка, ее муж и дочь были подвергнуты пытке и казнены.

В Ланкширском суде в Англии в 1612 году фигурировали показания девятилетней девочки, поведавшей о “ведьминских проделках” своей матери и бабушки и “опознавшей” большинство ведьм, участвовавших в шабаше. В результате десять обвиняемых были повешены.

В Пенделе мальчик одиннадцати-двенадцати лет заявил, что был на шабаше и видел множество людей, но имен их не знает. Тогда, чтобы он “опознал” ведьм, его стали водить по окрестностям. Он узнал около тридцати человек...

Примеры можно множить. Только в Европе насчитывается несколько десятков детей-обвинителей. И в Америке Салемское дело – не единственный случай, когда охотой на ведьм заправляли подростки.

Известны случаи возмездия, когда выросших детей-обвинителей обвиняли в колдовстве подростки нового поколения. Также известны запоздалые раскаяния взрослых женщин, признававшихся, что делали это тогда от скуки, играючи...

Дети играли, а взрослые были совершенно серьезны и вершили правосудие. Взрослый мир, повинувшись игре, приводил в исполнение детские вымыслы.

Но дети-обвинители – это не только далекое прошлое и не уникальное порождение охоты на ведьм. Сталинский террор, бесконечные процессы над “врагами народа” и массовые репрессии привели к вспышке эпидемии детских обвинений. Дети доносили на своих родителей в НКВД. Количество детей, отправивших своих родителей и близких в тюрьмы и лагеря, исчислялось сотнями. В середине 30-х годов в Артеке состоялся слет детей, отправивших в тюрьму кого-то из своих близких.

Детей не только всеми способами агитировали быть такими же как эти “герои”, им подсказывали технологию доносов. В отдельных публикациях газет того времени встречаются советы, как искать врагов народа, куда адресовать письма и как их отправлять, чтобы враги не перехватили...

Детская игра в обвинителей и в века охоты на ведьм, и в годы борьбы с “врагами народа” – слишком реалистичная копия своего времени. Игровые фантазии затрагивают важнейшие струны эпохи, когда любой донос, даже детский, должен быть воспринят всерьез. И это провоцирует совершенно особое явление: стирается граница между игрой и реальностью.

К теме детей-обвинителей не раз обращались и историки и психологи. Чаще всего в их поведении видели проявления различных психических расстройств или неустойчивость детской психики, которая не всегда способна четко отслеживать контуры реальности. Диагнозы могут быть различными, и возможно, что отклонения в психике отдельных детей играли роль триггеров во вспышках локальных эпидемий обвинений, вроде Салемских ведьм. Но на социокультурном уровне появление детей-обвинителей и просто обращения детей в своих игровых фантазиях к теме обвинений и преследований – это особый знак беды. Знак того, что террор и “охота на ведьм” определены не только настоящим этого общества, но уже проросли в его будущее. Эпохи террора могут длиться несколько веков или несколько десятилетий, они рано или поздно проходят, но их духовное наследие надолго их переживает. И мир детей, с присущим ему подражанием миру взрослых, несет этот запал в будущее.

В последние годы, когда речь идет о вхождении ребенка в культуру, о взаимодействии поколений и о культурных проекциях прошлого, настоящего и будущего, одним из ключевых понятий становится понятие пролепсиса. Пролепсис подразумевает то, что будущее существует уже в настоящем, это “заданная прошлым структура будущего”. И в этом смысле детская игра во взрослых – одно из проявлений этого пролепсиса, одна из форм бытия будущего в дне сегодняшнем. Именно ролевая игра может стать показателем того, какой ценностно-смысловой опыт извлекают дети из настоящего, осваивают и берут с собой в будущее. |

НЕДОИГРАВШИЕ

елена смирнова

– доктор психологических наук; возглавляет лабораторию психологии дошкольников Психологического института РАО. Работает над проблемой межличностных отношений детей, начиная с самого раннего детства. Она – мама двоих взрослых детей и бабушка маленькой внучки.

Дошкольники играют гораздо меньше, чем двадцать лет назад. И в другие игры.

Психолог Елена Смирнова рассказывает о результатах исследований, проведенных в московских детских садах

Играют теперь действительно меньше. Но главное в том, что сама идея ценности детской игры отсутствует в сознании взрослых – и родителей, и бабушек-дедушек, и воспитателей детских садов. Мы как будто вернулись на сотни лет назад. Это тогда считалось, что ребенок – тот же взрослый, только маленький, необученный. В те времена и детства как особого этапа жизни не было: ребенка стремились как можно раньше вовлечь во взрослый мир, он рано начинал работать, а не играть в работу. Во многом благодаря психологам только в наше время детские годы превратились в общественном сознании в особый, самоценный жизненный этап, а ребенок – в особого человека, который воспринимает, думает, ведет себя по-иному, чем взрослый.

– Вы считаете, в последние годы это отношение изменилось?

– Несомненно. Когда их учат – их готовят к будущей взрослой жизни, причем готовят точно так же, как учатся сами взрослые: дети сидят за столами, слушают воспитателя, отвечают на вопросы. Я спрашивала воспитателей: зачем вы учите их отличать синий цвет от красного? Вы видели когда-нибудь нормального взрослого человека, который бы путал эти цвета? А воспитательницы говорят: нас просят родители. В хорошей школе требуют, чтобы дети приходили умея читать, считать, а попасть в хорошую школу важно для будущего ребенка.

– Известный детский психолог Александр Венгер сказал мне:

“Мамаши приводят своих пяти-шестилетних детей и жалуются, что те никак не научатся читать или считать; хоть бы одна пожаловалась, что ее ребенок не умеет играть, – но ведь это намного, намного серьезнее...” Вы тоже так думаете? – Ни один психолог не будет думать иначе: потеря или резкое уменьшение игры для ребенка трудновосполнимы. Вот смотрите: годовалый малыш колотит ложкой по столу – это он просто стучит, ему нравится звук, нравится движение. А вот трехлетний малыш стучит ложкой по столу и кричит, что это барабан, что он стучит в барабан, – это уже игра. Пока примитивная игра с замещением одного предмета другим, но представьте себе, с каким сдвигом во внутреннем мире ребенка это связано! Он же впервые оторвался от конкретного предмета и вышел в план условный, план символический. Понимаете, в его сознании слово отделяется от предмета, его можно присвоить другому предмету – при условии, что с ним будут действовать так же, как с названным. Это предполагает замещение одного предмета другим, а значит символическую функцию сознания.

Но это только самое начало игры: ребенок, подражая взрослому, повторяет однообразные движения, никаким смыслом не связанные друг с другом, и эмоционально малыш не очень включен в эти действия, может их бросить в любую минуту.

– И ребенок с их помощью усваивает социальные роли мира взрослых, готовится к их выполнению...

– Вот и вы говорите так, как будто речь идет о школе... Конечно, вы правы, но это не самое главное. И воображение, и способность к общению, к совместным действиям развиваются в игре, и учеба в процессе игры – самая эффективная. Но, возможно, главное – в ролевой игре формируется способность управлять собой, своим телом, своими действиями, ребенок обретает то, что в психологии называют “произвольностью действий”.

Маленький ребенок “полезависим”: он идет за ситуацией, мыслит совершенно конкретно, действует, повторяя только что предъявленные ему образцы. В ролевой игре он учится подчинять себя идее, образу, который пытается воплотить в конкретных действиях. “Ролевое” поведение ребенка превращается в волевое.

Примерно в середине XX века, в сороковые – шестидесятые годы, многочисленные эксперименты показали, что произвольное поведение ребенка в игре значительно опережает такое же поведение вне игры. Он, например, может исписать целую страницу, если выполняет роль школьника, может собрать все игрушки, выполняя роль уборщицы или мамы, а вне игры ему это делать неинтересно.

В 1949 году психолог **Зинаида Мануйленко** провела эксперимент, результаты которого сегодня стали классикой. Она измеряла, сколько времени четырех-пятилетний ребенок может сохранять одну и ту же позу: вы знаете, в этом возрасте достаточно трудно стоять не двигаясь. Сначала она просила малыша постоять без движения как можно дольше. Потом предлагала это сделать, играя роль часового: ты охраняешь фабрику, и поэтому тебе нельзя двигаться. Помните рассказ Пантелеева “Честное слово”? – вот примерно та же ситуация. Эксперимент проводили с детьми трех, пяти и шести-семи лет.

Оказалось, что трехлетние дети еще не умеют играть и сохраняют позу максимум 1-2 минуты как в игре, так и без нее. Пятилетние могли простоять три минуты, а в игре сохраняли позу в три раза дольше. Воображая себя часовым, ребенок управлял собой куда успешнее, чем в обычных повседневных ситуациях. К семи годам эта разница сглаживалась: дети одинаково долго могли простоять как в игре, так и вне ее. Значит, зародившись вне игры, способность к произвольным действиям усваивается, и ребенку уже необязательно притворяться часовым, чтобы простоять достаточно долго.

– Но в чем такая магическая сила игры?

– Игра парадоксальна по самой своей природе: она сочетает свободу, творчество, непринужденность с жестким требованием выполнять совершенно определенные правила. Ребенок может играть и не играть, может играть во что угодно и использовать при этом любые предметы в качестве чего угодно, а не по прямому их назначению. Но когда он выбрал сюжет и свою роль, он должен совершать определенные действия в определенной последовательности – в соответствии с ролью и с тем, как договорились играть. Принимая роль взрослого – доктора, шофера, воспитательницы, мамы, – ребенок берет на себя определенный способ поведения. Он не будет играть, если не понимает, какая цепь действий сопряжена с его ролью, – это доказали эксперименты замечательного детского психолога Д.Эльконина.

Подчинение правилам, как это ни странно, доставляет ребенку главное наслаждение в игре. Все попытки психолога в одном из экспериментов нарушить правила: например, сначала сделать “пациенту” прививку, а потом помазать место укола “спиртом” – вызывали у детей бурные протесты и разрушали игру. Цель игры – сам процесс наиболее точного выполнения правил, связанных с выполнением ролей; позже – вытекающих из договора со сверстниками. Другой цели у игры нет. Специфическое удовольствие от игры связано как раз с необходимостью преодолевать непосредственные побуждения, подчиняться ей с правилами. Л.Выготский говорил, что игра – это “правило, ставшее аффектом”, или “понятие, превратившееся в страсть”.

– Вы повторили эксперимент Зинаиды Мануйленко, какие результаты теперь?

– Мы в точности воспроизвели эксперимент с современными детьми. Правда, заменили роль часового, поскольку такие игры совсем не популярны среди наших дошкольников. Мы предложили мальчикам стать охранниками, охранять банк от рэкетиров.

– Они понимали правила этой игры?!

– Конечно. У них сейчас игры такие...

Мы сравнили свои результаты с 1949 годом: дети почти в два раза меньше времени могут простоять без движения во всех возрастах и во всех ситуациях, слабее могут управлять собой. А это очень серьезно. Но главное в том, что разрыв в поведении в игре и вне игры, прежде характерный для пятилеток и исчезающий к шести-семи годам, теперь не исчезает. То есть и в шесть лет ребенок может управлять собой – например, стоять на месте, долго сохранять одну и ту же позу – только в игре. Вне игры ему по-прежнему трудно это делать.

– Почему?

– Современные дети не доигрывают. И родители, и воспитатели, не считая игру ценностью, очень рано начинают учить детей, учить за партой. На игру остается 15-20 минут в день, и то они не играют, потому что не умеют.

Логика освоения той же произвольности – в постепенном сворачивании сюжетной линии, в переходе от внешнего действия к внутреннему, что способствует возникновению представлений, фантазий, воображения, к решению проблем в уме. Дети шести лет, например, могут играть, вообще ничего не делая, только представляя себе, что надо делать. Погдет они планируют игру, то долго договариваются, кто что будет делать, кто куда пойдет – и все, куда все это договорено, играть уже неинтересно. Но этому должны предшествовать часы и часы самозабвенной игры, нужна “наигранность”.

И играют теперь иначе. Современные дети очень мало играют во взрослых. Прежде, в игре они воспроизводили поведение родителей, домашнюю обстановку. Например, игра в дочки-матери могла выглядеть совершенно по-разному: одна “мать” стоит у плиты и стирает, другая – сидит перед зеркалом и красится, третья девочка сажает куклу, читает и учит ее... И сразу понятно, что у ребенка происходит в семье и какие у него отношения с мамой.

– Но про рэкетиров они знают...

– Это знания, почерпнутые в основном из телевизора. Сюжеты современной детской игры заимствуются из фильмов сейчас гораздо чаще, чем из реальной жизни близких взрослых. Они играют в “Санта-Барбару”, в Марино, Хосе-Игнасио, в “Титаник”, в потерянных детях и найденных орощи, в половые отношения – да-да, буквально. Вообще сюжеты мильных опер очень хороши для детских игр: они простые, так сразу ясно, кто плохой и кто хороший – вот это и становится сюжетом детских игр.

– С какого возраста?

– Да с любого.

– С пяти лет?

Да это уж точно, в пять лет они играют уже во всю: ты будешь Мария, ты – Игнасио, ты – Маркела какая-то.

Взрослая жизнь не дает им достаточного количества сюжетов, поскольку она для них закрыта, они в нее не включены – им неоткуда черпать эти сюжеты. Нет сюжетов школьных, нет игры в магазин. Дочки-матери остались, но это в основном кукла Барби и семейные драмы по-мексикански. Такая вот форма вхождения в игру – только совершенно непонятно, в какое общество они входят через эти мексиканские страсти.

Социологическое исследование, проведенное под руководством доктора психологических наук, члена-корреспондента РАО Владимира Собкина, показало, что дети четырех-шести лет больше всего играют в подвижные игры с правилами (они обычно появляются после ролевых игр): прятки, салочки, кошки-мышки. Раньше их набор был богаче; теперь всякие жмурки, вышибалы, прыгалки, замиралки встречаются лишь в отдельных случаях, и все в шутке набирают лишь семь процентов.

Среди ролевых игр, занявших второе место, вперёд у девочек вышли традиционные дочки-матери и их современная интерпретация – куклы Барби; у мальчиков вперенди, разумеется, игры в машинки. Все остальные сюжеты можно сосчитать по пальцам, как и их почитателей: двое – в магазин, трое назвали больницу, зайчиков и роботов, и лишь один играл в школу.

Компьютерные игры у дошкольников куда менее распространены, чем мы думаем: только три процента опрошенных детей назвали Денди, Тэтрис и Марсиан; популярнее настольно-печатные игры, конструкторы, мозаики, шашки, даже карты.

Наконец, самая немногочисленная, зато самая разнообразная группа игр – игры-драматизации; с традиционными Красной Шапочкой и гусями-лебедями соседствовали драматические сюжеты об Анжелике, о Чипе и Дейле, про рокеров, про ниндзя. Четыре процента детей вообще не знали ни одной игры.

– Хорошо, на первом месте у современных детей не ролевые игры, а прятки какие-нибудь, то есть подвижные игры с правилами, – это ведь тоже предполагает поведение по правилам и, значит, тоже формирует произвольность?

– А вы знаете, какие ответы психологи дали на вопрос о правилах игр? Почти половина (45 процентов) детей сказали, что они не знают правил игры, в которую играют. Либо не знают, есть ли эти правила вообще, либо не могут их описать. Каждый третий уверен, что у игры никаких правил нет. Остальные называли какие-то правила, однако это оказалось не правилами, а абстрактные гигиенические или моральные нормы: “ничего не ломать и не пачкать”, “чистить зубы каждый день”, “слушаться маму”. То есть сам термин “правило” в их сознании связывался не с принятым ими на себя добровольно и самостоятельно порядком игры, а с запретами взрослых.

Только каждый десятый из опрошенных старших дошкольников мог более или менее содержательно назвать правила игры, в которую он любит играть.

Помните, я говорила об эксперименте Д.Эльконина, в котором дети бурно негодовали против всякого нарушения правил игры и утверждали, что без правил “игра не получится”, “будет неинтересно”. А знаете, что об этом думают современные дети? Подавляющее большинство из них (76 процентов) уверено, что правила игры нарушать можно. Примерно половина остальных ожидают за это чисто административных или силовых наказаний: “директор выгонит из сада”, “арестуют”, “Руслан побьет”, “оштрафуют”, “прибьют”, “посадят в тюрьму”. И только пять процентов детей ответили с позиции развитой игровой деятельности: “Игра не начнется (не получится)”, или “Придется объяснить еще раз”.

– Но ведь игры действительно не получится без прятков, ни Красной Шапочки. Они же могли убедиться в этом на собственном опыте...

– Как видите, не убедились – потому что слишком мал и беден этот самый опыт. В результате из игры уходит “правилосообразность”, которая непосредственно связана с осознанием и ответственным поведением. А ведь именно это самостоятельное регулирование своих действий превращает поведение ребенка из “полевого” в “волевое”.

– Получается, что прежде, когда проводили свои эксперименты Мануйленко и Эльконин, в пятидесятые-шестидесятые годы, с игрой у детей все было относительно в порядке, а теперь стало много хуже? Но, насколько я понимаю, тогда детьми занимались меньше, чем сейчас: не было эпохи своеобразного детоцентризма, которому мы прошли в восьмидесятые годы, не было своего рода семьи, как сейчас, когда по всем социологическим опросам ценность семьи решительно вышла на первое место среди всех других ценностей; не было, наконец, такого страха за будущее ребенка, который заставляет с младых ногтей готовить его к профессиональной карьере. Так, может, нам просто оставить детей в покое, предоставить их самим себе, пусть играют, сколько им хочется?

– Игра не приходит сама собой. Игре надо учить, дети нуждаются в образцах и сюжетах.

А в прежние времена было исчезнувшее ныне напрочь детское сообщество. Что принципиально – это были разновозрастные детские компании. Образцы и сюжеты переходили от старших к младшим, которых сначала брали в игру на второстепенные роли, а потом они сами начинали задавать тон. Самопроизводящаяся система, субкультура, которая не нуждается в подпорках извне. А теперь двоякая практически, в детских садах она распределены по возрастам, в семье, как правило, ребенок один. Откуда брать образцы и сюжеты? Только из телевизора.

– В психологии, когда человек соблюдает правила не по собственному выбору и разумению, а только из страха перед наказанием, говорят о преобладании внешнего контроля над внутренним. Если они такими вырастут, граждан из них не получится, да и вообще такие взрослые, как правило, асоциальны... И все потому, что не доиграли в детстве?

– Все можно компенсировать, можно найти новые формы детской жизни, чтобы не утратить детства, которое мы сегодня просто вытесняем из всех стил. Когда психологи в конце восьмидесятых боролись против того, чтобы отпирать вешние школы, нам отвечали, что во всем мире дети учатся с пяти лет. Так вы посмотрите, как устроена их начальная школа: занятия происходят на ковре, а то и в бассейне, в свободной манере, уроками на досках, наверное, порядков проще, чем программа нашего детского сада, на уроках дети в основном играют, как бы ненароком, узнавая что-то новое. А наш детский сад – это самая настоящая школа.

...Зато в самой школе, нерастроченный пыл и игровой азарт овладеет ими, и наши дети начинают играть – тайком на переменах, забравшись под парту. Так или иначе им приходится учиться уважать правила, только теперь эта наука не доставит им удовольствия, какое могла доставить в детстве. |

/ирина прусс

ЗАЧЕМ ОНИ ИГРАЮТ

Зоя Зорина

— доктор биологических наук, заведующая лабораторией физиологии и генетики поведения животных биофака МГУ им. М.В.Ломоносова. Изучает поведение птиц, читает лекции по элементарному мышлению животных. Автор двух учебников, монографий, многих печатных работ.

Стоит ли спорить: мы во многом прямое продолжение животного мира, и чем ближе мы знакомимся с этим миром, тем труднее бывает проложить границу между нами и ними. Может быть, такой непреодолимой, непроницаемой границы и вовсе не существует? Во всяком случае, нам легче понять их, когда мы уподобляем их себе — наделяем нашими страхами и привязанностями. Верно и обратное: наблюдая за ними, мы начинаем лучше понимать себя.

Ученые утверждают, что в природе играют только млекопитающие и некоторые виды птиц. Хотя до сих пор многие считают, что птицы — существо с примитивной психикой, чьим поведением управляют лишь инстинкты. Такое представление бытует из-за того, что мозг птиц устроен особым образом, иначе, чем у млекопитающих. Между тем многочисленные данные морфологов, физиологов и этологов свидетельствуют, что в мозге птиц имеются не менее совершенные системы проведения и обработки информации, а их поведение и высшая нервная деятельность не менее сложные. Врановые, например, обладают не только хорошей способностью к обучению, но и способности решать сложные тесты “на сообразительность” не уступают приматам.

Созревание мозга и более сложных психических функций продолжается у врановых по крайней мере в течение всего первого года жизни — довольно долгое детство. Их игры похожи на игры млекопитающих и... маленьких детей.

Живущие на воле врановые птицы проделывают разнообразные и сложные манипуляции с предметами. Иногда, например, можно наблюдать, как ворона на лету выпускает зажатую в клюве палочку или другой небольшой предмет и тут же ловит его, и так несколько раз подряд. Есть у них и другие подвижные игры: парные полеты, преследования, пируэты и кувырки в воздухе, купание в снегу, катание с крыш домов и соборов. Особенно разнообразны игры городских ворон.

Достаточно часто можно наблюдать, как две-три вороны дразнят собаку. Они могут отвлекать ее от еды, могут заставлять гоняться за собой до полного изнеможения, могут заманивать на край оврага, чтобы собака свалилась в него. Некоторые вороны играют даже с хозяевами собак, перехватывают, например, из их рук поводок...

Вороны, за которыми наблюдал немецкий исследователь Гвиннер, не только манипулировали всеми попадающими к ним предметами, но и изобретали действия, обычно им не свойственные. Например, один из них подолгу висел на жердочке вниз головой и раскачивался, другой “с разбегу” катался зимой по льду. Самая распространенная коллективная игра — преследование, когда за птицей, схватившей в клюв какой-нибудь небольшой предмет, гонится другая. Догнав, она перехватывает его, причем первая не оказывает сопротивления. Но бывают ситуации, когда птица не хочет играть и прогоняет другую...

Приглашая к игре, многие позвоночные издают особые сигналы: подзывают “товарищей” или предупреждают их, что все последующее — игра. Эти сигналы четко выражены и хорошо известны этологам. У львов и у псовых игровой борьбе предшествует поза с прижатыми к земле передними лапами и виляющим хвостом. Она предупреждает, что все действия, которые за ней последуют, всего лишь игра. Паукообразные обезьяны часто приглашают к игре особым наклоном головы. У приматов появляется и “игровое лицо” или “улыбка”, когда животное широко открывает рот, не оскаливая при этом зубов. Но еще чаще животные не нуждаются в подобных сигналах: о намерении поиграть ясно свидетельствует контекст или общий стиль поведения.

Наиболее сложные формы игры описаны у человекообразных обезьян. Во всех подвижных играх, требующих силы и ловкости, детеныш шимпанзе обгоняет ребенка, но тот очень рано переходит к ролевым играм, требующим сообразительности, воображения, самоосознания. Детеныш шимпанзе, где бы он ни рос — в неволе или в естественных условиях, играя с людьми, как и ребенок, предпочитает убежать, а не догонять. Играя в прятки, оба предпочитают прятаться, при этом детеныш шимпанзе прячется гораздо лучше, чем ребенок, чьи действия скорее условны: ребенок лишь заходит за кресло, закрывает глаза руками, прячется головкой в колени матери. И только к трем годам начинает прятаться по-настоящему.

Зоопсихолог Н. Ладыгина-Котс, которая в СССР, в двадцатые-тридцатые годы сравнивала поведение детеныша шимпанзе Иони, жившего у нее дома с полутора до четырех лет, и своего маленького сына Руди (мы рассказывали о некоторых эпизодах этой истории в пятом номере журнала — Ред.), писала, что детеныш шимпанзе выносливее, чем ребенок, но при неудаче ребенок огорчается гораздо сильнее. Его ранимость в ситуациях, не имеющих жизненно важного значения, указывает на то, что при сходстве игр психика обоих малышей развивается по-разному.

И ребенок, и шимпанзе, как только начинают ходить, стараются толкать перед собой какие-нибудь предметы, позднее с удовольствием возят за собой игрушки. Иони, например, брал на прогулку шарик на веревочке, а Вики, воспитанница американских исследователей супругов Хейс, не только возила за собой реальные привязанные предметы, но и изображала такую игру. В на воле детеныши обезьян тоже подолгу “возят” за собой, например, длинный прут.

Особый вариант подвижных игр — игры с животными. Известно, как оживленно и многообразно играют дети с кошками и собаками. Шимпанзе охотно включают в свои игры животных, но, в отличие от детей, у них преобладает желание властвовать: преследуя, тискать, всячески истязать живую игрушку.

Впрочем, описаны и другие случаи. Молодой орангутан Гуа в эксперименте американских психологов супругов Келлог, а также шимпанзе Элли и Люси в эксперименте Ю. Линден довольно мирно играли с кошками. Люси даже “усыновила” одну из них и обращалась с ней, как с живой куклой.

И дети, и шимпанзе в играх подражают действиям окружающих, будь то сородичи или воспитатели. Однако, как отмечала Н. Ладыгина-Котс, ребенок в таких случаях пытается что-то создавать, строить, а шимпанзе всегда разрушает. Иони лучше вытаскивал гвозди, чем забивал их, лучше развязывал узлы, чем завязывал, лучше открывал замки, чем закрывал. В отличие от ребенка, навыки шимпанзе при этом не совершенствовались. Он каждый раз решал задачу заново.

Игры детенышей обезьян, как и игры детей, включают элементы хитрости и обмана. Д. Фосси наблюдала детеныша гориллы, который регулярно затевал возню и драки около спящего вожака, а когда тот начинал просыпаться, изображал полную невинность и наблюдал, как тот расправляется с остальными.

Н. Ладыгина-Котс подробно описывает и другие развлечения: извлечение звуков из чего угодно и с помощью чего угодно. По наблюдениям Л. Фирсова, шимпанзе, живущие полусвободно на озерном острове, играют на мелководье, переливая воду из ладони в ладонь.

Дж. Гудолл в 1992 году описала, как самцы-подростки устраивали устрашающие демонстрации в лесу, вдали от своих сородичей, по-видимому, проигрывая ситуации из жизни взрослых. Молодой самец Фиган “играл в вожака”. Настоящим вожаком в этой группе был Майкл, который добился своего высокого положения благодаря изобретательности. Он подобрал две пустые канистры из-под бензина, которые во множестве были разбросаны по кустам, и, гремя ими, исполнил угрожающую демонстрацию, обратив в бегство более сильных и старших по возрасту самцов. Подражая ему, в игре Фиган также использовал пустую канистру.

По наблюдениям Д. Фосси, один из детенышей горилл, при первой же возможности потрошивших ее роукак, особое пристрастие питал к оптике. Он не просто подражал действиям человека, но и действительно внимательно рассматривал в бинокль окружающие предметы, иногда шевеля пальцами прямо перед окулярами. 300-миллиметровый объектив он использовал как подзорную трубу, направляя на удаленные предметы или на других членов группы. Самое удивительное, что он обращался с этими своими игрушками очень бережно и не подпускал к ним конкурентов.

Интересно, что у многих млекопитающих игру обычно начинает взрослое животное. Лявица, помахивая хвостом, побуждает лвят начать играть с ней, самки шимпанзе цекочут детенышей, переворачивают их, кусают “понарошку”. Дж. Гудолл описала “игру” сорокалетней мамы-шимпанзе: детеныши бегали вокруг дерева, а она стояла и делала вид, что пытается поймать их, и, наконец, хватала того, кто оказался ближе. Позже ее дочь Мими также играла со своим потомством довольно долгое время. Но большинство мамаш-шимпанзе не отличается особой склонностью к игре с детенышами.

Когда младенец достигает возраста трех-пяти месяцев, мать позволяет другим детям играть с ним. Сначала это старшие братья и сестры, но с возрастом круг растет, а игры становятся продолжительнее и энергичнее. Наиболее активно играют детеныши от двух до четырех лет. К трем годам игры животных становятся все более грубыми, и почти каждая кончается агрессией. Психологи говорят, что так животные узнают о сильных и слабых сторонах своих партнеров по игре, об относительном иерархическом положении своей матери и матерей товарищей. Ведь степень уверенности, с которой детеныш ведет себя в играх, в значительной мере зависит от общественного ранга его матери. Умение драться, угрожать, устанавливать союзнические отношения позволяют впоследствии успешно конкурировать с другими членами сообщества, в котором способность отстаивать свои права и повысить статус часто зависит от умения драться. Наблюдая за поведением и социальной организацией песцов, биолог Н. Овсянникова, например, доказала, что у песцов игровая борьба не имеет ничего общего с настоящей агрессией, хотя отдельные движения похожи. Наоборот, игровая борьба эмоционально положительна. Во время такой игры стираются различия социального положения и роли в сообществе, временно ослабевает психосоциальный стресс, который неизбежен при взаимодействиях по необходимости — для выращивания потомства, добывания пищи...

Детеныши проводят в играх долгие периоды времени. Вообще появление периода детства в эволюции, периода индивидуального развития, взросления животного, связывают с возникновением игры. Дискусии о том, что побуждает животных играть, идут многие — это упражнение, необходимое для освоения форм поведения взрослых. Д. Элкониин писал, что игра — действительно упражнение, но не определенного вида поведения и не конкретной двигательной системы, ведь по самой своей природе они не нуждаются в совершенствовании, поскольку проявляются сразу в “готовом виде”. В игре складывается и совершенствуется управление поведением. Она формирует умение животного ориентироваться в незнакомых условиях, именно поэтому в ней как бы смешаны все возможные формы поведения и именно поэтому игровые действия носят незавершенный характер.

Зоопсихолог К. Фарби говорил, что игра позволяет интегрировать в единое целое элементы поведения, данные животным от природы. А философ Спенсер видел в игре средство высвобождения излишков накапливаемой в организме энергии. Ещё одна распространенная гипотеза предполагает существование особого “игрового побуждения”. Об этом писал один из самых знаменитых этологов мира К. Лоренц: животные играют, когда у них нет никаких иных побуждений, но стоит им появиться, игра немедленно прекращается.

Однако у каждой из этих теорий есть оппоненты. Споря со Спенсером, они указывают, что непонятно, о какой энергии идет речь — о физической энергии организма или о гипотетической “психической” энергии, существование которой для многих вообще сомнительно. А если существует энергетическая потребность в игре, то она должна очень активно проявлять себя после вынужденного воздержания, когда по тем или иным причинам животные играть не могут. Но эксперименты не дают однозначного ответа: после того, как удаленных партнеров возвращали в игру, она активизировалась не всегда.

Зоопсихолог Ли несколько лет наблюдала за популяцией живущих на свободе обезьян верветок в Восточной Африке. Оказалось, что верветки, которые вообще-то любят играть, совершенно прекращают это занятие во время засухи, когда животные могут выжить, только если постоянно засухи и потому лишены возможности играть, и тех, кто жил в нормальных условиях, она не смогла обнаружить различий в их поведении. Детеныши не только не усиливали игровую активность в нормальных условиях, но и не страдали какими бы-то ни было отклонениями, став взрослыми. Кроме того, после восстановления привычных условий жизни, верветки не играли активнее, что должно было произойти в соответствии с гипотезой о специфичной потребности в игре. |

Многие формы игры близки исследовательскому поведению, другие — социальному, охотничьему, половому и репродуктивному. Нельзя однозначно сказать: зачем играют животные, но нельзя не согласиться, что их игра — дело добровольное”: животное нельзя заставить играть ни поощрением, ни наказанием. Играют, когда чувствуют себя хорошо и когда ничего не угрожает. Животным просто нравятся играть...

Читайте в следующем номере:

ИГРО-ТЕРАПИЯ по Гарри Лендрету

Итак, зачем они играют? Этого не знает, пожалуй никто. Но многие догадываются, а некоторые — исследуют. Вы прочитали, как играют животные, и, может быть, улыбнулись: насколько они похожи на нас. А, возможно, с облегчением и чувством превосходства обрадовались, что все-таки совсем не похоже. Что-то в нас такое есть... Единственное, чего вы не узнали, это что же такое игра в природе, зачем и почему. Исследователь в этом не виноват. Ему достаточно сказать себе: “видимо, это нужно для выживания вида” и все, он может работать дальше. И неважно, что через несколько страниц будет описан естественный эксперимент, когда животное-примат, попав в стрессовую ситуацию, были вынуждены выживать, а не играть, и последствий отсутствия игры не обнаружено. Может быть, и хорошо, что собранные научкой факты так разнообразны и не подтверждают по одну гипотезу, ну, может быть, все-таки немного Конрад Лоренц. Да, он по-моему, впадает в гипотезу прав. А в основном думайте сами, решайте сами. Вы ведь знаете, что такое игра?

Тут и продленное детство, и свободное время, и свободная энергия, тут и воображение и творчество. Если спросить меня, то я знаю только одну отличительную особенность игры — свобода от ответственности за результат. Чтобы играть с мышкой, надо знать, что потом тебя накарячат. Любая игра направлена на процесс, а не на результат. |/м.ж.

КАК ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ, ЧТОБЫ ОНИ НАС СЛЫШАЛИ

Маргарита Жамкочъян
 – научный редактор нашего журнала; специалист по психологии личности, постоянный автор журнала “Знание–сила”, где пишет о проблемах личности в современном обществе и о своей практике психотерапевта.

Итак, в прошлый раз мы говорили о том, что можно позволить ребенку развиваться свободно и управлять своими чувствами, не боясь их, даже если мы сами этого делать не умеем.

Это могучее средство – язык, коммуникация, которая помогает вовлечь ребенка в сотрудничество, в сотворчество с родителями, а не в беспрерывную и бессмысленную войну. Вы скажете: какая разница, как я с ним говорю, если я его люблю. Разве не достаточно любить своего ребенка, чтобы он рос счастливым? Любовь – это очень важно, но и она выражается с помощью языка – языка взглядов, жестов, слов. В конце концов, все сводится к коммуникации, к передаче сообщений. И вот тут оказывается, что совсем не все равно, какое сообщение мы принимаем в детстве. “Неряха”, “тупица”, “бесответственный”, “ты никогда не научишься”... Или – “молоко пролилось”, “это непростая задача”, “у нас возникла проблема”, “эти ситуация оказалась слишком трудной для тебя”... Большинство моих пациентов – и дети, и взрослые – не сомневались в том, что родители их любят или любили. Не сомневались и в том, что намерения родителей были самыми добрыми – оберечь, защитить, научить, но в память врезались слова, взгляды и жесты. И они мешали использовать свой шанс: “...успех надо выстрадать”, “из тебя ничего не получится”...

Личностные проблемы возникают и у людей, выросших в благополучных и любящих семьях. Трудно представить, каким грузом наших собственных проблем мы сопровождаем свою безмерную любовь к детям. И что же – мучиться сознанием, что ты плохой родитель, не сделал того и не сделал этого; ты должен – ты не должен? Освободите себя и своих детей. Не меняйте себя. Вы достойные люди, и вы замечательные дети. Поменяйте язык! Измените направление коммуникации. И посмотрите на реакцию.

В прошлом номере мы описали три основных направления коммуникации, которая ведет к освобождению детей и к нашему собственному – от необходимости “воспитывать”, “выполнять свой родительский долг”. Сегодня мы вспомним их, опираясь на родительское творчество. Сегодня мы будем говорить об успехах родителей в воспитании по Джайнотту и тренируемся на специальных упражнениях, разработанных Адель Фабер и Элен Мазлиш.

Итак, направление первое – **безоценочная коммуникация**. Мы описываем то, что видим – констатируем факт, проблему – вместо оценки ребенка, причем неважно, хорошая это оценка или плохая. Любая оценка, любой ярлык приводит к остановке развития. После слов, сказанных ребенку: “Ты гениальный художник”, ему некуда двигаться дальше. Рассказ о том, что мы видим на его картинке, дает ему гораздо больше. Рассказ о том, что мы видим и слышим, дает ребенку уверенность в нашем внимании (и здесь придется действительно смотреть и слушать, не отмахиваясь). А помощью слов, которыми мы передаем его образы и чувства, не оценивая их, он учится свободно обращаться с ними.

Чаще всего это приводит к развитию: добавляются новые подробности к рассказу или рисунку, расширяется представление о ситуации и о себе.

Психолог **Татьяна Кокорева** рассказала об эпизоде, который произошел в одном из детских садов города Иваново, где психологи и воспитатели пытались строить отношения с детьми на основе методов **доктора Джайнотта**. В садик пришла новенькая девочка четырех с половиной лет. Через несколько дней у нее в руках сломалась игрушка. Девочка вся сжалась, легко было догадаться, что она ожидала услышать в ответ. Но воспитательница сказала: “Игрушка сломалась. Игрушки иногда ломаются”. И они вместе убрали обломки. Вечером за девочкой пришел папа. И воспитательница услышала следующий диалог.

Одевая пальтишко, девочка задумчиво застыла с шарфом в руках: “А знаешь, у нас в садике не ругают, если нечаянно что-то сломашь”.

Отец, не найдя ничего лучшего: “Им за это деньги платят”. (Садик был платным).

Подумав минутку, она спросила: “Папочка, а нельзя, чтобы тебе тоже денежки платили?”

Девочке было четыре с половиной года. Откуда они знают, что такое отношение – это то, что им нужно?

Язык Волка и язык Жирафа

Эффектна и эффективна метафора **Маршалла Розенберга**, который разрабатывает подход ненасильственной коммуникации: даже если люди хотят относиться к себе переживанием, их способ выражения может им помешать. И язык этот – язык Волка.

Диалект Волка есть в любой культуре. Волк оценивает и квалифицирует окружающих по тому, кто ему нравится, а кто – нет. Волк считает, что только он и ему подобные – нормальные люди. И ему всегда нужно выяснить, кто прав, кто виноват, кого похвалить, кого наказать, кто сильнее, а кто слабее. Это очень хороший язык для иерархии отношений в семье: сразу становится ясно, кто есть кто.

Другой язык, который также имеется в любой культуре – это язык Жирафа. У Жирафа самое большое сердце из всех, кто передвигается по земле. Жираф не оценивает и не навешивает ярлыков. Жираф видит дальше всех прочих, он смотрит в будущее, он видит последствия наших взаимоотношений.

Волк бегает по земле, опустив голову, он живет настоящим. И его интересует только результат. Когда он воспитывает детей, он хочет, чтобы они точно соответствовали его желаниям и представлениям. Он не видит разрушительных последствий воспитания на страхе и вине – его основных инструментах влияния. Он просто хочет заставить ребенка вести себя так, как хочет он, Волк.

Жираф движим двумя силами – добротой и силой. У него практически нет врагов. Он позволяет другим вести себя так, как они считают нужным. Волк же переключает ответственность за собственные поступки на внешние обстоятельства. “Я делаю так, потому что так надо”, “Я делаю так, потому что такой приказ долг”.

Жираф отвечает и за свои чувства. Он принимает чувства такой, как она есть. Волк же обвиняет других, он очень любит вызывать чувство вины у своих партнеров. Например, отец может сказать своему сыну: “Меня просто убивает, когда ты получаешь плохие отметки”. А мать: “Мне стыдно за тебя перед людьми”.

Тот и другой язык у нас в ходу. Можно понаблюдать за собой и услышать язык Волка или язык Жирафа в своих воспитательных беседах, а можно научить своего ребенка распознавать их. Как мы видим, дети очень хорошо улавливают язык освобождения от вины и страха. Что это им дает? – **Чувство Безопасности**.

Маленькая памятка для родителей

Если мы обвиняем, ребенок вынужден обороняться.

Если мы констатируем факт (“игрушка сломалась”, “молоко пролилось”...), у него появляется выбор.

Если мы оцениваем, мы загоняем ребенка в ловушку (ловушка-роль называется “тупица” или “тений”).

Если мы называем то, что видим и слышим, мы открываем перспективу для роста.

Теперь перейдем ко второму направлению в коммуникации – **признанию чувств**.

В прошлый раз мы остановились на этом направлении очень подробно. Напомним четыре способа помощи детям, когда они расстроены:

I внимательно **выслушать** их;

II **признать** их чувства;

III **назвать** эти чувства своими именами;

IIII **дать** им возможность удовлетворить эти желания в своем воображении.

Сегодня мы приведем примеры удивительного творчества родителей и предложим вам потренироваться. Потому что в отличие от смены оценочного поведения на безоценочное, здесь недостаточно вытянуть шею, как у Жирафа, и открыть глаза пошире.

Эмоциональные детские измерения, их плач и крики выслушивать нелегко, а тем более – переводить в слова. Вы сможете потренироваться, но прежде прочитайте, пожалуйста, историю, достойную рекорда Гиннеса, историю, которую мне рассказала мама ребенка, которому не было и полутора лет(!).

Он ужасно вопил всякий раз, когда мать готовила ему еду. Он мог кричать louder крича, и ничем нельзя было его успокоить. Она была совсем в отчаянии, когда услышала о признании чувств. Теперь представьте такую картину: мама полуторагодовалого малыша начинает готовить ему еду и говорит: “Я вижу, мальчик очень хочет есть, ему хочется поесть немедленно. Наверное, это ужасно, когда приходится ждать, он, наверное, мог бы съесть каструлю каш и так далее... И случилось чудо – малыш сидел и недовольно ворчал, но – не ронял и не плакал. Мать была потрясена. Это наш рекорд – может быть, придет время появится ребенок и помладше.

А вот другая история. Четырнадцатилетней девочке надо было уходить на урок в музыкальную школу. А она, зная, у телевизора, где шли ее любимые “Элен и ее ребята”, ныла, что никогда ей не удастся ничего посмотреть. Её мама так начала ее ныть, так надоело уговаривать, что надо ехать, что музыку она сама выбрала и тому подобное, что она готова была сорваться, но вспомнила о признании чувств и улыбнувшись сказала: “Я вижу, тебе бы хотелось, чтобы сейчас родители пойдя сразу двадцать серий “Элен...”. И что же, великодушная девица оживилась, помялась и, вильнув хвостиком, быстро умчалась в школу.

А теперь передаю слово нашим знакомым **Адель Фабер** и **Элен Мазлиш**.

Это упражнение способно существенно продвинуть вас в решении этой проблемы. Попробуйте, сделайте следующее.

1. Попросите ребенка одним-двумя словами описать ситуацию, которая его расстроила.
2. Определите, какое чувство сильнее всего он испытывает, запишите его ответы.
3. Придумайте одну-две фразы, которые показали бы ребенку, что вы понимаете его чувство.

Ребенок, например, говорит: “Шофер автобуса кричал на меня, а все смеялись”. В этот момент он чувствовал смущение, неловкость, стыд. (Запишите это или запомните.) Покажите, что вы понимаете, но не задавайте вопросов и не давайте советов! Просто скажите: “Похоже на то, что тебе стыдно. Ты очень смущен” или “Тебе, наверное, было неловко”.

А теперь попробуйте сами.

Например, ребенок говорит: “Мне так хотелось дать этому Майклу в нос!” Какие чувства он испытывает в этот момент?

Какими словами вы покажете, что понимаете его чувства?

“Из-за какого-то маленького дождика училка сказала, что мы не пойдем в поход. Она идиотка!”

“Мэри пригласила меня к себе в гости, но я не знаю, пойти или нет”.

“Я не понимаю, почему учителя нагружают нас так, что мы и в выходные должны работать”.

“Мы сегодня играли в баскетбол, и я ни разу не забросил ни одного мяча”.

“Джейн уехала в другой город, а она моя лучшая подруга”.

Вы заметили, как много усилий требуется, чтобы дать знать ребенку, что вы понимаете, что он или она может чувствовать? Для большинства из нас говорить подобные вещи не очень естественно:

1. “Парень, ты, похоже, злишься!”,
2. “Это, наверное, большое разочарование для тебя!”,
3. “Гм, у тебя, кажется, есть сомнения, идти в гости или нет” или
4. “Похоже, тебя на самом деле здорово раздражают эти уроки”, или
5. “О, это, должно быть, сильно огорчает”,
6. “Да, ты лишаешься близкого друга, это очень печально”.

И тем не менее подобные фразы утешают детей и освобождают их. Не беспокойтесь, что дети не поймут слова, которые вы используете. Самый легкий способ усвоить новое слово – это услышать его в определенном контексте.

Вы можете подумать: “Ладно, в этом отношении я способен дать подсказки ответе, чтобы показать, что я понимаю – более или менее. Но куда пойдет беседа дальше? Как я должен продолжать и можно ли после этого переходить к советам?”

Воздержитесь от советов. Это так соблазнительно – попытаться немедленно решить детские проблемы:

“Ма, я устал”. – “Тогда ложись и отдохни”.

“Я голодный”. – “Тогда поешь чего-нибудь”.

“Я не голодный”. – “Тогда не ешь”.

Вместо этого продолжайте принимать и отражать чувства своего ребенка.

Вот пример того, что я имею в виду. Отец сообщил, что его сын ворвался домой со словами, которые стоят в нашем перечне первым: “Мне так хотелось дать этому Майклу в нос”.

Отец: Почему? Что случилось?

Сын: Он бросил мой дневник в грязь!

Отец: Ну, ты, наверное, сделал что-то плохо с ним.

Сын: Нет.

Отец: Ты уверен?

Сын: Я клянусь, я даже пальцем его не тронул.

Отец: Ладно, Майкл твой друг. Если ты хочешь последовать моему совету, забудь обо всем этом. Ты тоже не ангел, знаешь. Иногда ты начинаешь первый, а потом обвиняешь кого-то другого – как, например, часто бывает у тебя с братом.

Сын: Нет, я так не делаю. Он начинает первый... О, с тобой невозможно разговаривать.

Но этот папа посещал занятия, где учился у доктора Джайнотта помогать детям разрабатывать со своими чувствами. Вот почему на самом деле произошел совсем другой разговор.

Сын: Мне так хотелось дать этому Майклу в нос!

Отец: Сынок, ты злишься?

Сын: Вот взял бы и расквасил его жирную физиономию!

Отец: Ты здорово зол на него!

Сын: Ты знаешь, что сделал этот тупица? Он выхватил у меня дневник и бросил его в грязь без всякого повода.

Отец: Гм-гм!

Сын: Я уверен, он подумал, что это я сломал его глиняную птичку в классе рисования.

Отец: Ты так думаешь.

Сын: Но я не ломал ее. Я не делал этого.

Отец: Ты знаешь, что не делал этого нарочно.

Сын: Я просто не смог ничего поделать, когда эта идиотка Дебби толкнула меня прямо на стол.

Отец: Так, Дебби толкнула тебя.

Сын: Да-а... Много игрушек попало, но разбилась только одна – эта птичка. Я не собирался ее разбивать. У него была хорошая птичка.

Отец: Ты действительно не хотел, чтобы она разбилась.

Сын: Но он не поверил бы мне.

Отец: Ты думаешь, что он не поверил бы тебе, если бы ты сказал ему правду?

Сын: Не знаю... Я собираюсь сказать ему как-нибудь – неважно, поверит он мне или нет. И я думаю, ему следует извиниться передо мной за то, что он бросил мой дневник в грязь!

Отец был удивлен. Он не задавал вопросов, и тем не менее ребенок рассказал ему всю историю. Он ничего ему не советовал, ни единого слова, и тем не менее мальчик выработал свое решение. Ему показалось совершенно невероятным, что он смог помочь своему сыну, просто выслушав и признав его чувства.

Очень помогает детям, когда им дают знать, что можно испытывать два чувства одновременно.

После того как у нас родился второй ребенок, я все время пыталась убедить Пола, что он любит моего нового братика. Пол тряс головой и кричал: “Не-е-ет! Не-е-ет!”

Месяц назад я стала говорить так: “Кажется, Пол, что у тебя два чувства к братику. Иногда ты рад, что у тебя есть маленький братик. За ним забавно наблюдать и можно поиграть с ним. Но иногда тебе не нравится, что с ним все возятся, забывая о тебе, и ты хотел бы, чтобы его не было”. Полу это понравилось. По меньшей мере раз в неделю он говорит мне: “Расскажи мне снова о моих двух чувствах, мамочка”.

Что им это дает? – **Чувство самоценности**.

“Ханс прошел через трудный период. У него был учитель, которого он не любил, а тот все время к нему придирался. Когда Хансу особенно доставалось, он чувствовал себя совершенно несчастным, впадал в депрессию, и все это выливалось на нас, когда он приходил домой. Ханс называл себя дебилом, заявлял, что его никто не любит, потому что он самый тупой в классе... В один из таких вечеров муж сел рядом с ним и заговорил очень серьезно:

Фрэнк (мягко): Ханс, ты не тупой.

Ханс: Я слишком тупой. Я тупица из тупиц.

Фрэнк: Но, Ханс, ты не тупица. Наоборот, ты один из самых сообразительных восьмилетних мальчиков, каких я знаю.

Ханс: Неправда, я тупица.

Фрэнк(по-прежнему мягко): Ты не тупой.

Ханс: Нет, я слишком тупой.

И так далее в том же духе. Мне не хотелось вмешиваться, но я не в состоянии была все это слушать и вышла из комнаты. К чести Фрэнка он так и не вышел из себя, но Ханс пошел спать в расстроенных чувствах, повторяя снова и снова, что он тупой как пробка.

Я зашла к нему в комнату. Сын лежал, такой жалкий и несчастный, и по-прежнему причитал, что он тупой и все его ненавидят. Я не знала, что еще могу ему сказать. Просто присела к нему на кровать вспоминая измученная. А потом фразу, которую мы использовали на семинарах, сама всплыла в моей памяти, и почти механически я сказала: “Трудно выносить такие тяжелые чувства”.

Ханс перестал твердить, что он тупой, и молчал минутку. Потом сказал: “Да-а”. Это придало мне силы. Я начала рассказывать ему о разных случаях из его жизни, с ним происходило что-то особенное, интересное, приятное. Он слушал некоторое время молча, потом увлекся и начал вспоминать сам: “А помнишь, когда ты не могла найти ключи от машины и ты все перискала в доме, а я сказал тебе посмотреть в машине, и они были там”. Минут через десять я поцеловала на ночь своего малыша, который восстановил веру в самого себя”.

Дети обычно дают нам знать – громко и ясно – когда их что-то раздражает. В нашей семье дети могут устраивать сцены по самому пустяковому поводу. Сломанная игрушка, слишком короткая стрижка, школьный дневник, новые джинсы, которые плохо сидят, ссора с братом или сестрой – любой из этих кризисов вызывает столько слез и страстей, что их хватало бы на драму из трех актов. У нас никогда не бывает недостатка в сюжетах.

Единственная разница в том, что в театре в конце концов занавес падает и публика расходится по домам. Дома спектакль не кончается никогда. Как-то мы должны все уладить, успокоить боль, гнев, раздражение, да еще и сохранить при этом здравый рассудок.

Мы знаем теперь, что старые методы не работают. Все наши объяснения и уверения, наши советы не приносят облегчения детям и выводят их и нас из себя. Тем не менее новые методы тоже могут создавать проблемы. Даже если мы знаем, что эмпатическое слушание утешает, не всегда легко получается слушать, не оценивая. Для многих из нас язык чувств кажется чужим и странным. Родители говорили мне:

“Я чувствовал себя поначалу очень напряженно – как будто я это не я, – как если бы играл какую-то роль”.

“Я ощущал себя немного “тронутым”, но, должно быть, делал что-то правильное, потому что мой сын, который никогда не нравился мне больше чем “Ну”, “Отстань” или “А я говорю, что ли?”, вдруг стал разговаривать со мной”.

“Я чувствовала себя вполне нормально, но детям, кажется, было нелегко. Они смотрели на меня с подозрением”.

“Я открыла, что до этого никогда не слышала своих детей по-настоящему. Я с трудом сдерживала себя, чтобы не прерывать их, как это делала обычно. Оказывается, выслушать по-настоящему – это не так-то просто. Вы должны быть предельно внимательными, чтобы не завести разговор в тулик”.

Один отец сказал “Я пытался, но это не сработало. Моя дочь пришла из школы с вянущей физиономией. Вместо обычного “Почему такая кислая” я сказал: “Эми, кажется, ты чем-то расстроена”. Она ударилась в слезы, убежала в свою комнату и хлопнула дверью”.

Иногда кажется, что вы терпите поражение, но не сдавайтесь. Слова отца дали понять Эми, что кого-то волнуют ее чувства. Через некоторое время ваша дочь поймет, что может рассчитывать на понимание со стороны отца и почувствует себя в достаточной безопасности, чтобы обсуждать с ним то, что ее беспокоит.

Но, может быть, самые замечательные слова произнес подросток, который знал, что его мама учила на своих семинарах. Мальчик пришел домой из школы вне себя от злости: “Они не имели права отстранять меня от игры только потому, что у меня не было спортивных трусов. Я должен был сидеть и наблюдать, как другие играют. Это несправедливо!”

“Это, должно быть, очень сильно расстроило тебя”, – сказала ему мама.

Он набросился на нее: “О, да, ты всегда на их стороне!”

Она встряхнула его за плечи: “Джимми, я думаю, ты не слышишь меня. Я сказала: “Это, должно быть, сильное расстройство для тебя”.

Он заморгал и уставился на нее в растерянности. А позже сказал: “Папе тоже следовало бы походить на эти курсы!”

Итак, мы познакомились с языком, который дает нашим детям чувства Безопасности и Самоценности. **В следующем раз** разговор перейдет об Автономии и Самостоятельности. О том, что у ребенка есть выбор. |

Детский психотерапевт Хайм Джайнотт в шестидесятые годы создал теорию свободной личностности ребенка, где соединил опыт психолога-практика с научным анализом. На основе его теории разработано множество практических программ для родителей и педагогов, для всех, кто неутоимо чувствует себя в роли “обремененных на воспитание”. В России впервые издаются выходящая его книга “Родители и дети”. Адель Фабер и Элен Мазлиш занимались в его семинаре для матерей, а затем сами стали авторами методических программ.

В ПЛЕНУ СВОБОДЫ

Ирина Хоменко

– кандидат педагогических наук, доцент РГПУ им.

А.И.Герцена, руководитель проекта “Хорошая школа”. Ее научный интерес – психология семьи и семейное воспитание, общественная экспертиза образования.

Ирина Хоменко консультирует родителей в Интернете, следуя девизу “Другие могут быть другими”. Любит своих студентов и старается вырастить из них Учителей.

Мама уже почти взрослого сына, воспитанного на демократических принципах.

Виртуальные конференции (форумы) созданы в Сети для общения. Родителям, активно участвующим в этих обсуждениях как правило, 25–30 лет, они имеют высокий образовательный уровень хотя часть молодых мам воспитывает детей дома и пока не задумывается о получении высшего образования. Многие из этих родителей ищут свою родительскую стратегию, пытаются понять – как воспитывать своих детей, насколько их проблемы типичны, а достижения – уникальны.

Среди родителей, участвующих в обсуждениях с помощью Интернета, есть люди разных профессий, специалисты в области истории, социологии, философии и, конечно, педагоги и психологи. А потому круг вопросов, обсуждаемых на конференциях, носит не только практико-ориентированный характер, но и касается глобальных, стратегических проблем. Родители старательно “инвентаризируют” идеи прошлого и активно примеряют на себя “новое мышление”, порожденное духом времени, ищут основу, на которой можно построить эффективную модель развития ребенка. Фундаментом этой модели, как правило, является вопрос о соотношении прав и свобод, а без слов “демократия” и “гуманизация”, согласитесь, не обходится никакая концепция воспитания.

Практически все родители признают, что гуманистические и демократические идеи должны быть основополагающими для воспитания детей, но каждый вкладывает в это понятие свой смысл. “Демократия нам не нравится, так как это “власть большинства”, а большинство может и проигнорировать личность”. Так что же такое “демократия” в воспитании? Как отличить гуманизм от вседозволенности? Где начинается свобода одного и заканчивается свобода другого? Какое место в этой системе отводится потребностям нас, родителей? Нужно ли согласовывать с ребенком каждый шаг наших действий? Есть ли в нашем общении то, что ребенок должен усваивать априори, без объяснений?.. И стоит ли рассказывать ему все-все?

Разберемся в терминах. “Демократия” не может противопоставляться “гуманистической педагогике”, так как является формой реализации педагогических идей, которые выступают содержанием воспитательной деятельности. Не думаю, что демократия – это власть большинства. Вообще-то она, как правило трактуется как вид политической организации общества, основанной на признании народа источником власти и наделении граждан широким кругом прав и свобод. Естественно, что в больших сообществах (когда нельзя посадить за один “круглый стол” всех) используется механизм избрания представителей, делегирования собственных полномочий кому-то. В микросистемах (семья, малое предприятие) демократический стиль отношений предполагает коллегиальность.

Теперь о гуманистических принципах. Один из основополагающих принципов гуманистических отношений – это субъектность, то есть не только уважение личности ребенка, но и предоставление ему права выбора и несения ответственности за этот выбор. Взрослый выступает в роли фасилитатора, человека который сопровождает, направляет ребенка, стимулирует его к самостоятельному решению. Но взрослый в таких отношениях не должен поступаться своими интересами, служить “подручным материалом” для реализации потребностей ребенка.

Почему-то многие родители воспринимают гуманное воспитание как воспитание берегающее, “безаварийное”, “предупреждающее” возможные детские проблемы, сохраняющее безмятежность ребенка. Я именно в этом вижу очень, очень большую ошибку. Принципиальную. Важно не защитить ребенка от, а быть с ним рядом для. Помочь ему, подстраховать.

Что такое индивидуализация? В широком смысле это процесс постепенного отделения ребенка от родителей (воспитателей), обретение самостоятельности. Но в реальной жизни родители не дают ребенку учиться самостоятельности, хотя известно, что уровень зрелости определяется умением принимать самостоятельные решения. Чем раньше и больше ребенок начнет эти решения принимать, тем качественнее будет его опыт [по законам диалектики, когда количество (ситуаций) переходит в качество (личности)]. Иными словами, не давая ребенку сталкиваться с последствиями своих решений (отказ от еды – тоже решение), мы провоцируем его на следование нашим. Мы создаем вокруг ребенка вакуум (“колпак”), “благоприятную” атмосферу, а он думает, что таков весь мир. И навык самостоятельности не развивается!

В гуманистическом воспитании особую ценность имеет личный, собственный опыт. И для гармоничного воспитания важен весь спектр чувств и переживаний – как положительных, так и отрицательных, – ибо нельзя написать картину одной краской (Малевич не в счет!), как нельзя понять, что это белое, пока не увидишь черное. (Про оттенки вообще умолчим.) Поэтому стремление родителей доставить ребенку лишь положительные эмоции – не всегда благо.

Социализация детей, “вхождение” в мир взрослых, проходит тем успешнее, чем гибче ребенок научится приспосабливаться (не пугайтесь!) к новым ситуациям, извлекая из них максимум пользы, а не трагизм и безысходность. Важно понять, что мир, в отличие от любящих родителей, иногда бывает настроен весьма прохладно. Таким образом, наша задача – “поставлять” детям материал для анализа.

Но все ли надо рассказывать ребенку как на духу?

Являясь сторонницей открытых отношений с ребенком, я все же глубоко уверена, что не всегда детям надо говорить правду. Иногда какая-то информация, известная ребенку, может повредить ему, а учить лгать – еще хуже. (Например, стоит ли говорить маленькому ребенку, что его отец находится в заключении?) А как быть с чужими тайнами, с информацией о других людях, чужих проблемах, которую ребенок может невольно исказить либо “проболтаться”? Сложный вопрос.

Еще один краеугольный камень воспитания – границы желаний ребенка.

Здесь все просто. В любом демократическом сообществе учитываются желания всех. Детоцентризм неприемлем абсолютно. И иногда ребенок упирается в бетонную стену, разделяющую его желания и чужие. Бывает, он бьется головой об эту стену. Но, как правило, недолго: через пару попыток осознает, из чего стена сделана. Частенько процесс болезненный, но появляется опыт: там чужая территория. Границы территорий и существование стен обсуждаются заранее или в крайнем случае после первой же попытки ребенка нарушить их или проверить на прочность родительские идеи.

И последнее. Учет интересов других. Сошлюсь на собственный родительский опыт. Мы всегда придавали этому большое значение, ибо человек, не умеющий вести себя в обществе, обременителен для окружающих и для своих близких – будущих жен, мужей, свекровей... Не всегда эта тема была у нас в семье дискуссионной, так как есть вопросы, которые ребенок не может решать по своему усмотрению. Естественно, это сильно связано с ментальностью и культурными традициями: в одних сообществах табуировано одно, в других – другое. В некоторых племенах, например, ребенок мог быть убит, если покушался на чужую собственность. И все принимали такие законы.

В нашем обществе существуют свои законы (чаще негласные), которые ребенку иногда сложно объяснить в силу того, что многие понятия (инструментарий объяснений) ему пока недоступны, а признавать их общепринятыми (мировыми) нельзя из-за той же разницы в менталитете. Тогда ему говорят: “Так не принято. Нельзя, и все”. Конечно же, все, что поддается объяснению, надо объяснять. Но иногда требуется чисто механическое приучение к определенному типу поведения, на уровне рефлекса (пропустить в дверях другого человека, автоматически встать при виде женщины), так как в критической ситуации ребенок проявляет уже отработанное действие. И зачастую именно это действие помогает ему произвести первое впечатление на людей, от которых зависит восприятие его в целом.

Подведем итоги. Популярность гуманистических идей качнула мировоззрение родителей в другую крайность: теперь любое ограничение свободы ребенка принимается как насилие; установление любых границ рассматривается иногда как жестокость. Но, позвольте, любое общество имеет свои законы, а любая деятельность (профессия) – нормы. Ребенок может искать то общество, которое покажется ему наиболее отвечающим его потребностям, но он никогда не найдет общества, в котором нет ответственности и цены за свое понимание свободы. Стоит ли обманывать ребенка, создавая в семье модель, которой он не сможет воспользоваться в будущем?]

Если вы “вхожи” в Интернет, загляните на сайты:

www.pokoleniye.ru/ в разделе “Родитель.ру” – все для родителей школьников.

<http://parent.fio.ru> Журнал “Домашнее воспитание”, здесь разговор об “Особых детях” – об одаренных детях-инвалидах, сиротах, детях с проблемами в обучении, о близнецах – проблемы их развития, социальной адаптации. Здесь же форумы о школьных проблемах, психологические консультации. В разделе “Школа здоровья” – статистика о здоровье школьников, влияние компьютера на здоровье, скорая помощь (телефоны доверия, антиутицидальные, наркологические центры, центры для детей, подвешенных насилию). “Как выбрать школу и вуз” – подборка статей на эту тему. “Семейная медиатека” – книги, журналы, видеофильмы и CD и DVD-ROM

<http://mama.ru/sonya/id.htm> – психологическая консультация “Института детства”. Как помочь ребенку преодолеть стресс, развод родителей, как подготовить его к школе, как установить контакт с воспитателем в детском саду. Здесь же тесты готовности ребенка к школе...

www.babyboom.sp.ru/news.html – “Беби-бум”, клуб питерских мам. Сайт для родителей малышей и дошкольников.

www.baby.ru/ – самый полный и самый обновляемый сайт, рассчитан на родителей дошкольников.

www.7ya.ru/ – портал “Семья”. Здесь публикации о здоровье мамы и младенца, о психологии маленького ребенка, родителей и их взаимоотношениях, о методиках раннего развития, рецензии на детские фильмы... Но самый ценный ресурс этого портала – конференции, точнее опыт и знания участвующих в этих конференциях людей.

И вот совсем молодой сайт для родителей – <http://iinsd.net> Здесь консультирует наш автор, психолог Ирина Хоменко.

КНИГИ /

“И В ДЕТСТВО Я НЕ УЛОЖИЛСЯ...”

Минаев Борис

Детство Левы.
М., Захаров, 2001.

Как-то само собой разумеется, что каждому человеку есть о чем вспомнить, и отсутствие свободной волеи, что записать собственные воспоминания им мешает лишь отсутствие вольного времени. То же самое и с воспоминаниями о детстве – ведь каждый был когда-то ребенком. Но если заходит об этом разговор, выясняется, что на самом деле никто толком ничего не помнит: так, обрывки какие-то бессмысленные. Запиши их, и в лучшем случае выйдет бессвязная и избыточно подробная “автобиография” для подачи неизвестно какому начальству...

Нет, воспоминания – это особое искусство (у древних греков им даже заведовала отдельная муза). А хорошо написанные воспоминания – это еще и часть художественной литературы, то есть дважды искусство.

Для людей, появившихся на свет между 1955 и 1965 годами, главным формирующим обстоятельством их детства было то, что можно назвать “мирной, благополучной жизнью” (ее по-разному были лишены несколько предыдущих поколений). Поэтому неудивительно, что у нескольких писателей, родившихся в одно и то же десятилетие, в одном городе – Москве, воспитанных, в общем-то, в одной среде и теперь пишущих каждый о своем детстве, сами эти детства оказываются очень похожими. В 1996 году была опубликована скандально нашумевшая книга Игоря Яркевича “Как я и как меня”, в 1998 году – глубокая, но избежавшая рекламы “История одного присутствия” Александра Фурмана, и только что появилась книга “Детство Левы” известного “огоньковского” журналиста Бориса Минаева. Таким образом, “Детство Левы” – это, возможно, последняя книга о русском детстве XX века. Благодаря прозрачности замысла и приятной простоте письма, она лучше других позволяет говорить и об ушедшей эпохе, и о литературных тенденциях, и о феномене детства.

Из каких же событий складывается общее литературное детство чувствительных московских мальчиков шестидесятых годов?

Открывается литературное описание этого детства событием, которое можно назвать так: “Мама отказывает в разделенности”. Форма события – какая-нибудь очень простая, в буквальном смысле бытовая история, “случай”, внутрисемейный “анекдот”. Однажды (всегда “однажды”) маленький ребенок привычно устремляется в мамы объятия, а мама как раз в этот момент по каким-то своим “совершенно объективным” обстоятельствам отказывает ему в привычной возможности слиться с ней, вернее, просит подождать – проводя тем самым более или менее жесткое разграничение между собой и ребенком. Конечно, об этой границе ребенку было известно и раньше, но почему-то именно в этот момент он оказывается уязвимым и впервые воспринимает ее “всем собой”, как цельное существо. “Я и мама – не одно... Надо подождать...” Это событие может переживаться с той или иной интенсивностью, но оно оказывается формирующим – и, возможно, именно внутри него “начинается” сознание (по крайней мере сознание “художника слова”).

Одно из первых обязательных впечатлений этого детства – общение с “куклами”, игрушками, плотно набитыми опилками, их дружеская покорность и особенно – стеклянные глаза (заораживающе “настоящие”) одной из них. (Психологу “с гнилым мозгом”, как говорил Набоков, конечно же, не составит труда...)

Событие – столкновение с чужим-близким взрослым – нанятая домашней нянкой, связанное с острым переживанием близости нарастающей неправоты. Где-то рядом – опыт одержимости “метафизическим” упрямством, являющийся кошмарным испытанием и для родителей.

Смешная и печальная история о настоячивых глухих выкриках-тостах ребенка в праздничной взрослой компании. Взрослые в кругу своих почти без слов поминают войну – ребенок не может разделить их чувства, но зато способен на пафосное подражание им. Когда его, наконец, молча выводят из-за стола, он что-то “понимает” и испытывает, пожалуй, все-таки не стыд, а лишь сожаление...

Не углубляясь, просто обозначим и другие проработанные в “Детстве Левы” темы: компанейские московские дворы и коммуналки, их обитатели, глухие разговоры о “сидевших” родственниках и родственность вообще. Боль и смерть живого существа – рыбы, дерева – и Смерть вообще, Смерть и Будущее, маниакальные детские застревания и увлечения; одержимость всякого рода вещами. Наступление “эры телевидения”, пришедшее как раз на это детство. Страхи: от бессознательного, доставшегося в наследство, до “архетипической” ситуации “один дома” (уже в новой отдельной квартире – Мосгас...). Разнообразные виды индивидуального, а также группового насилия и унижений (было бы интересно сравнить все это с аналогичными эпизодами из жизни представителей других поколений – у того же Л. Пантелеева, к примеру). Город, разделенный на полубандитские “общинные” территории; мимолетные (к счастью для автора) встречи с маньяками (так в те времена называли гомосексуальцев и педофилов). Детские запретные игры, посещение кружков в районных домах пионеров; шатание по кинотеатрам и истории, связанные с карманными деньгами. Еда – большие магазинно-гастрономы, полные продукты (впервые после войны). Большой Спорт (футбол и хоккей) и дворовое подражание ему, первая глубокая затяжка сигаретой. Патриотические и моральные переживания детей – граждан могучего государства и теменные намеки на “неполадки” (странная тревога за все). Многочисленные болезни и вообще постоянная полубомбочная “чувствительность” этих детей...

Это конкретное литературное детство может удивить отсутствием некоторых тем из “обязательной программы”.

Так, Лева, герой книги не посещал детский сад (хотя в те годы такой ребенок был странным и даже подозрительным исключением из общего правила). Предположить, что автору просто “не вспомнилось ничего интересного” из этой части его человеческого опыта, абсолютно невозможно. То же можно сказать и про пионерские лагеря. Видимо, существовали некие не-

оговоренные в тексте, но вполне “объективные” причины, по которым остро впечатлительный мальчик Лева пропустил кое-что, так сказать, по жизни (и, возможно, благодаря этому, лишний раз “уцелел”).

О школе автор упоминает, кажется, только один раз: что, пойдя в нее, Лева начал сильно заикаться. Впрочем, большинство читателей наверняка отнесутся к этой школьной “неопикуемости” с полным пониманием.

Более странным кажется то, что в “Детстве Левы” нет ни одной девочки. Если во дворе их не было (так уж сложилось), а в детский сад человек не ходил, то это его на каком-то отрезке жизни извиняет. Но школьное-то обучение в описываемый период уже не было раздельным. Каким же образом эти в чем-то безусловные противные, но в чем-то и интересные существа могли напрочь исчезнуть из памяти?..

Возможно, что у этих (и еще кое-каких) “звоний” есть серьезная причина. Ведь в отличие от многих других современных писателей, Борис Минаев откровенно избегает классических “неприличных” и даже просто “грубых” жизненных тем. Он так прямо и говорит: об этом я не буду вам рассказывать, потому что мне до сих пор, спустя почти тридцать лет, стыдно об этом вспоминать. Автор, похоже, вполне искренен (и это, конечно, поражает...). Хотя речь-то шла даже не о действиях, а о каких-то смешных и нелепых мальчишеских разговорах!

В беллетризованных воспоминаниях и в художественных произведениях о детстве (особенно, если повествование ведется от первого лица, как у Бориса Минаева) цельная личность автора часто намного более осязатна, чем в его же “взрослых” работах, а те или иные умолчания оказываются весьма красноречивыми.

В аннотации к книге говорится о “почти маниакальном стремлении автора вспомнить все... вспомнить самые сладкие, самые чистые мгновения самого себя, своей души”. Конечно, это не совсем так, и нужно сделать определенную скидку на рекламный пафос, но все же: почему эти сладкие и чистые мгновения локализируются именно в детстве? (Такова глубочайшая вера взрослого автора, отличающая его от некоторых современных собратьев по жанру, и она определенным образом выстраивает повествование).

Возвышенный миф о детстве, как о своего рода экзистенциальном “золотом веке”, для нашего времени уже вполне “классичен”, то есть перешел в разряд общего места массовой идеологии. И “скандальность” многих произведений о детстве конца века как раз и связана с попытками разоблачения и ниспровержения этого “естественного” представления.

Минаев как автор хочет занять некую среднюю позицию. Он знает о многом (но отнюдь не одержим желанием “вспомнить все”). Большинство составляющих книгу рассказов начинаются с “Однажды...” или “Когда я был маленьким...”, или “Помню...”. В этом смысле он сознательно традиционен. И именно поэтому его книга “избирательных воспоминаний о детстве” может позволить себе быть столь ностальгичной. Ностальгия по утраченной чувственной полноте и цельности переживаний пронизывает авторские комментарии на большей части текста. Она очень понятна (ведь мы так или иначе являемся жертвами “структуры сознания” под названием “золотой век”) и кого-то из читателей может вдохновить на воспоминания о собственной утраченной чистоте, а кого-то может и раздражать.

Надо сказать, что повествование ведется как бы от лица двух авторских ипостасей: взрослого писателя, которому своеюственна элегическая, но довольно бодрая интонация слегка морализирующего “исследователя нравов”, и самого ребенка, погруженного в поток жизни и не знающего своего будущего. “Писательский” комментарий присутствует в виде коротеньких обращений к читателю и постоянных “взрослых” оговорок, вкрапленных в “детскую речь”. Но это явно не реконструкция “живой” речи ребенка (с ее характерным синтаксисом, а стилизованное изображение чисто литературной же (и типично безвозрастной) “детской речи”). Форма этой речи взята автором из предшествующей литературы, причем даже не из “мемуарной”, а из детской, о своих обращениях к самим детям: именно с такой интонацией рассказывали о своих приключениях и переживаниях литературные герои хорошей детской литературы конца 60-х начала 70-х годов. Ничего замысла, и в этой языковой традиционности нет – она является частью авторского замысла, и, к примеру, любой сорокалетний читатель с мгновенным радостным узнаванием “включается” в забытую магию этой речи.

Я уже говорил о достаточно жесткой идеологической самоцензуре автора и сдвиге жанра в “детскую литературу”. Можно добавить, что авторской речи вообще свойственна какая-то почти намеренная примитивность, упрощенность, порою даже неряшливость (к тому же в книге много опечаток и корректорских ошибок, что странно для такого отличного издателя, как Захаров), и в то же время она остается абсолютно прозрачной.

Подобное “небрежение стилем”, самоуменьшающее “цитирование” (цельными пластами литературного языка), как “детский взгляд” на вещи и подчеркнутая риторика вычурно-бюрократических обращений к читателю как ни странно, создают очень отчетливое ощущение человеческой (авторской) скромности, стыдливости и даже, невольно сказать, целомудренности, странной о “пьющего” человека, но особенно, если он журналист. (Как же ему удалось “уцелеть”?! Но главное, что читатель благодарен за это писателю.)

В отличие от многих других, Борис Минаев – не страшный и уж точно совершенно не скандальный писатель. Как верно сказано в аннотации, эта литература “не унижает, не разлагает на составные, не препарирует личность и человеческую природу...”. Три самых “запрещенных” по опыту расказа из “Детства Левы” посвящены ритуальной детской попытке проигравшего, первой кошмарной затяжке сигаретой и детской “одержимости” – временной психической зависимости от странной выдуманной игры. Кому-то этого может показаться мало, но это уже дело вкуса.

А в названии статьи использована последняя строчка из песни Бори Минаева “Стоит огромная стена, и камень я ее целую...”, он ведь еще и автор замечательных песен. |

Александр Левин

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?

Гари Ромен

Обещание на рассвете.
М.: Иностранная литература, 2000

Романом Ромена Гари “Обещание на рассвете” – книга иллюминатор”. Мотивация простая: “Обещание на рассвете” – одна из самых человеческих книг, написанных в Европе в XX веке. Но эпопея Гари–Касаева–Мозжухина так оригинальна, что многочисленные смыслы романа мерцают в нем, просащаются друг в друга.

“В то время я учился в Ницце, в четвертом классе лицея, а мама... отчаянно боролась, чтоб заработать на жизнь: на масло, обувь, одежду, квартиру, биштекс на обед, тот самый биштекс, который ежедневно торжественно подавался мне на тарелке как символ ее победы над судьбой. ...Пока я ел, мать стояла и умиротворенно смотрела на меня, как собака, выкармливающая своих щенков.

Сама она к нему не притрагивалась, уверяя, что любит только овощи...”

Однажды, выйдя из-за стола, я пошел на кухню выпить стакан воды. Мать сидела на табурете, держа на коленях сковородку из-под моего биштекса. ...Застыв на месте, я с ужасом смотрел на плохую спрятанную под салфеткой посуду и на испуганно и виновато улыбавшуюся мать, потом разрыдался и убежал.

В конце улицы Шекспира, на которой мы в то время жили, была крутая железнодорожная насыпь. ...Не знаю, как она догадалась, где я: сюда никто никогда не ходил. Она нагнулась, чтоб пройти под проволокой, и стала спускаться ко мне; ее седые волосы наполнились небом и светом. Подойдя, она уселась рядом со мной, держа в руке волосы неизменную “голузю”.

– Не плачь.

– Оставь меня.

– Не плачь. Прости, я сделала тебе больно. Теперь ты мужчина.

...Поезд 12.50 из Вентимильи проплыл в облаке дыма. Пассажиры у окон, должно быть, рассматривают в облаках”.

Ромен Гари (1914–1980) – известный французский писатель, лауреат двух Гонкуровских премий. Что в принципе невозможно: Гонкуровская премия присуждается только раз в жизни. Но в судьбе Гари невозможное осуществлялось неоднократно.

Он и был не Гари, собственно, а Роман Касаев, сын актрисы Нины Борисовской, одинокой, нелепой, наивной и нестигаемой. В годы революции мать потеряла мальчика, точно котенка в зубах, из Москвы в Ниццу, через Вильно и Варшаву.

Автобиографический роман “Обещание на рассвете” – об этом пути. Мать отделяла шляпки, выдавая себя в Литве за ассистентку Поля Пуаре, блистательного парижского модельера. Кажется, она твердо верила: знай Пуаре о ней, о ее вкусе, шарме и отчаянной судьбе – мэтр был бы востину потрясен и восхищен. Она ощущала внутреннее право на самозванство!

Длились самозванство и сопутствующее ему процветание весьма недолго.

...Иногда – то в ярко-желтом “паккарде” с шофером, то в последнем костюме, хранящем лоск элитности эпохи немого кино, – в доме появлялся старинный знакомый, также эмигрант Иван Мозжухин. Мать бледнела и терялась как девушка. Не знавший отца, Гари втайне всю жизнь считал таким первым героем русского кинематографа: Мозжухин иногда баловал мальчика.

Итак, конец 1920-х... Мать торговала сувенирами из Ниццы, фамильными драгоценностями и подделками под них, управляла пансионом, стремилась с модниками на кипучем средиземноморском рынке. Опираясь на трость, претирательно ходила по набережному Лазурного берега с запиской, приколотой к полам серого плаща: “Я диабетичка. Пожалуйста, в случае гипогликемической комы...” С неколебимым убеждением восклицала по вечерам:

– Ты станешь героем, генералом,

Габриеле Д.Аннунцио, посланником Франции!

Как много позже понял сын – с такой нежностью и таким пылом Францию огляда любить только русская барышня начала XX века.

И Гари не оставалось ничего иного, как выполнить программу – не мог же он предать веру матери в конечную справедливость мироустройства?! Он стал кавалером ордена Почетного легиона, дипломатом (что для иммигранта немислимо), в 1950–1960-х был послом Франции в Швейцарии, генеральным консулом в Лос-Анджелесе, спикером ООН.

“Обещание на рассвете” – книга редкостного смысла. Ее жили родоставать – книга, воинству достойная спикера ООН. Не об эмиграции, не о невзрослых ностальгии, как это принято в русской традиции. Не так давно появился новый, яркий и страшный своей оскотенелой безнадежностью роман Юрия Малецкого о нынешних переселенцах в Баварию, принесших в город Аутсбург свой тихий постсоветский ад (“Проза поэта”, “Континент” № 99)...

Но Гари пишет об иммиграции. О благоприобретенной родине.

Родина клубится над промерзлой теплушкой 1919 года, над виленской улицей Большая Погулянка, как облако, состоящее из грамматики и басен Лафонтена, из фантазий матери и свидетельных открыток с красавицей Клео де Мерод, из единичной и сердобольной и презлительной перебранки, из отчаянной бедности, из охриплений для лиц, родители которых не имели гражданства, из тысячи рогаиков, которые парижский студент за годы учебы перетаскал из хлебницы бара “Капулад” “незаметно” для официанта Жюля...

Родина состоит из паники в июне 1940-го, из охрипшего сержанта Дюфура, несколько часов охранявшего стратегическую телефонную линию, чтобы все, кто решил переправиться в Англию и продолжать борьбу, могли “обменяться последними словами нежности и надежды” с домом.

И из возращения в Ниццу, к матери, весной 1944 года: грудь в крестах, вид “мужественный, как никогда, по причине паралича лица”, первая книга на двух языках в заплочном мешке, самый воздух кажется победоносно пьяным.

Книги Гари, быть может, не самое ошеломляющее из запоздалых наших открытий литературной Америки и Европы. И все же между романами, “описывающими тяжкий путь от детской до сумасшедшего дома” (Г.К. Честертон), и штампавочным цехом большого личного счастья им. тов. Барбары Карлгенд трудно найти аналог или замену этой прозе.

Он столь старомоден во взглядах и на писателя, даже овладев волшебной способностью романиста XIX века: высекать из читателя слезы, попадая по нервным узлам сопоставления и сострадания.

То ли это материнство, то ли лихолетье. То ли проверки документов на Соколе, соль, сандал и коралла рыба на вьетнамском рынке “Красная река”, беседа с темноглазой девочкой, когда-то не говорившей по-русски, о прозе Ходасевича, e-mail-ы друзей из Мюнхена, Барселоны, Хайфы, Нью-Мексико – все тот же круговорот переселения народов...

Бессмысленный и беспощадный круговорот – если не помнить о старом как мир опыте обретения родины впереди по борту судна.

В конце концов, сама надежда на это – частный случай вечной надежды на то, что сердца человеческие для богов – не фальшивые игральные кости.

Книга об иммиграции, о... гм... духовной технологии обретения переселенцами новой родины?

Да. Книга о сыне и матери, о духовной технологии воспитания, о неизнормо прочной любви двух людей друг к другу? Да.

Но еще и книга о духовной технологии родового выживания в лихие времена крушения социальных систем, наций, цивилизаций. О поколении родителей, костями легших под бронепоезд мировой истории во имя спасения детей, иных и по-иному социально полноценных граждан нового мира и нового времени.

И мать Гари, московская актриса Нина Борисовская, одаренная дебютантка 1900-х годов, не собиралась держать модную мастерскую в Вильно, пансион на Лазурном берегу... И тысячи ее сверстниц, “декларированных” дворнянок, офицерских, адвокатских, приватдоцентских вдов в России 1920-х годов, не предполагали в юности, что утратят все, кроме родового инстинкта спасения потомства, “воли к культуре” и образованию, к продолжению истории семьи. И все это – в самом лихом, “лишенском”, коммунальном, нестигаемом и неистребимом ее варианте. (О необходимости любой ценой поддерживать в новых поколениях образовательный ценз предков размышлял К.Д. Левин в “Анне Карениной”... но куда К.Д. Левину до русских деклассованных матерей-одиночек эпохи “между двумя войнами”. Уехавшие и оставшиеся в этом были едины.)

И... дамы и господа (дамы особенно), менеджеры среднего звена, гиды-переводчики и литсотрудники разнообразных изданий, братья и сестры, матери и отцы, это ведь и наша тема! ...И кстати, взгляда на историю вопроса позволяет сделать вывод: семья, наделенная “волей к культуре”, образовательным цензом и страстным (а то и слезным) стремлением его сохранить, оказались самыми стойкими, самыми противоударными во всех русских потрясениях XX века.

Выжидали и прорывались. Выживем и прорвемся. | *Лелена Дьякова*

БОРИСЫ *вадим леви*
ЗАХОДЕРЫ – С *Год за годом Вадим Леви убеждает учителей и родителей в том, что все дети паразитично талантливы. Вера детского поэта в детей и*
ДЕТСТВА *магического Огниво, которое высветает детскую*
ЛЮБИМОЙ *одаренность. Вадим Леви цедит тем, кто обладает*
НЕЗНАКОМОЙ *чувством востора не только к детям, но и к своим*
учителям.

■ литературе
Сверху всякой меры
Вуквальско
Кшимя кишат Заходеры!
Смотрите сами:
Есть, например,
Детский писатель
Борис Захoder;
Есть переводчики –
Взрослый и детский,
Польский, английский,
Чешский, немецкий...
... И вот
К ним поэт Захoder
затесался...
Борис Захoder "Заходеры"

- Не согласитесь ли рассказать о Борисе Захoderе?
- Еще бы! Он мой любимый поэт, учитель и старший друг.

НА ДРУГИХ НЕПОХОЖИИ
Жил-был Носорог,
На других непохожий:
Носорог
С удивительно
тонкой кожей.
В джунглях жил,
Среди хищных зверей,
А кожа была у бедняги
Действительно
Тоньше бумаги
И очень, очень
чувствительна...
Борис Захoder "Сказка
про доброго Носорога"

Много лет, с юности, я читал и почитал Бориса Захoderа и не смел мечтать о знакомстве с ним. Но когда в конце 1965 года мне сообщили из литконсультации при Союзе писателей СССР, что получили мою бандероль, прочли стихи и готовы послать их на рецензию писателю, который мне близок, я, не раздумывая, назвал Бориса Захoderа.
Вскоре от него пришло письмо из Переделкина, датированное 2 января 1966 года. Тенеро я понимаю, что мой учитель предвидел, как страшно будет начинающему стихотворцу распечатывать конверт... И как возликует молодой автор, прочитав такое начало письма от БОРИСА ЗАХОДЕРА: "Мне было очень приятно познакомиться с Вашими стихами... Прежде всего: Ваши стихи заслуживают серьезного разговора. Это – работа человека одаренного и доброосветного. Без этих двух условий нечего и думать писать стихи, особенно для детей". А дальше совсем по-дружески: "И хочу сразу спросить Вас – не собираетесь ли Вы в Москву? Потому что хорошо бы, если бы наш разговор носил не столь односторонний характер..."
Вместо того чтобы написать: "Над стихами нужно работать и работать, потому что они наполнены никуда не годятся", Мастер оценил их как произведение, наполовину совершенные, требующие доработки: "Стихи Ваши можно разделить на три группы. Первая: веши вполне (или почти) законченные, которые, на мой взгляд, надо немедленно публиковать. Это..."
Дальше шло перечисление "вполне (или почти) законченных вещей", которые "надо немедленно публиковать"! "...В них, правда, есть кое-где малюсенькие неточности, а ведь в стихах для детей и малюсенькая неточность нежелательна".

После этих фраз замечания Бориса Захoderа не обижали и не огорчали, а побуждали гордиться: Мастер оценивал мои пробы не снисходительно, а по большому счету. Он не замалчивал мои неудачи, он верил, что я способен их преодолеть, верил в меня. Второе письмо я получил в августе 1967 года из Комаровки. Оно было таким же добрым и окрыляющим, начиная с обращения "Милый Вадим Александрович": "Хочется от души Вас поздравить. Во-первых, Вы написали несколько прекрасных вещей; во-вторых – (впрочем, это еще "первый") Вы явно научились таковые веши писать".

После покаял следовали замечания, которые учитель обозначил словом "примирки" и оправдывал тем, что он – "примирчивый читатель". Список "примирок" был немалый. Зато они в изобилии были рассыпаны по моим текстам, которые побывали в руках Бориса Владимировича. Это была великодушная школа. И не только поэзия, но и чуждость, деликатности, доброжелательности, педагогики. Могу ли я после такого заходеровского пелвуза вернуться к инженерии, которую ради работы с детьми оставил "на время" в 1963 году?

В своем рассказе о дружбе с Борисом Захoderом мне приходится говорить и о себе, о своих удачах, о том, как им радовался Борис Владимирович. Наверно, это нескромно. Но я чувствую себя обязанным рассказывать об этом, чтобы те, кому не довелось общаться с Поэтом и Учителем, прикоснулись к педагогическому университету Захoderа.

СПАСИБО ЗОЛОТЫМ РЫБКАМ

Тут
Не хватало
только поэта!
И вот
К ним поэт
Захoder затесался.
(Чудак
от голодной смерти
спасался.
Испустно –
Стихих нельзя
прокормиться,
Особенно
Если не хочешь
срамиться!..)
Борис Захoder "Заходеры"

Только что завершилась Великая Отечественная, начиналась мирная жизнь. Ему было под тридцать. Он прошел две войны, окончил Литературный институт, знал множество языков (немецкий, английский, польский, болгарский, украинский), увлекался биологией, ощущал в себе призвание и талант писателя. Он хотел работать в литературе. А его не печатали.

Своей знаменитую теперь "Букву "Я" Борис Захoder написал в 1947 году. Сегодня –

Всем известно:
Вуква "Я"
В азбуке
Последняя.

Но читателям узнали это стихотворение только через восемь лет. И то благодаря взрослому журналисту: "Букву "Я" опубликовал "Новый мир" в одном всевозможном детском журнале (то ли в "Музычке", то ли в "Веселых картинках"), как вспоминал Борис Владимирович, ему отказали с такими словами: "Разве Самуил Яковлевич написал плохую азбуку? Зачем нам еще одна?"
За этим слышалось: "Узачем детской литературе еще один поэт, когда есть К.И. Чуковский и С.Я. Маршак, С.В. Михалков и А.Л. Барто?". И прекрасные стихи не попадали в детские журналы, не говоря уже о книгах. А время было голодное.

Он покупал мальков, выкармливал в баночках и продавал аквариумных золотых рыбок на Птичьем рынке. Так поэт зарабатывал себе на жизнь несколько лет. Спасали биологические знания, чувство природы и верность себе: он продолжал писать стихи для детей и предлагать реликциям.
Много позже, в 1992 году, в интервью, которое вместе с Еленой Комаровой мы брали для "Учительской газеты", Борис Владимирович говорил:

■ То, что я начал продвигаться в детской литературе, было плодом совершенно сознательного решения. Поскольку у нас вся "взрослая" литература печатается так, как будто она рассчитана на слабоумных детей, то лучше уж обращаться открыто к детям. Дети, есть надежда, еще не стали слабоумными.
Продолжая традицию, заложенную первопроходцем современной русской поэзии для детей Корнеем Чуковским, Борис Захoder относился к детской литературе как к делу веселому, но гораздо более серьезному и ответственному, чем это обычно кажется "взрослому" читателю. Впрочем, поэт относился так к литературе не только детской. В предисловии к одной из последних прижизненных книг он пишет:

Стихотворство –
озорство,
дерзость,
вольность,
грех!
... Вероятно,
оттого
Мы счастливей всех!

Он с удовольствием озорничает в стихах, но никогда не становится безответственным озорником. Поэт утверждает:

Поэзия должна быть
глуповата.
Но автору
Нужна юная палата.

"Озорство" Бориса Захoderа – это ирония и самоирония мыслителя, человека высокой культуры, требовательного мастера слова. Борис Владимирович сказал как-то, что готов ответить за каждое слово, поставленное им в строку, тем более если оно употреблено одновременно во многих значениях. Все оттенки словесных значений, все интонации и даже звуки в его стихах выверены, все стоит на своих единственно возможных местах. (Помню, как декламировал он новую для строку хорошего поэта: "Ах, умилих их, умилих", с неожиданной точностью бесполошными комментариями.) Но эта выверенность, точность, тончайшая выделка риска не воспринимаются как результат мушкетерского труда или расчета. О Борисе Захoderе не скажешь, будто "единого слова ради" поэт изводит "десятьки тона словесной руды". Скорее из словесных мальков он выводит золотых рыбок – свои живые стихи.

Дано ребенку,
Простакану
И гению
Употреблять слова
По назначению.

Как обидно, что эти золотые рыбки часто плавают не узнавшие читателем. Внимание! – афоризм Бориса Захoderа:

Стихи нам что-то
говорят.
Но не всегда.
Не всем подряд.

Это укор нам, педагогам. Не каждому дано вырастить Золотую Рыбку, но уметь узнавать ее, уметь радоваться встрече с ней – право каждого... А умеют не все. Значит, мы что-то делаем не так.

"ПЛОТН ПОСМЕРТНОЕ"

"Плотн посмертное"... Странное название, не спорю. Но когда человек выпускает (точнее, надеется выпустить) в свет свою первую книгу стихов (на 78-м (прописью: семьдесят восьмом) году жизни, то... название это не покажется таким уж странным.
Борис Захoder

Лирический и иронический поэт Борис Захoder издал свою первую книгу стихов, предназначенную для взрослых, в 1996 году, за четыре года до конца жизни. Позже он писал: "Это была маленькая брошюра, напечатанная тиражом в 1000 экз. Предполагаю, что прочли ее очень немногие". Единственную прижизненную толстую книгу, адресованную взрослым, поэт назвал вызывающе – "Захoderозстей" и включил в нее дерзкие, беспощадные и зпатурирующие стихи.

Например, "СКУНС (Вонючка)":

Вонючке
Не легко
понять,
Как это можно –
не вонять.
Ведь скунс,
который не воняет,
Свое достоинство
Роняет...

Наверно, найдутся читатели, которым часть "Захoderозстей" придется не по вкусу. В частности – басня "Нахальная горилла". Мне кажется, Борис Захoder и не стремился всем понравиться.

Приходила
к нам горилла,
Нам горилла
говорила:
– А по-моему,
приматам
Не к лицу
ругаться матом.
**
Кому посверим,
россияне,
Своей душе
Или заморской
обезьяне?

Но в этой дерзкой книге неожиданного и незнакомого Бориса Захoderа немало грусти. Грустно (и все-таки дерзко!) заканчивается авторское предисловие: "А в качестве последней дерзости – приведу другие его (Гёте. – В.Л.) слова, которые я за эти долгие, долгие годы поэты повторял про себя (в обоих смыслах – т.е. в душе и себе в утешение):

Чем я влюб
не нравлюсь –
неизвестно!
Вся
моя монета –
полновесна.
А глядя вас,
гляжу,
и тот хорош,
Кто
всучит вам грош.
Гете

Гете написал это в конце жизни. Видимо, ему хотелось объяснить себе причины безразличия к нему публики. Могут, в конце жизни, повторить их и я".
Странно и печально видеть такие слова в одной из последних книг прекрасного поэта. Тем более всенародно признанного и любимого. Его стихи, сказки и переводы для детей многослойны, слова в них многозначны. "Детская" форма стихотворения нередко скрывает серьезные, порой трагические мысли и чувства, которые открываются только взрослому читателю ("но не всегда, не всем подряд"). Вот стихи из совершенно детской (на первый взгляд!) "Мохнатой азбуки":

КОВРА

За стеклом
свернулось КОВРА.
Смотрит
Тупо и недобро.
Видно
с первого же взгляда:
Много мозга,
Много яда.

Эти стихи с удовольствием читают и дети, и взрослые. И те и другие воспринимают иронию поэта, но по-разному.

БИЗОН

Никакого
Нет резона
У себя
Держать БИЗОНА,
Так как это жвачное –
Грубое и мрачное!

Думаю, под этими стихами с горечью подпишутся многие женщины. Если читаются.

Только удачной маскировкой под детское стихотворение можно, мне кажется, объяснить промах цензуры, которая в свое время проглядела в "Мохнатой азбуке" антисоветское стихотворение "Обезьянки":

– Наши предки,
ваши предки
На одной
качались ветке,
А теперь нас
держат в клетке...
Хорошо ли это, детки?

Уверен, во взрослой книжке эти стихи ни за что не увидели бы свет!

Рядом с этими стихами понятнее становится заходеровская миниатюра-диалог:

– О тебе говорят
как о детском поэте.
– А я разве спорю,
милые дети!

ПАРАДОКСИ И АФОРИЗМЫ
БОРИСА ЗАХОДЕРА

– Что мы знаем о лисе?
– НИЧЕГО!
(И то! – не все!..)
Борис Захoder. Гносеология

■ Я считаю Корнея Чуковского великим писателем, великим критиком, великим человеком, великим ученым и – великим поэтом, имею в виду его стихи для детей. У него есть стихотворение, которое, на мой взгляд, является лучшим произведением социалистического реализма.

Взял барашек
Карадашик,
Взял и написал:
– Я Бебека,
Я Мемеда,
Я медведя забодал.

■ Одно из самых больших преступлений против человечества – изобретение Иоганном Гутенбергом книгопечатания.

– Вы серьезно, Борис Владимирович?

■ Волею чем! До того люди запоминали только то, что важно и ценно. Глупости отсеивались. А теперь в книгах хранится все, в том числе и всякая чушь.

■ Мне хочется переводить Гёте, потому что он очень iyi современный автор. Он как-то ухитряется всегда быть впереди времени. Любого времени. Видимо, это единственный способ быть современным.

Среди афоризмов, которые я увозил из дома Захoderов, были и стихотворные. Вот неожиданное замечание по поводу знаменитого изречения Протагора "Человек есть мера всех вещей":

Тому,
Кто мерит все
на свой аршин,
навраяд ли
суджено
Достичь вершин.

Борис Владимирович с удовольствием читал свежие стихи:

У змея-удава
Неважная слава.
Мы все
Осуждаем
Подобные нравы!
Я только напомину,
Что даже удавы
Не станут душить
никого
Для забавы...

Стихи-афоризмы запоминались на слух с первого раза:

Красивых
Мало
Обезьян –
Почти у каждой
Есть изьян.
Но самые безобразные,
Увы, –
человекообразные.

Иногда, к слову, вспоминал свои старые стихи. Вот стихотворный афоризм, который вошел в книгу 1997 года и помечен там 1953 годом:

Ужасна наша жизнь.
Особенно ужасно,
Что это вслуж сказать
Небезопасно...

Конечно, читатели не знали этого стихотворения. Как и многого другого, созданного Борисом Захoderом.

ПОЭТ СТИХИ

– У творчества,
друзья, секретов нет.
– А тайна?
– Тайна есть,
Но это – не секрет!
Легко различить
Секреты и тайны:
Тайны – извечны,
Секреты – случайны.

Борис Захoder "Секреты и тайны"

Нереало, записывал ли свои мысли о литературе, об искусстве везнаю, с жизни, философии и религии, о языке и мышлении, о педагогике и психологии... Очень обидно, если не записывал. Потому что запомнилось далеко не все, что я от него слышал.

■ Почему вы переводите именно Гёте?

■ Если бы я не боялся быть нескромным, я бы сказал: "родство душ". И появилось оно очень рано. Не знаю, известно ли вам, что первое написанное мною стихотворение – это было шестьдесят лет назад – перевод "Лесного царя" Гёте. Мне было 11 лет, и я был страшно возмущен переводом Жуковского. С моей точки зрения, русский перевод совершенно не соответствовал тому, что написано было автором. Это была моя первая переводческая работа. Решил утереть нос Жуковскому, соплик.

– И получились?

■ Боясь, что не очень. Но я не хочу быть нескромным, и потому риску покажаться просто нахальным. Мне было жалко.

■ Гёте и наших читателей. Как ни грустно признаваться, у нас, в России, Гёте особенно не повезло... Все на него набрасываются. Может быть, потому что им не дополнить даже до его пятки. Вспомните, как товарищ Сталин объявил, что "эта штука сильнее, чем "Фауст" Гёте". Он имел в виду "Девушку и Смерть" – графоманское сочинение Горького. Но и сам Горький, оказывается, еще до товарища Сталина, в 1912 году, сумел лязгнуть Гёте, написав в своей "Истории русской литературы", что четверостишие нашего Жуковского на смерть Гёте куда выше творений самого этого Гёте.

А изумительные всех высказался Тихонов. Тот, который предлагал из людей делать гвозди. Он написал, что Лермонтов сделал гениальное произведение из посредственного стихотворения Гёте. Черт дернул барда за язык! Не слабое, не серое стихотворение, а посредственное. И это о гётевском творении "Über allen Gipfeln ist Ruh", которое поражает прежде всего своей непосредственностью, свежестя! Кстати, оно написано было экспромтом на стене охотничьего домика. Более непосредственного сочинения не существует. И написано оно совершенно изумительно. Там дидактики создает совершенно неповторимый ритм, который родился с этим стихотворением и больше никем не повторялся. Даже автором.

Вот этой чарующей первозданности нет в "Горных вершинах". Это прекрасное стихотворение, но совсем по-другому прекрасное. У Лермонтова очень хороший, прелестный, но обыкновенный романс. А Гёте – это нечто уникальное в мировой литературе". Сравнительно превосходный романс с гётевским шедевром я бы не стал... Из уважения и любви к Лермонтову.

■ Вы с Машей слушали, умею не задавая вопросов и не перебивая.

■ У Гёте это стихи природы, услышанный поэтом. Ее вечернее заспание, увиденное как радостное предчувствие смерти. А может быть, и не радостное. Но светлее, я бы сказал.

После паузы:

■ Подожди, немного, отдохнешь и ты...! Прекрасная строка! Кажется, проще и лучше сказать нельзя... Оказывается, можно. В оригинале так: "Тебя ждет покой". Вот это о чем. Теперь, когда все прочли Булгакова, мы знаем, что это за покой и кому он дается.

Еще из мыслей Бориса Захoderа на связи с Гёте:

■ Гёте делил художников на две категории: художники стиля и художники манеры. Художники манеры – это те, кто как сейчас модно говорить занимается самовыражением. Поэтому, говорит Гёте, они так удручающе напоминают один другого.

■ Я вобще очень традиционный человек. Я чувствую себя одним из звеньев какой-то цепи. Все эти разговоры о самовыражении вызывают у меня тошноту.

Поэтов – нет,
а есть один поэт.
Различными
он пишет писемнами.
И разными
звонятся именами,
Но он один – поэт.
Другого нет.
По счастью он
не расстается с нами
С тех пор,
Как существует
белый свет,
И даже Смерть сама
Его портрет
Лишь дополняет
новыми штрихами...
Поэтому, как говорит
мой Тайный Советник:
Не заботься
О своих особенностях!
Позаботься
О своих способностях!

Художники стиля стараются раскрыть в своих созданиях именно то, что в них вложил Господь. И поэтому они так непохожи друг на друга. Гёте – поэт стиля. И с ним – как с народными сказками, – если вы чуть что-то не так тронули, у вас начнут высвечиваться совершенно не то.

■ Борис Владимирович, а в чем, по-вашему, смысл выражения "необычный взгляд поэта", необычное видение художника? Действительно ли поэт видит то, что скрыто от обычных людей? Поэтому в хороших стихах так много неожиданного для читателя?

■ Должен ваш пыл охладить. Потому что неожиданность на самом деле возникает тогда, когда человек видит то, что перед носом! Переводчик, – говорил Борис Владимирович, – оказывается в положении персонажа сказки, который спускается за дракошностями в пещеру, полную сокровищ. Он выносит оттуда столько, сколько может унести. Но тут важно вынести именно то, что взял. Сколько потом ни доказывай, что химический состав предьявленных тобой угольков и извести тот же самый, что у перлов и алмазов оригинала (а перлы, жемчуг – это действительно известь по составу, и алмазы, как известно, – уголь, чистый углерод), цена все равно будет другой, правда?

■ У Гёте это стихи природы, услышанный поэтом. Всегда был вольным переводчиком, ни в чем не уступаю обстоятельству, ни в чем не допускал приближенности, а тем более фальши.

Конечно,
Это вольный перевод!
Поэзия
в неволе не живет...!